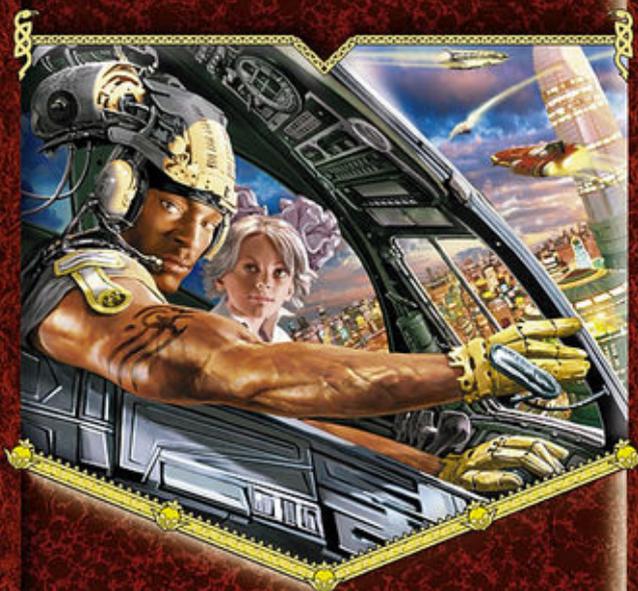

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

ПРИМИ СВОЮ ТЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Оксана Б. Демченко

Прими свою тень

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=648115

Демченко О. Б. Прими свою тень: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-0925-9

Аннотация

Половину жизни истратил инспектор Йялл на расследование, ставшее смыслом его существования. Волвек в мире людей, живущих совсем по иным законам. Волвек, ставший едва ли не лучшим шеф-инспектором... Но дело, чуть не ставшее причиной для полного разрыва отношений между двумя планетами, по-прежнему не раскрыто. Мог ли предполагать Йялл, что рутинная поездка выведет расследование на новый уровень? Что из одного дела выделится четыре и едва ли не каждый житель двух миров окажется задействован?

Впрочем, все события меркнут перед делом номер пять, начавшимся с рукописного признания, сперва показавшегося всем детской шуткой.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	19
Глава третья	22
Глава четвертая	48
Глава пятая	53
Глава шестая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Оксана Демченко

Прими свою тень

Стая является единым организмом, состоящим из сознательно свободных личностей. Высшая цель стаи – развитие и познание. Высшая цель каждого входящего в ее состав – гармонизация двух своих «я», образующих волвека. Мы дали им имена для своего внутреннего общения. Волк – зверь, дарующий нам силу, интуицию и азарт. Лвек – тонкая духовная структура, позволяющая делать выбор вовсе не по праву сильного... Погубив в себе волка, мы лишимся не только второго облика, но и восприятия яркости мира, восторга слияния с ним. Погубив лвека, мы умрем. Душа должна управлять силой, выбирая для нее и длину поводка, и время свободных прогулок.

Из книги первого вожжака свободных волвеков Лайла Энзи «Мы – стая»

Глава первая

Мирная прогулка инспектора Йялла

Йялл двигался ленивой походкой по самой середине улицы. Как обычно. И смотрели на него тоже как обычно. Неудивительно: в этом поселении людей, сколько бы оно ни переезжало, изменений не накапливалось даже минимальных. Скучно. Йялл демонстративно зевнул и прищурился. Почесал за ухом, быстро, резко, точно так, как чешут за ухом лапой гроллы – волвеки в своем втором облике. Жест характерный, нарочито подтверждающий дикость, о которой теперь неизбежно шептались в каждом окне, спешно и плотно закрытом шторой или жалюзи. Отгородившись от дикаря, его обзывали гнусным вонючим гроллом, хотя сейчас он был в своем человеческом облике, на двух ногах, одетый приметно, чего стоит хотя бы куртка из светлой искусственной замши. Яснее слов показывает: всего лишь прибыл прогуляться по улице, даже без повода в виде рутинной инспекции.

Возле стеклянной стены бара, расположенного по ходу движения слева впереди, сучали на высоких стульчиках ранние пташки, выбравшиеся ловить случайных клиентов в полдень, когда эти самые клиенты еще спят или только собираются сюда, заранее выведя мобиль из состояния автопилота. Такой адрес ни у кого не хранится в числе постоянных. Не принято.

– Ё-о-о, наш любимый зверик в отпадном прикиде, – хихикнула старинная знакомая. В последний раз она была яркой брюнеткой, а сейчас встряхивает выбеленными до неестественности волосами. – Эй, скидку хочешь?

– С твоего возраста? – вроде бы язвительно поинтересовался Йялл, но шагнул с середины улицы ближе к тротуару сразу, без раздумий. – В прошлый раз я давал тебе тридцать один, если верно помню. Могу сбросить еще годик, прекрасно выглядишь. Привет, Лорри.

Лорри исправно оскалилась, морща нос и демонстрируя все свои зубы вплоть до коренных. Изобразила презрение и насмешку. Старая игра во вражду. Потому что здесь ему все не рады. А сам он в лучшем случае сучает. В худшем... Впрочем, если бы он подозревал жесткий вариант развития событий, то не надел бы любимую светлую куртку.

Йялл присел на свободный высокий табурет. Выудил из кармана мятую купюру. Изучил с сомнением. Во всем мире осталось не более дюжины поселений, где еще помнят и активно используют бумажные деньги. Большая часть людей и не знает о таком явлении. А

меньшая вполне довольна своим положением в тени, вне внимания Совета. Лорри быстро выхватила бумажку, подмигнула гораздо дружелюбнее:

– Так мало я буду стоять еще лет через десять, когда сделаюсь окончательной развальнойюхой.

– Длинное предисловие. Ты же знаешь, я интересуюсь, как все вонючие гроллы, только неразбавленной растительной кровью.

– Гнусное животное, – хмыкнула Лорри.

Спрыгнув с табурета, она убежала в бар добывать редкий в этих местах, прямо-таки эксклюзивный, томатный сок с солью и без спиртного. Все-таки знакомы уже лет пятнадцать, вкусы выявлены и с тех пор не изменились. Отношения тоже устоялись. Он давно оставил попытки образумить дуреху, не желающую жить нормальной жизнью, она отвыкла лупить злодея-инспектора по голове подвернувшимся под руку тяжелым и чаще всего стеклянным предметом, обзывая легавым и продажной шкурой.

Йялл вздохнул, глянул вверх, на синее густое небо неродного, но самого любимого Релата, и подумал о том, как тяжело здесь приживаться его родичам. Настоящим, стайным. Недавно пышно и торжественно отметили юбилей – полтора века совместной жизни трех рас: людей, айри и волвеков. Очень старались: забили до отказа все общественные каналы инфосреды программами по истории, с умилением показывали общие ясли и детские садики, поселения людей на Хьёртте – «стремительно возрождающейся к жизни планете наших братьев». Демонстрировали и желтоглазых профессоров из Академии, и влюбленно взирающих на них студентов всех трех рас, излагали перечни общих научных разработок и деловых проектов.

Смотреть было и больно, и грустно. Все в Совете прекрасно знают: единства нет и вряд ли оно когда-нибудь настанет, полное и окончательное. Давно закончилась эйфория, вызванная обретением братьев по разуму, прошло увлечение оригинальностью волвеков, нового вида разумных, утихла шумиха – вот с тех пор и стали копиться проблемы. Люди поначалу надеялись, что волвеки, побочный и достаточно спорный продукт давнего эксперимента айри, осознают свою дикость, устроятся малочисленности собственной расы – и примут правила поведения, усвоят ценности и нормы человеческого общества. Перестанут именовать себя стаей, а главу Совета планеты Хьёртт (так его называют только люди) – вожаком и Первым. Представители человечества не без причин считают себя наиболее массовым элементом общей цивилизации и оттого – это сугубо их мнение – главным...

Айри вряд ли надеялись на перемены в характере волвеков, даже изначально. Отношение к ним у различных групп айри не просто неодинаковое – полярное. Да и сама эта раса весьма неоднородна: ее представители объединяются по интересам вокруг мало кому понятных извне ценностей и идей. Есть те, кто сразу или, что более естественно, после долгого размышления включались в стаю – так интереснее. Они, живущие долго, вообще предпочитают не спешить. Молча наблюдают, молча делают выводы и молча им следуют на правах самых умных... Вот уж кто в себе и собственной мудрости не сомневается! Айри мало, зато именно они создали современную науку как таковую. Кое-кто из них до сих пор полагает, что ум – это больше чем мудрость, а рациональность – выше порядочности. Приверженцы подобных воззрений дистанцировались от «низших», не желая забывать о том, что волвеков вообще-то создали именно представители расы айри. Древние и несравненные драконы, достигшие стадии человекообразия. Интеллектуально – боги.

Риан, старейший айри Релата, насмотрелся на комплексы родичей, наверное, больше всех. Он посмеивался над чужими предрассудками, возмущался, использовал – когда что удобнее. Ссорил айри, только что договорившихся о единой оппозиции, подначивал сомневающихся, уличал в глупости старейших, торговался по поводу прав на использование родичами собственных идей и разработок. Жестко одергивал надменных, если при нем упоми-

нали «избранность и статус высших». А еще мирил и помогал выработать взаимопонимание. Он раньше иных осознал: необязательно быть одинаковыми, достаточно общаться, принимая соседей такими, каковы они есть.

Йялл вздохнул. Риану-то что – ему, страшно подумать, более полутора тысяч лет... Это не старость даже, это древность! Тем не менее учитель не слаб и отнюдь не медлителен. Лет двадцать назад, несмотря на столь преклонный и почтенный возраст, Риан накостылял ему, Йяллу Трою, по могучей шее и выгнал из учеников, назвав пригодным к бою и даже слишком драчливым. Сказал, что дальше наследнику гордой фамилии разведчиков стаи следует практиковаться не в крепости мышц и скорости реакции, а в понимании сути вещей. И что для указанной деятельности ему предоставлено все необходимое и природой, и учителем: ум, открытое доброе сердце, непреодолимое упорство, а также синяки и шишки, идеи и воззрения, медленно превращающиеся в жизненный опыт, личную позицию и убеждения. Йялл поклонился и ушел – стараться. Чем и занимается по сей день. Достиг звания шеф-инспектора. Преодолеывает себя. Разжимает кулаки и учится просто разговаривать. До исчерпания самой последней возможности – просто разговаривать. Без ушибов и переломов. Это трудно.

Даже теперь, прожив с волвеками бок о бок сто пятьдесят лет, люди не понимают до конца принципов общения в стае. Люди очень редко могут стать в ней по-настоящему своими, если не входят в семью и не имеют способностей снави – чувствовать сердцем больше, чем сказано на словах. Волвеки, в свою очередь, не в состоянии осознать пределов людского... скажем так, разнообразия. Им кажутся дикими и непростительными абсурдная ложь и мелкая себялюбивая подлость. Им никогда не вникнуть в смысл вполне типичных для людей, лишенных единого стайного духа, проявлений индивидуальности: как безобидных – стремление к уединению, застенчивость, скрытность, так и весьма неприятных – собственничество, жадность, эгоизм и завистливость. А еще люди бездумно создают семьи, словно по-детски играют в серьезные чувства. И столь же легко разрушают их... Зато у волвеков до сих пор разрешены телесные наказания и драки. Сломанная рука, например, – не повод для вмешательства инспекции. У волвеков вообще нет привычных и понятных людям систем и силовых структур для поддержания порядка. Только коллективное сознание и вожаки нескольких уровней иерархии. Сломали тебе руку не по делу – отвечающий за поселение сам узнает, сам и вмешается.

А если волвек повредил руку человеку, даже за дело, но это произошло на Релате, где закон другой? То-то и оно. Общих городов здесь, под синим ясным небом, осталось всего два. С тех пор, как ушел к предкам, в родовую память стаи, первый из Йяллов, разобщенность стала расти. С тех относительно недавних времен, когда покинуло мир живых его поколение, поколение первых свободных волвеков, обе стороны – люди и их новые соседи – противостоят расколу по мере сил, осознавая негативные последствия возможного разделения.

Но если объяснить законы людей волвекам еще можно, то как примирить их с существованием беззакония? Такого, которое день за днем обыденно творится здесь. Для жития в беззаконии и вырос этот городок в сухой степи, никому не нужной и давно задичавшей. Городок, где не желают жить общей со всем миром жизнью: работать, учиться, развиваться... Зачем? Можно и проще добывать хлеб с жирным маслом. Одни торгуют собой, другие промышляют азартными играми, третьи содержат притоны. Многие откровенно бездельничают, тихо проедают всевозможные социальные пособия – здесь ведь можно снять комнату практически даром и не придется выслушивать никаких увещаний типа «так жить нельзя».

Можно, само собой, это локальное безобразие и иные, подобные ему, прикрыть. Совет по данному поводу уже много раз собирался. Но разве таким способом переделаешь нутро людей? Нет. А если гниль загнать вглубь и замаскировать, станет лишь хуже. Тем более и гнили той – с ноготь. Да пусть живут как им вздумается. Их ведь – и поселений, и обитающих в них людей – за полвека стало втрое меньше... Пусть тихо вымирают города-призраки, пока

не мешают жить остальным и никого не тянут к себе силком. Не в них главная беда Релата. Гораздо хуже и опаснее те люди, которые пытаются активно строить мрачную и чуждую нынешнему миру жизнь: продавать оружие или иные запрещенные вещества и предметы, воровать секреты и наживаться на людских слабостях. С ними как раз инспекция и борется.

Йялл усмехнулся. Он вполне согласен с разумностью доводов людей. Теоретически. Вот только на практике ездить сюда приходится именно ему, недоброму нелюду с очень хорошей, просто уникальной реакцией. С выдающимся чутьем на неприятности. И внушительными способностями из них выбиратья.

Дверь бара скрипнула, выпуская Лорри. Тридцать один! «Сказал, тоже», – усмехнулся про себя Йялл. Он точно знает: Лоране Диш тридцать пять, а выглядит она на все сорок пять под этим жутким слоем боевой раскраски. Маленькая, полноватая, с нарочито наглыми манерами, с излишне громким хрипловатым голосом. На первый взгляд – обычная девка, стареющая и уже никому из трезвых дневных посетителей не интересная. Жалко ее. Неплохой ведь человек с глупой и трогательной жаждой самостоятельности. Правда, безнадежно напичкана предрассудками о том, что жизнь – вечный праздник, а запреты и ограничения придумали глупые чинуши. И что вот этот город-помойка и есть настоящая свобода. И что она «никому ничего не должна и не такая дура, чтобы верить в бесплатную доброту».

– Пей кровь, животное, – проникновенно и мрачно предложила Лорри, ставя на стол сок.

– Давай я тебя устрою в Красной степи? – вздохнув, как всегда, предложил Йялл, принимая бокал.

– Да кому я нужна, – без обычного раздражения, вроде бы даже с грустью отмахнулась Лорри. – Нас ведь называют там, в вашем большом мире, носителями вируса разложения общества. Нас предпочитают изолировать от нормальных людей. Прикол, а? Мои клиенты – они «нормальные».

– Скажи, кто предлагает, и я ему шею намну.

– Да начни с представителя Совета на землях нашего полуострова, – усмехнулась Лорри. – Йялл, ты хоть и инспектор, и легавый, и все такое, но ты – человек. – Женщина рассмеялась над странностью своего утверждения. Тряхнула выбеленными волосами, нагло прищурилась: – Ё-о-о, ты же вонючий гролл, чего это я? Люди из инспекции за столиком со шлюхами не сидят и сок в этом баре не пьют. У них может пострадать репутация. А ты сидишь. Даже примчался по первому вызову. Один и не в форме. Как будто мало тебя здесь били.

– Так ведь и я приложил лапу к разрушению города, – весело оскалился Йялл.

Взглядом нашел свежий фасад быстровозводимого домика поодаль. Года два назад он прежний снес. Начал лично, своей широкой спиной. Хлипкое было сооружение. И памятный рейд. Люди неисправимо интересны. Наворотят глупостей – а потом, как с похмелья, пытаются сообразить, как это у них вышло, с чего все началось и отчего потом столь жутко обернулось.

– Это мы тебя вызвали, – глядя прямо в желтые глаза волвека, сказала Лорри. – Я и девочки. Очень боялись, что ты окажешься далеко и не успеешь. Но ты опять возник, как призрак. Прибыл быстрее, чем мы ожидали.

Йялл залпом допил сок и кивнул. Девочки его еще никогда не вызывали, хотя он и приложил немалые усилия, чтобы в диком и глупом городе у них было относительно приличное положение. Двух выволол из этой ямы за шкуру и заставил закончить базовые курсы медиков. На свои деньги приобрел для них дополнительный мобиль, оборудованный под медблок. Переломал руки и ноги всем, кто этими девочками тут распоряжался как собственным имуществом. В инспекции о нем до сих пор ходят гнуснейшие сплетни. Еще бы! Волвек,

создавший в кочующем Трущобном городе профсоюз продажных девиц. Добавьте: не просто волвек, а одиночка, исторгнутый стаей. Это тоже слух. Люди обожают делать вид, что знают всё. И понимают тоже всё – до доньшка.

– Вас что, вывезти в Красную степь?

– Дурак ты, зверик, – хихикнула Лорри. – Мы здешние, не скаль зазря зубищи. А вот Сати... В общем, пошли, расскажу по дороге.

Женщина подхватила свою сумочку на тонкой длинной цепочке и застучала каблуками по плиткам мостовой. Йялл шагал рядом. Смотрел сверху вниз на выбеленную макушку, примечал, как поредели пряди за два года. Кожа стала более рыхлой, бледной. И двигается Лорри тяжело. Обязательные в ее рабочем наряде туфли на высоких тонких каблуках старые, шпильки явно стоптаны, левая нога ступает криво. Колени у нее болят. Одышка изрядная. Да еще на солнышке сидела, его ждала – видимо, давно сидела. Йялл почесал за ухом и с сомнением дернул край куртки. Отогнал дурное предчувствие, выговорил себе за мнительность. Это всего лишь визит вежливости, в сообщении так и было сказано: «Есть тема». Когда Лорри переживает всерьез, она выражается иначе. Ну вот, споткнулась. Йялл поймал спутницу под локоть и возмущенно рыкнул:

– Лорри, ты хоть знаешь о том, что в Карне медицина полностью бесплатная? И не только там.

– Мы не в Карне.

– Ну и что? В ваш город регулярно навещаются медики, я сам участвовал в подборе добровольцев. И в стационаре поблизости тоже можно договориться. Документы у тебя есть, претензий у инспекции к тебе нет. Займись собой, не доводи дело до инсульта. У тебя налицо все признаки проблем с сосудами, уж поверь моему звериному чутью. В ушах часто звенит?

– Ё-о-о, сколько тебе лет, Йялл? Ведешь себя, как скрипучий дед с бесконечными зауменными поучениями.

– Шестьдесят три, то есть для волвека немного.

Лорри неопределенно фыркнула и свернула в узкую улочку. Вцепившись в руку волвека, она едва слышно зашептала, прекрасно зная, что для него и этой громкости довольно:

– Ее привез Тоший Дик. Давно, лет десять назад. Сказал, что никому не нужна и пусть подышает, а сам с рук на руки сдал старой Томи, которая дурнее всех дурных, даже кошку пнуть не в состоянии. Девочке на вид было годика два. Томи ее выхаживала. Станный ребенок. Вроде такая вся добренькая, наивненькая, миленькая – хоть слюни пускай. Но на деле очень непростая она – и не мягкая, и не покладистая. Мы к ней привыкли. Даже я раскисла: сюсюкала, бантики-тортики и все такое. И вдруг – облом... Дик сказал, что надо вернуть. Папаша у нее нашелся. Богатый папаша. Знаться с ней не желает, но денег отслюнил и на школу, и на все прочее. Дику денежки и упали в ладошку его загребущую, ясное дело. Тот указание переслал Шмыгу, который спьяну Норме сболтнул, Норма – Томи, а старуха – уже мне.

Йялл поморщился. С возросшим сомнением пощупал рукав куртки. Любимой, светлой. Вздохнул, снял ее и бережно свернул. Сунул в руки Лорри. Брюки не жалко, да и не стаскивать же их тут, посреди улицы. Женщина поняла, захихикала:

– Ты не бойсь, он завтра собирался Сати увозить. В среду.

– Кто еще тут самый наивненький, – оскалился Йялл. – Я тебе подарю календарик с автоматической подсветкой даты. Сегодня среда и есть.

Лорри споткнулась, прошипела свое неизбежное «ё-о-о» и выругалась. Спасибо хоть куртку не уронила. Йялл вдвинул женщину за плечи в узкий проем меж двух заборов. Задействовал коммуникатор и сообщил на базу, что с курткой в частности и поездкой в целом вышла ошибка. Дежурный в ответ заржал. Вот дурень! Не иначе поспорил, будет ли разрушен хоть один дом после мирного визита инспектора Йялла в городок.

– Стой тут, – предупредил он. – Не хватало еще, чтобы тебя сочли наводчицей и помощницей инспекции.

– Йялл... – Лорри выглядела виноватой.

– Ты бегаешь слишком медленно, – привел волвек второй довод. Неоспоримый.

Он отвернулся, резко втянул ноздрями воздух. След по ужасающим духам Лорри мог бы взять, пожалуй, даже человек. Хотя кто их, людей, поймет. Гроллов обзывают вонючими, а сами-то... По три дня носят одну рубаху. Заливают с утра пятна подсохшего пота пахучими средствами, снова успевают взмокнуть к полудню и ходят в этом ужасном облаке угара.

На бегу мысли всегда получались злыми. Он не знал, почему, но привык. Пропускал их, такие колючие, мимо сознания. Мчался по следу. Прыгал через заборы, перемахивал через урны и мобили, толкал плечом упрямые, некстати торчащие углы домов. Запах казался зримым – его, свежий и стойкий в безветрии, удавалось проследить далеко вперед и выбрать кратчайшие срезки.

Шикарный черный мобиль того, кто был известен Лорри под кличкой «Дик», волвек увидел за очередным поворотом. И сам мобиль, и пожилого обрюзгшего мужчину у задней дверцы, и троих его личных помощников, и пятерых охранников у заборчика перед убогим подъездом дома. Один взгляд. Когда картинка отпечаталась в сознании, сразу же пришел и ответ. Дика он знал. И головорезов его знал, а недавно вычислил и их хозяина, на которого нет прямых выходов и улик. Зато есть точное понимание: зря надел светлую куртку, но вовремя снял. Еще он зря прибыл один. Дело не мелкое и не простое.

Йялл взвился в прыжке над очередным заборчиком, извернулся винтом, встряхиваясь в полете. Из нынешних он один умел так, если не учитывать Горров. Отталкивался ногами еще человек, а падал на все четыре лапы уже гролл. Очень крупный серо-рыжий гролл. В нем все-таки сто тридцать килограммов сухих мышц без малейшего намека на жир. Жир себе могут позволить стайные. Он – одиночка.

Из штанов и ботинок удалось вывернуться идеально, своевременно и без шума. Рубашка хрустнула, расходясь на плечах и спине по швам. Люди стали оборачиваться со всей доступной им, скажем так, поспешностью. Вполне профессионально. Уже тянули из-под полы костюмов тонкие стэки. Запрещенные к использованию, само собой. Потому что эта гадость и для дальнего боя годится, и для ближнего. А Релат – мирная планета. Девяносто пять процентов его населения понятия не имеет, что такое стэк и как он выглядит.

Йялл оттолкнулся от плиток пешеходной дорожки, рванул правой передней лапой стену на высоте двух метров, взлетая на вертикаль. Содрал покрытие еще раз задней правой уже в падении, поправляя траекторию. Отсюда, прямо со стены дома, само собой, никого не ждали...

Волвек обязан контролировать своего зверя, справиться с которым даже вооруженным людям вряд ли по силам. Лет двадцать назад я не решался так резко менять облик и отдаваться наитию боя. Тогда я гораздо хуже читал людей. Путал страх бессилия и страх смерти. Тогда я еще клевал на фальшивое раскаяние, ведь в стае не стремятся ко лжи и не бьют в спину... Был неопытен, не умел осознавать мгновенно и точно, что важнее в данный момент: преодолевая внутренний барьер, причинить вред и даже убить, или пощадить, рискуя чужими жизнями и здоровьем. В меня-то не попадут. А если и попадут – будет одним шрамом больше, велика ли беда? Но жизни других людей, ввязавшихся в переделку... Два с лишним десятка лет работы в патрулях меня сильно перекроили. Научили прыгать, не тратя время на раздумья. И отпускать зверя без опаски. Цель ясна обоим, и тяжесть отнятия жизни – если придется отнять – посильна. Окупаются другими жизнями, спасенными. Потому что я давно не ошибаюсь, читая самых грязных и темных людей...

Йялл сел от изумления. Он – собачка?.. Ни разу в жизни никто так не называл. Девочка, впрочем, вряд ли умела читать эмоции на морде гролла. Жаль: в шоке его никто не наблюдал уже много лет. Даже в коротком, мгновенном замешательстве. Сати подошла, погладила по шее. Успокаивает, что ли? Вот так невидаль! Девочка важно указала на дверь:

– Умная, я знаю, и смелая. Бабушка там. Сломай дверь, я здесь живу, и я разрешаю.

Йялл невнятно подавился рычанием. Вот так ребенок! Он не оценил сразу намек Лорри про наивненькую и миленькую. Пасть гролла растянулась в широкой улыбке. Когти правой передней лапы снова выдвинулись на всю их длину. Йялл впился в мягкий пластик двери и рванул замок из гнезда целиком – так быстрее и вернее всего. Оттеснил девочку. Принюхался. Когтем срезал растяжку, уже отпрыгивая назад и аккуратно роняя малышку на пол, а точнее, на свои подставленные передние лапы. Хрустнул короткий удар. Обычное дело: прощальная гадость для инспекции. Если и не убьет, то поранить может серьезно. Или хотя бы задержать.

Девочка встала, деловито отряхнула платьишко, вцепилась рукой в складки на загривке гролла – так ей спокойнее. Закусив губу и стараясь не бояться, вошла рядом с ним в пустой проем по обломкам двери. Минуту спустя бабушка Томи уже плакала в голос, обнимая любимую воспитанницу. А гролл злился на себя, собирая внизу у дома ботинки, штаны и обрывки рубашки. Приволок добычу в пасти на верхнюю площадку. Сменил облик, быстро оделся. Мрачно почесал за ухом. Теперь объяснений писать придется – лучше и не думать, сколько. Три трупа и один полутруп плюс разгром и калеки на лестнице. Что ни напиши, все равно объявят маньяком и отправят в Акад к психологам на восстановительное лечение. Если Тимрэ не успеет приехать и спасти. Вся надежда на него. И на...

Сверху, прямо с небес, сразу в полную громкость рухнул звук сирен пикирующего мобиля инспекции. Прибыло подкрепление, даже почти вовремя.

– Всем оставаться на местах! Проходит спецоперация! Внимание! Любые перемещения будут считаться недружественными!

Началось. Спасибо хоть орет сам Ларх, человек во всех отношениях замечательный. Явно рванул сюда, едва узнал о планах напарника, и сообщение диспетчера поймал уже в полете... Может, все уладится и без длинных письменных объяснений с последующими заслушиваниями комиссии? Йялл вздохнул, потрогал голую кожу шеи. Ожог, и здоровенный. Все же один стэк достал его по касательной. Значит, не ошибся – третье поколение, самонаводящиеся. Волвек спустился до второго этажа и усмехнулся. Девочка уже ждала его, сидя на маленьком старомодном чемоданчике из жесткого дешевого пластика. Веселый цвет, розовый с рисунком в виде синих тощих кошек, разнообразно изгибающих спины и хвосты. Бабушка Томи стояла рядом.

– Ты ее не отдашь этим? – жалобно уточнила пожилая женщина.

Одним словом «эти» она объединила и Дика, и загадочного отца Сати, и инспекцию, и Совет, и любые иные угрозы большого мира. Йялл усмехнулся. Теперь он вспомнил Томи. Два года назад видел, в тот самый день, когда снес спиной домик... Вроде бы Ларх потом делал ей документы: выяснил, что непонятно сколько лет Томи жила вообще безымянная и неучтенная.

В душе шевельнулось нечто темное и древнее. Не понять, то ли гролл почувал странное, то ли сама кровь шепнула...

– Вы теперь моя личная стая, это больше, чем семья у людей, – окончательно определился Йялл. – Я вас никому не отдам. Собирайтесь.

Женщина успокоенно кивнула, достала из кармана кофты документы – примитивные, пластиковые, в виде карточки с плоской фотографией. Пожала плечами. Правильно: какое у нее имущество? Миски-ложки паковать глупо, шмотки – и того дурнее. Йялл с новым интересом глянул на чемодан, а точнее, на пластиковый кофр. Принюхался.

– Вонючий помоечный кот в моей стае, – фыркнул он, весело щурясь. – Дожили.

– Котенок, – обиделась Сати, глядя свой чемодан. – Мне его Лорри принесла. Я попросила, она добыла. Породистый, с синими глазками. У помоечных глаза желтые, точно как у некоторых. Вот.

Ну что за беда – теперь проявилось наконец-то детское поведение: надулась и быстро отвернулась. Все равно понятно, даже со спины: глотает слезы. Впечатлительная. От обиды плачет, а на затихшего в глубоком обмороке похитителя – ноль внимания. Еще бы: ее «собачка» рядом и присмотрит за врагами. Странно, как сразу установились забытые стайные отношения молчаливого доверия. Обычно с людьми их строить невыносимо трудно, как же...

Додумать идею до логического финала Йялл не успел. По лестнице уже стучали подкованные модные сапоги Ларха. Скоро появился и сам он. Огромный, белокурый, породисто-синеглазый, аккуратный и улыбающийся. При полной форме. Именно таким он позирует для сюжетов в инфосреде. Живой идеал инспектора: глаза добрые, стэк застегнут в кобуре и скрыт под полой. Ларх в их паре – «хороший». У него ни единого взыскания, все списываются по обоюдному согласию на толстокожего дикаря гролла, у которого нет пока детей и семьи, да и репутация уже не может пострадать – она и так выглядит слишком... яркой. А еще у Йялла, в отличие от идеального синеглазого инспектора, никогда не появится терпение для написания отчетов по полной форме. Ларх подмигнул, бросил приятелю куртку – его обожаемую, замшевую. Значит, Лорри бегают не так уж плохо.

– Ты в своей неподражаемой манере выжил ценой превышения полномочий. Поздравляю. Вдвойне. В багажном отсеке задержанного нами мобиля так много интересного, что по поводу отчета не переживай, не до него теперь. И не хмурься: сам напишу. Хочу повышения и славы, так что ловил ты их с напарником, запомни.

– Один бы я не выжил, – обрадовался Йялл, представив свой жалкий убитый вид на дисциплинарных слушаниях. – Ты славно взгрел правого, спасибо.

– Во-во, правого от выхода из парадного завалил я, а второго взял живым, – уточнил Ларх. – Я сам напишу отчеты для Борха. Ты вечно путаешься в показаниях и можешь испортить дело. Твои девочки подогнали медицинскую развалюху. Исчезай, пока не прибыли остальные наши. Томи, Сати, привет! Вас больше никто не обижал?

– Мы и прежде никого не боялись, а теперь – и подавно. Мы – стая Йялла, – гордо сообщила Сати.

На браслете Ларха вспыхнул сигнальный огонек. Блондин удивленно повел бровью. Поиграл пальцами. Читал ответ.

– Поздравляю. Ты, шеф-инспектор Йялл, в одно утро, до обеда, угробил трех типов из списка общепланетарного розыска, взял Тощего с поличным, обзавелся стаей да еще и обнаружил ценного отпрыска королевской крови, Гиркса Пятого, прямого родича самого Горига, неподражаемого семикратного всепланетарного чемпиона породы обикатских короткошерстных... Котенка давным-давно разыскивает безутешная хозяйка.

Сати в ужасе вцепилась в ручку чемодана. Она первой сообразила, что именно ее синеглазого питомца назвали сложным именем. С отчаянием оглянулась на бабушку. Потом на огромного Йялла, недавно обозвавшего кота помоечным и получившего обидный ответ. Просьба о помощи тоже звучала до смешного отчетливо, пусть и произнесенная без слов. Йялл подмигнул. Хорошо так, обнадеживающе.

В душе расцвело давно забытое лето. У меня снова есть стая. Больше – семья! Волвек всегда осознает свою ответственность, этим он отличается от людей. Но все же так, снизу вверх, при разнице веса почти в сто килограммов, без тени страха или оторопи, на меня никогда не смотрели. Даже пятилетний сын Ларха сперва плакал, увидев «дядю Йялла». Я для

людей – смуглокожее чудище с плотной гладкой шкурой, совсем не похожей на человеческую, с яркими, словно подсвеченными, желтыми глазищами... Я тогда сутулился, опустившись на колени, пытался настроиться на общность и передать малышу свое настоящее состояние... Но визит в гости все равно оказался испорчен. Правда, потом дружба наладилась. Увы, во мне-то ожидание отчуждения и неприязни осталось. «Волвеки до неправдоподобия неагрессивны, иначе бы они правили миром», – так сказал Риан, выслушав отчет о походе в гости. Он прав, если подумать. Два облика, сила и скорость, недоступные людям. Умение читать если не мысли, то настроение и намерения. Да и формировать исподволь – тоже, чего уж там... Но это строго запрещено и никогда не практикуется стайными. Риан правильно заметил: разве люди способны поверить в неагрессивность и отсутствие мечты о господстве? Каждый судит по себе...

Но сегодня удивительный день! Сати смотрит снизу вверх, улыбается, одаривая горячей волной доверия и доброты. И ее ничуть не смущает облик волвека. Как до того не удивил и вид гролла, которого люди обычно, увидев впервые, считают воплотившимся кошмаром. Норовят оценить длину клыков...

Оставив на потом сложные мысли и ощущения, Йялл улыбнулся и погладил Сати по волосам. Пушистым, тонким и густым. Как же хорошо перестать быть одиночкой!

– Выкупим, – твердо пообещал Йялл, изучая отчет о котенке на личном браслете. – Он украден из питомника, еще не обзавелся постоянным владельцем, так что все в наших силах. Идем. Скажешь сама тете Лорри, что нельзя воровать в подарок. Нечестно.

Девочка обрадованно кивнула. Подняла чемодан – легкий, это видно по жесту – и затопала вниз по лестнице. Значит, Гиркс Пятый исчерпывает собой список ценностей стаи. «Наверняка он же – самый сытый и ухоженный в ее составе», – грустно улыбнулся Йялл. Сати тощая, как щепка. Словно ее вообще не кормили. Да еще нелепые волосы серого цвета, остриженные кое-как в полудлинное каре с кривоватой челкой. Смуглая, что вдвойне странно при таком цвете волос. Словом, невнятного происхождения и смешанных кровей оборвашка из этого города, самая обыкновенная и неприметная... Если не присматриваться и не причуиваться. Однако кому-то она очень и очень важна, раз в деле оказался Дик. Раз ее спрятали на полуострове, который даже не входит в зону опознания идентификаторов породистых кошек. Спрятали, десять лет не вспоминали о ней и не проверяли, жива ли, и вдруг решили забрать. Йялл нахмурился, снова приносиваясь и причуиваясь. Сати повела плечами, острые лопатки чуть не проткнули ткань платья на спине. То-то и оно: ощущает внимание. Слишком остро и точно для человека. Тем более – для нетренированного ребенка. Снавь? Рановато просыпаться дару в двенадцать-то лет, а ей никак не больше.

Вся стая Йялла загрузилась в мобиль. Сам он бросил куртку на сиденье и сел последним. Точнее, тяжело рухнул в кресло боком, оберегая пострадавшую спину. Лорри тотчас принялась ворчать и обрабатывать ожог. Заодно выслушала возмущение по поводу кражи Гиркса, высказанное Сати тихо и решительно. Женщина хрипло расхохоталась в своей обычной нарочито нахальной манере. Когда она так шумит, то прячет чувство вины и неловкости, это Йялл давно усвоил. Кажется, даже Сати знает и довольна: упреки не остались без внимания.

– Ё-о-о, ну ты даешь! Как я иначе могла захватить кота? Он же стоит дороже вашей вшивой квартирки. А я, было бы тебе известно, только Йяллу не говори, в юности была воровкой не из последних. Потому и не спешу на лечение в Карн. Должок за мной. Всю жизнь он мне перекрыл, этот должок.

– Княжеская библиотека? – Йялл вслух припомнил громкое дело пятнадцатилетней давности. Лорри мотнула головой. Волвек обернулся, не веря: – Что, архив Академии, вскрытый семнадцать лет назад? Лорри, прими поздравления. Чистая работа и по тактике, и по

обходу систем защиты, и по глупости. Зачем тебе понадобился оригинал самой старой на Релате электронной энциклопедии?

– Не он... Но знаешь, эти шары – идиотские! Айри их не маркируют, полагаясь на свои способности прямого считывания, вот нелюди! Какой-то урод переложил шарики в гнездах... или намеренно стырил инфу, оставил пустышку и забрал ценный чужой накопитель раньше, чем я. Нет порядка и в Академии, – сокрушенно признала женщина. Горько усмехнулась: – Тот тип, который свой шар оставил вместо заказанного, или обогатился, или тупо лоханулся... А я оказалась вне закона, без оплаты за труды да еще в должниках у гаденыша похлеще Дика. Он меня и пристроил к нынешнему моему ремеслу. Чего щеришься? Небось думал, что я сюда от родителей сбежала, зверик?

– Шар все еще у тебя?

Лорри кивнула, указала на свою сумочку. Волвек сосредоточенно почесал за ухом. Оскалился, злясь на неистребимую привычку, чинно сложил руки на коленях и стал терпеть. «Жидкая кожа» впитывалась в обширный ожог. Чесалась страшно. Зато скоро завершится этап адаптации и «кожа» станет родной.

– Тогда придется зачислить в стаю и тебя, временно, – обреченно прикинул Йялл. – Отведу напрямик к директору Академии, господину Ялитэ, айри. Будешь слезно каяться, тихим голосом и в пристойных выражениях. Предварительно смыв боевой раскрас и натянув самую длинную юбку, какую мы найдем. Он простит и устроит на работу. Если повезет, не станет сразу, при нас, прыгать и визжать от восторга. Это же его личный шар, там помимо энциклопедии дневниковые записи за двести лет, фотоархив, видеоархив... и так далее.

– Его личный, – задумчиво повторила Лорри и замолчала.

Получасом позже грузный тихходный медицинский мобиль взлетел от домика Лорри и взял курс на побережье Карна. Следом, чуть выше, шел на автопилоте одноместный легкий инспекторский – Йялла. Сам он сидел к креслу и рычал от злости, пользуясь тем, что остался один и его сокрушительного гнева никто не услышит. Разве что Сати... Полное ощущение того, что она принимает эмоции. Хотя сама читается по первому впечатлению как обыкновенный человек, без малейших дополнительных талантов.

Йялл кое-как отдышался, прикрыл глаза и стал уговаривать себя прекратить дикое и глупое расплескивание эмоций. Люди в городе-призраке не особенно хороши, с ними трудно. Но если бы все проблемы межрасового непонимания сводились к наличию среди людей лентяев, жуликов, подобных Лорри авантюристок и эксцентричных недоумков с дефицитом адреналина и порядочности... Эти человеческие вывихи даже стайные рано или поздно понимают и если не принимают, то учатся мириться с их наличием у соседей. Как говорил великий учитель волвеков айк Юнтар: «Если есть мех – заведутся и блохи». Еще он советовал травить блох, а не самого носителя шкуры.

Куда страшнее другие люди. Тихие, вполне мило и ловко живущие «нормальной» жизнью. Отставшие от нее на три – пять поколений. Закостеневшие в древней системе ценностей давно сгинувшего общества, разделенного границами и сословиями... Такова, например, госпожа Дуурх. Животных любит, содержит лучший кошачий питомник. Все в рамках закона, она для инспектора Троя – потерпевшая, она во всем права. Ей сочувствовать надо, а хочется шею свернуть. Медленно и с удовольствием.

– Нет и еще раз нет. – Тонкие губы женщины, расположившейся по ту сторону экрана, сошлись в ровную горизонтальную щель. – Котенок вернется сюда. Он отбракован и подлежит усыплению, я так сказала, верно. Однако его непригодность для племенных целей и для продажи ничего не меняет. Я не оказываю снисхождения преступникам, отбросам нашего прогрессивного общества. Воровка должна понести наказание. Девочка, способная принять краденное в дар, тем более заслуживает показательного урока.

– Ей двенадцать лет, и она не знала о том, каким способом был добыт котенок, – тихо и доверительно уточнил Йялл. – Вы (*а-р-р, тварь ты паскудная*) должны это учесть, при вашем добром сердце (*так бы его и вырвал, сухое и пустое*)...

Волвек рычал свои комментарии в звуковом диапазоне, не воспринимаемом коммуникатором. Потому госпожа Дуурх понятия не имела, сколь малую часть высказанного вслух она узнаёт. Женщина победно улыбалась. И бесконечно повторяла «нет». Йялл из рода Трой богат – твердо понимала она, наведя простейшие справки уже в ходе сеанса связи. Еще бы! Котенка стремится заполучить сын того, кого теперь именуют вожаком – то есть, по человеческим меркам, лидером – всей расы волвек. К тому же Йялл связан по рукам и ногам своей должностью инспектора. Не рискнет даже нагрубить, поскольку этим подведет семью и бросит тень на добрососедские отношения двух народов. Значит, цену можно поднимать бесконечно. И врать, врать, врать...

– Котенок не продается, – снова повторила госпожа Дуурх, алчно щурясь. – Тем более невесте кому. В сомнительную семью без дохода и положения.

Йялл еще разок вздохнул. Проворчал едва слышно нечто невнятное, смолк надолго, удивив собеседницу, и все же рискнул перейти к крайним мерам. Совсем крайним.

– Девочка теперь – часть моей стаи. Вы причиняете ей боль своим решением. Я верну вам котенка, но затем подам ноту в Большой Совет Релата. Публично. Доведение ребенка до нервного срыва и негуманное обращение с животными. – Вертикальные зрачки желтых глаз сошлись в две неразличимые щели. (*Тебе, шалава, найдется место на помойке.*) – В вашем достойном окружении ведь не знают, что котят вы усыпляете? Здоровых, маленьких, пушистых котят, пристроенных в хорошую семью. Детские слезы так трогают сердца...

Госпожа Дуурх дрогнула. Покосилась на шар под рукой собеседника: запись идет. На ее лице отчетливо читалась досада: сгоряча сказала, что котят она усыпляет. Это есть в записи. При малейшей шумихе, при первом признаке скандала все станет известно. Соседям, клиентам, партнерам, их детям. Гнусным новостникам, которых хлебом не корми – дай сведения, жареные и с перчиком, о жестокости владелицы чемпиона породы обикатских короткошерстных.

– Вы долго жили среди людей, инспектор? – запоздало предположила хозяйка питомника, скорбно растягивая губы в линию. Не улыбка и даже не пародия на нее – чистое разочарование, без попытки его скрыть.

Йялл кивнул, не желая тратить на ничтожество лишних слов. Он долго жил – всегда. Его мама сама была человеком по рождению. Он знает, кому руки ломать, а кого топить иными способами. Вместо котят...

– Котят в нынешнем сезоне, не отбракованных, я продала в среднем по такой цене. – Госпожа Дуурх усмехнулась, сдаваясь и одновременно завершая торг, вполне успешный, по ее мнению. Простучала длинными безупречными ногтями по консоли делового канала и с откровенным презрением глянула на собеседника – большого, неглупого и все же проигравшего.

Внизу на экране высветилась сумма, реквизиты и мигающее звездочкой приглашение подтвердить оплату. Приличная цена – немалая, но посильная и даже похожая на истинную... помноженную на три, не более того. Йялл задумчиво поморщился, затем с внезапным злым азартом решился, словно его подстегнули, дал пару команд и приложил к своей консоли палец. По правилам Релата, достаточно обычного «да». Он в личном пространстве служебного мобиля, идентифицирован и знаком системе. Однако волвеки, все до единого, предпочитают прямые контакты при покупке у незнакомых людей. Встречу, договор и старомодную подпись. Такое теперь шаткое доверие... Он обжился на Релате, готов согласиться на меньшее: фиксирует сделки отпечатком большого пальца правой руки. И голосом, само собой.

– Да, – рыкнул Йялл.

Звездочка мигнула еще раз, позеленела и красиво рассыпалась объемными шуршащими бликами. Мгновением позже пришло подтверждение списания средств. Госпожа Дуурх теперь отчаянно косила глазом на экран: тоже ждала подтверждения. Улыбнулась куда теплее. Еще бы! Двойная, в сравнении с запрошенной, сумма. Хотя чему тут радоваться? Не иначе она недопустимо мало знакома с расой волвеков, их законами и традициями.

– Вы не знаете наше правило последней сделки? – усмехнулся Йялл. Теперь и он не пытался скрыть презрение, смешанное с неприязнью. – Прощайте. Мирной вам загробной жизни.

Вот так и становятся чуть более людьми: обучаются прелести злорадства и пробуют вкус недоброй и многозначительной недосказанности. Йялл оборвал связь, успев разобрать, как госпожа Дуурх подавилась его словами. Кажется, даже испугалась и попыталась удержать линию – но зря... Йялл еще разок, от всей души, зарычал. Уже без злости, с самым настоящим удовольствием. Ну и пусть Совет стоит на ушах, и пусть координатор поджигает хвост и скулит... Хотя откуда у координатора хвост? На Релате эта должность всегда принадлежит людям. Впрочем, скулить они умеют лучше стайных. Теперь получили к тому повод. Веский!

Все сделки с двойной оплатой по счетам волвеков фиксируются, по каждой немедленно формируется отчет для секретаря Совета. Ведь они – так называемые «последние». Это давний ритуал, изобретенный премудрым айком Элларом и успешно заменяющий смертельную вражду. Сделки завершают общение стаи с тем, кто нанес оскорбление и сочтен ничтожеством. Имени госпожи Дуурх и любого иного партнера волвека в последней сделке, идентифицируемой по двойной сумме оплаты, больше не существует в системе опознания расы волвеков и ее общем сознании. Госпожа Дуурх умерла так же окончательно, как если бы Йялл Трой свернул ей шею своей крупной сильной лапой. Она никогда не сможет учиться, лечиться или отдыхать на территории волвеков. Не посетит, само собой, Хьёртт. Не станет поручителем в делах со стайными. Ограничений гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. О них обычно сполна узнают уже после сделки, прочувствовав на своей нежной человеческой шкуре – голой, лишенной любимого парадного платья людей, именуемого репутацией. Сейчас на Релате живет более трехсот человек, которые, с точки зрения стаи, покойники. Обманули в делах, предали в дружбе, предпочли корысть простому общению. И получили то, с чем теперь познакомится госпожа Дуурх. Месть и официальную смерть. Странные методы, по мнению людей, но ведь никто не обещал, что стая примет их законы.

Йялл рассмеялся и замер, сполна осознав, что его радость разделена и приумножена близким *со-чувствием*. Удивленно охнул. Стал озираться, невольно шурясь и принохиваясь. Откуда дотянулось второе полноценное, способное к общению сознание? И кто вообще мог, он же одиночка, он – не стайный...

Мигнул сигнал вызова. Сразу, не дожидаясь согласия со стороны Йялла, на экране грузно зашевелился в излюбленном кресле старший инспектор Борх. С кислым видом взглянул на своего сотрудника. Лучшего – и худшего тоже. Это смотря как учитывать его дела. По предотвращенным разрушениям – или по произведенным.

– Она приходится родной тетушкой координатору провинции, – тяжело вздохнул Борх.

– Кто? Покойная? – живо уточнил Йялл, имея в виду госпожу Дуурх.

– Именно. Лично для меня – давай ее реанимируем. Отмени сделку. Точнее, даже так: не мешай мне ее аннулировать. Координатор сам додушит, обещаю. Будет синяя и дохлая, уже сейчас такова, даю слово. Только пусть он, а не ты, клянусь зубом мудрости Великого... Ты же знаешь наши с вами проблемы взаимопонимания. Ну нельзя. Сейчас – нельзя. Сегодня это вторая сделка по Релату. Пройдет фиксация, будет заседание Совета и очередной скандал. Координатор Большого Совета и так еле жив. Йялл, первый человек Релата моими устами

просит тебя... Не делай вид, что ты глух! Мы знакомы двадцать семь лет. А сколько я простил тебе ненаписанных отчетов...

Йялл сделал тупое, ничего не выражающее лицо. Не пройдет этот шантаж. Не будет отмены. Скандал? Да пусть! Устал он от недомолвок. Один хороший рык и драка со сломанными костями и рваными ранами куда полезнее долгих лет бессильного скулежа Совета. Старые долги закрываются только после объяснений, пусть и неприятных. Волвекам и людям пора немножко встряхнуть отношения. И вообще – пусть сделку отменит тот, второй.

– Не отменит, – догадался о ходе мыслей подчиненного старший инспектор. Помолчал и тихо, одними губами, добавил: – Потому что последнюю сделку час назад оформил Первый – вожак Даур Трой. Он звонил мне только что, едва узнав о твоей, и просил связаться с тобой. Неявно – но я ваши терки знаю.

– «Терки», – скривился Йялл. – В каком баре ты набрался жаргона, Борх?

Старший инспектор довольно заржал, откинулся на спинку кресла и прикрыл веки. «Уже чувствует себя победителем», – мрачно прикинул Йялл. Без малейшего дара чтения эмоций видит подчиненных насквозь... Йялл потянулся, чтобы почесать за ухом, и плотнее сжал подлокотник, поймав начало жеста. Нервного и непроизвольного. Чего уж там, прав Борх. С Первым никто не спорит. Даже числа себя одиночкой и формально не входя в сферу сознания стаи. Даже двадцать восемь лет упрямо отказываясь признавать Первого отцом. И принимая ответное молчание как должное. Как свою большую победу, требующую уступать теперь в мелочах.

– Значит, была клиническая смерть и дуреху Дуурх откачали, – подтвердил согласие Йялл, снова прижимая палец к квадрату сенсорного блока. – Тогда пусть дарит мне котенка. С полной родословной, ошейничком с сапфиром... чем еще сопровождают легальную продажу детенышей чемпиона породы?

– Шелковый овальный коврик с вышивкой имен предков Гиркса Пятого, паспорт на старинной рисовой бумаге и золотая мисочка с эмалевой эмблемой питомника на доньшке, – охотно и чуть ехидно дополнил список Борх. – Получишь по прибытии, я уже отправил срочным курьером в Академию. Ты ведь летишь туда?

Йялл кивнул. Приятно после рычания с уродами общаться с нормальным человеком. Борх стоит многих снисхождений и уступок. Хищный и безжалостный, как тигр, и хитрый, как старейший из айри. А еще нечеловечески порядочный в важных делах. Его уважают все волвеки. Сейчас Борх морщится, явно готовя новый вопрос. Уже не в интересах большой стаи или Совета – от себя лично. Очевидный, в отличие от ответа...

– Ты принял девочку в стаю, – сказал Борх. – Не добавив слова «временно», как мне подтвердили. Что происходит? За все годы нашего общения это первый случай. Мы с Лархом оба не удостоились такой чести, а тут... Говори прямо и без предисловий, канал защищенный.

– Голос крови, – пожал плечами Йялл. – Пока сам не знаю точно. Сейчас ты прекратишь меня донимать расспросами, я вызову Тимрэ и буду сам разбираться, почему так поступил. А то и Риану позвоню, набравшись наглости.

– Она – снать?

– Спроси уж сразу: она человек? – вздохнул Йялл. Не без интереса пронаблюдал нескрываемое замешательство Борха, зрелище редкое и примечательное. И добавил, не дожидаясь нового вопроса: – Не волвек точно. Не айри. Для моего сознания, если рискнуть поверить ему, она выглядит родной и смутно знакомой. Я ведь застал директора Академии айка Эллара, я даже учился у него.

Борх неопределенно булькнул и перешел из состояния замешательства в состояние откровенного шока. Побагровел, хрипло дернул воротник, отдышался. Пробормотал исклю-

чительно виртуозную и нецензурную фразочку про самих генетиков и их родственников. Потер лоб и добавил, что уже вылетает в Карн и оповестит кого следует.

– Ты вообще насколько уверен? – еще раз уточнил Борх.

– Я хорошо знал Эллара, единственного в своем роде айка, существо уникальное, вне пределов нашего понимания. Неповторимое, если не считать Юнтара... которого я знал еще лучше. Ни я, ни кто-либо еще в мире не видел прежде ни айка-женщину, ни айка-ребенка. В чем я могу быть уверен? Меня осенило минут десять назад, прямо перед твоим звонком. Докатилось запоздалое понимание: когда я рычал и ругался с этой тупой Дуурхой, девочка мне со-чувствовала. По полной. Без всяких там натяжек, детских недопониманий и проблем с настройкой на малознакомое сознание.

– Клянусь пьяным зеленым драконом...

– И его похмельной икотой, – подмигнул Йялл. – Никуда ты не летишь. Береги ублюдка Дика крепче, чем хрупкий межрасовый мир. Нам бы успеть понять, кто поселил эту Сати в городке, пока свидетель жив. Ставлю золотую мисочку Гиркса Пятого и его же ценный шелковый коврик с родословной: в деле замешан хоть один из старших айри.

– Узкий круг подозреваемых, – уныло согласился Борх и добавил еще тоскливее: – И широчайшее представительство лучших адвокатов у них на службе... Не зря говорят: богат, как айри.

Глава вторая Увольнение и наем

Утро начиналось так славно... Кто мог предсказать три часа назад, что он к полудню окажется безработным изгоем? Он, самый молодой и перспективный помощник куратора программ общепланетарной промышленной интеграции, почти член Большого Совета. Всего пара шагов оставалась до этого высочайшего статуса на планете. В тридцать два, на самом взлете стремительной карьеры, он внезапно и необратимо перешел в пике, не предполагающее ничего, кроме катастрофы. Во рту сухо, язык шершавый. Кашель душит. Мысли топчутся в темноте, словно кто-то без предупреждения погасил свет. Сегодня у него три важных встречи. Были в планах, были... Надо все время добавлять это «были»! Сегодня он хотел основательно подмочить репутацию своего заместителя и в перспективе сменить его на давно подобранного человека с правильными взглядами на жизнь. Куратору не нравится ни кандидат, ни его взгляды. Но утром казалось, что это можно преодолеть. Он умеет управлять подачей фактов... Умел. Все в прошлом.

Почему? Повод ему только что сообщили. А вот причина... Разве опустится до пояснений сам координатор Большого Совета, посетивший ведомство исключительно, чтобы сказать: «Уберите отсюда эту грязь»? Никогда. Развернулся и удалился. Тот, кого он видел вживую в первый и последний раз. Один из самых влиятельных людей планеты. Ничтожество, не понимающее ценности своего поста. Подлец, одним движением уничтоживший его карьеру. Жестоко, без раздумий, прямо-таки зверски. Публично. Наверняка и без единого шанса на восстановление статуса. Для такого жеста надо иметь веские причины.

Впрочем, причин слишком много, чтобы уверенно выбрать ту, которую удалось выявить инспекции. Нет сомнений: добрались до сведений именно люди Фьена Бо, этого желтокожего обезьяноподобного ничтожества. Генеральный инспектор! Пост высокий, но что с него имеет ничтожный Бо? Головную боль. Ни личной яхты, ни замка, ни острова... Теперь это, оказывается, не модно. Теперь модно иметь постоянное приглашение в гости на Хьёртт, к желтоглазым дикарям.

Бывший помощник куратора зло кашлянул и засмеялся. Скорее всего, именно это и вывели. Да, он – один из лучших в Среде постановщиков сценария «информационной пружины». Он способен так запрограммировать и отстроить вброс сведений в Инфосреду, что в них поверят и на них отреагируют заранее спланированным образом. Взять хотя бы тех же волвек. Не он начал кампанию по их дискредитации, но именно пять лет его работы позволили существенно подпортить репутацию стаи. И накопить средства на личную, пусть и небольшую, космическую яхту. Были оговорки в официальных сообщениях, информационные программы с неоднозначным подтекстом, ярко поданные конфликтные ситуации, из мелочи раздутые до уровня проблемы. Подкармливал он и «черных» новостников, заказывая у них откровенно провокационные сюжеты. «Шок: гролл загрыз женщину». Или: «Смотреть всем: волвек уродует ребенка». Да, даже так глупо и дешево... Но и это помогало создать нужный настрой. Главное в работе – комплексность подхода и грамотная дозировка информации. Только кому теперь нужен его опыт?

Бывший помощник куратора принял вызов своего агента и поморщился. Голос звучал без прежней приветливости, а в глаза ему и вовсе не смотрели: и там уже все известно... Новости Большого Совета быстро распространяются.

– Продаешь яхту? – усмехнулся приятель – уже бывший. – Обстоятельства, понимаю. Ты тоже должен понимать: мой процент утраивается. Придется продавать в два-три этапа, отделив от твоего имени. Цена, сам понимаешь, будет низкая.

И дал отбой. Не дожидаясь согласия!

Бывший помощник куратора – а сейчас он и сам не мог называть себя иначе, ужас слова «бывший» гудел в ушах, отчуждение окружающих давило – спустился в роскошный холл особняка своего ведомства. Нехотя сказал «да», подтверждая список возвращаемого служебного имущества и ценностей. Мобиль, квартира в Гирте и так далее. Дежурный курсант, будущий инспектор, принял формкристалл служебного удостоверения и молча отвернулся.

– Мне никто так и не назвал официальную причину увольнения, – разозлился бывший.

– Вы видите несколько вариантов? Я сообщу в инспекцию, и мы продолжим вас изучать. Вот список выявленных на данный момент нарушений, – отозвался без задержки курсант и достал из ящика старомодного, как и весь особняк, стола рисовую бумагу с полным текстом увольнения и размашистой подписью куратора. Передал в руки официально, с явным удовольствием. И добавил, не пряча презрения: – Но есть еще кое-что. Здесь не указано, но это ускорило прохождение приказа. Час назад вожак стаи Даур Трой перевел вам двойную сумму за сведения, запрошенные им вчера. Фиксация последней сделки уже прошла. Поэтому предупреждаю: через двадцать три часа ваше пребывание в Центральной провинции будет считаться нарушением закона. Метка в ваши личные документы уже внесена. Прошу покинуть помещение.

Бывший скомкал бумагу, выругался и побрел к высокой двери. Резной дуб в позолоте. Лет триста назад в этом особняке размещалась резиденция князей. Теперь не принято строить высокие здания и засорять новоделом древние города. Тем более Гирт, где располагается вся система планетарного управления.

На газоне у самого входа стоял личный мобиль, вызванный еще из кабинета. Небольшой, спортивный. Модель нового сезона... Вряд ли удастся заполучить в зиму такую же модную игрушку в дизайне следующего года. С этой мыслью изгой нырнул в салон, отгораживаясь от ставшего неприветливым города. Вздрогнул: в соседнем кресле сидел пассажир. Тот самый айри, заказавший пять лет назад работу по волвекам. И не только ее.

– Как неосмотрительно вы себя вели, – высокомерно поморщился айри. – Полный провал... Мы истратили на вашу карьеру немалую сумму. Полезность оказалась низкой. С людьми так часто случается: вы слишком самонадеянны, жадны и глупы. Неужели не приходило в голову, что инспекция заинтересуется источником избыточно высоких доходов?

– Я маскировал их. Ваша помощь была ничтожной, я всего добился сам. Вы мне, кстати, еще должны немалую сумму.

– Мы не оплачиваем неудачникам пособия по безработице, – рассмеялся айри. – Но я могу вас пристроить на новое место. Конечно, Трущобный город не так красив, как Гирт, и должность нашего представителя и контролера при обороте ряда запрещенных изделий и препаратов тоже не столь почетна, как место в ведомстве промышленной интеграции. Но проект общепланетарный. Репутации у вас больше нет, а деньги вы не разлюбили. Подумайте.

– Хотите меня довести-таки до пожизненного места на плантациях кофе в Тимассе, где заключенные мрут в пятьдесят, не выдерживая климата и условий жизни? – разозлился бывший партнер айри.

– Просто предлагаю работу и доход, – пожал плечами пассажир.

– Я пойду на прием к генеральному инспектору и сдам вас, весь ваш нелепый мирок айри, сдвинутых на ненависти к нам, живущим мало, но добивающимся успеха.

– Желаете сократить свой путь на плантации? – лениво усмехнулся айри. – Не возражаю. Сообщите, какое количество сведений по промышленности вы передали и как мы их использовали. Заодно расскажите, как вы трижды добивались своими информационными вбросами масштабных нападений групп молодых недоумков на злодеев волвеков. Как...

– Я, пожалуй, не пойду к Фьену Бо. Но черный рынок... Грязные людишки, риск.

– Приятно начинать новый деловой разговор, – чуть оживился айри. – Сколько вы хотите за риск и прочее? Предлагаю обсудить по дороге. Ваш новый офис на юге. Я уже задал курс. Просто подтвердите.

– Я слышал не раз, что связавшиеся с вами уже не могут порвать контракт, – мрачно отметил бывший. – Но не верил.

– Мы умеем организовывать информацию лучше вас, – любезно улыбнулся айри. – Итак, пять часов полета. Чтобы не скучать, я изложу вам правила работы наших представителей. Начну с главного: мы не отправляем на плантации опасных и неисправимых. Поэтому у нас не воруют, нам не лгут. Мы умеем контролировать сознание своих партнеров. Добросовестность, страх, лояльность, уважение – все тренируемо.

Айри поднял руку и неторопливо выпустил когти, которые есть у каждого представителя этой расы. Острые, длинные и убедительные. Смахнувшие отделку с прочного каркаса передней панели салона демонстративно и без малейшего усилия...

Глава третья

Хроника большого переполоха

Четыре часа полета до Академии утомили Йялла сильнее затяжного бега или неравного боя. Он едва успевал закончить, а точнее, оборвать на полуслове один непростой и торопливый разговор – как возникало новое приглашение к общению, и опять от важных людей и нелюдей, озадаченных, недоверчивых и встревоженных. Сати еще не добралась до Карна, но уже стала сенсацией. Одни полагали, что подозрения Йялла относительно девочки – бред. Другие в них верили и потому отмахивались и отрицали такую возможность вдвойне энергично, заранее рассмотрев многочисленные сложные проблемы. Третьи азартно потирали руки: уникальный подопытный образец с каждой минутой все ближе.

Директор Ялитэ нахмурился, сухо кивнул и отключился. Это был самый короткий разговор и наиболее полезный из всех, как показалось Йяллу. Айри, почитаемый опытным и влиятельным старейшиной этого народа, явно знал, кому звонить и где искать прошлое Сати, разгадку ее рождения. Беседа с Тимрэ тоже ограничилась дюжиной слов. Тот понял сразу и пообещал все устроить. Значит, охрана у Сати будет. Не головорезы и даже не снави. Гораздо лучше: статус, при котором запрещено считать ее подопытной и наверняка в придачу – право учиться в Академии.

А еще Йялл пообщался с главой медиков – Тиэрто. Старый айри впал в настоящее бешенство. Он больше других ученых ненавидел опыты с генетикой разумных – сам наигрался и заплатил за ошибки сполна... Он уже с усердием крота принялся рыть архивы биологов и генетиков, пытаюсь понять, кто и когда интересовался работами по мутациям, давно закрытыми и заброшенными. Собственно, сразу же после высадки волвеков на Релате было единогласно признано: категорически нельзя пытаться создавать новые виды разумных существ. Как нельзя и модифицировать имеющиеся. И без того люди, айри и волбеки уживаются с трудом. Новые расы и новые проблемы никому не нужны. Или все же нужны?

Йялл тяжело вздохнул, принимая очередной вызов уже на полете к побережью.

– Посадка у главного корпуса, – коротко распорядился Ялитэ. – Сам встречу.

Это было ожидаемо, и Йялл даже слегка удивился: зачем директор звонит? Но тот продолжил фразу, и все стало ясно:

– Первый... то есть твой отец был здесь и срочно улетел по делам, но его жена осталась и ждет тебя. Уж извини, придется вам встретиться. С ним я разговаривал, мы достигли взаимопонимания. С тобой тоже следует побеседовать?

– Теперь неважно, что было раньше. Я ведь прибываю не как одиночка, а со своей стаей, – гордо отметил Йялл. – Так и передай. Я нашел тех, кому моя душа охотно и полно сочувствует.

– Ах да, ты теперь тоже Первый... – задумался директор. – Это вас примирит?

– Мы не ссорились. Но ты прав, это допускает возможность общения. Для него и для нее – допускает. Прежде, как тебе известно...

Ялитэ, само собой, подробности знал и поэтому не стал дослушивать окончание фразы. Времени у него нет ни минуты, а уж лишнего, на пустые разговоры, тем более. Экран погас, точнее, восстановилась прозрачность купола мобиля. Йялл нехотя изучил вид под днищем, настоящий, не через проекцию радарного типа, удобную для навигации. Безоблачное небо, идеальная погода. Панорама Академии открывается – залюбуешься. Вовек бы ее не видеть...

Откуда той же Лорри знать о событиях тридцатилетней давности? О болезненности для него, Йялла, воспоминаний да и самого вида побережья. Наверняка медицинский мобиль специально полетел по более длинному маршруту в угоду Сати. Чтобы оценила красоту

Ирнасских гор, потом осмотрела побережье, море – и медленную, плавную прорисовку деталей города Гирта в устье Карниссы. Сперва контур у кромки горизонта, потом яркие пятна черепичных крыш и шпили в веселой полированной меди, покрытой защитным лаком. Зелень парков, причудливую линию прибоя и сложные изгибы стен средневековых замков, что занимают острова в устье. Им, самое малое, по пять сотен лет. И все до единой усадьбы принадлежат или членам Совета, или представительствам провинций, или отданы под штаб-квартиры всепланетарным ведомствам. Политика любит уединение и иллюзию патриархальной тишины. Так удобнее демонстрировать благодушие и открытость, единство позиций и взглядов. А заодно чувствовать себя обособленно: от любого соседа отделяет хотя бы узкий, но пролив. Свой причал, своя площадка для посадки мобилей, свои системы связи, своя территория, огражденная низенькими, но самыми настоящими каменными стенами.

Главная набережная города, древний порт и старинные кварталы сохранены усилиями директора Ялитэ и координатора Центральной провинции. До сих пор по традиции координатор здесь – всегда из прямых родственников одного из старых родов правителей Карна, Ирнасстаэ или иной территории, вошедшей в состав провинции. Центральной – поскольку здесь сосредоточено руководство всем нынешним Релатом. И здесь же находятся старые корпуса Академии, крупнейшего научного и учебного сообщества планеты. Шутка ли – миллион студентов, и это помимо обучаемых дистанционно и в филиалах. Плюс исследовательские группы и обслуживающая структура. В Академии любят говорить в шутку, что директор Ялитэ мог бы требовать статуса координатора провинции. Хотя, если разобраться, зачем ему еще и такой статус в мире людей? Ялитэ и без того – ан-моэ, один из неоспоримых вожakov народа айри.

Йялл тронул пальцами консоль, изгоняя все намеки на прозрачность обшивки. Посторонние мысли не помогали. Если бы летел один, никогда бы не выбрал этот маршрут.

Тридцать лет назад он был молодым восторженным щенком... Мир казался идеальным. Люди были друзьями и братьями, все до единого. Он стоял там, внизу, у здания главного корпуса, в такой же ясный день. Сжимал в ладони цветы, безжалостно надерганные на ближайшей клумбе. Мама должна была прилететь на неделю позже, вот и не успел подготовиться, найти букет поприличнее. Не пропустил сообщение, примчался, успел до посадки – уже хорошо.

Она возвращалась с западного побережья Обиката, мобиль ожидали точно с такого же, как теперь, маршрута. Он сам смотрел в небо, закинув голову. Долго смотрел. А потом в сознании возникла тень беды. Скользнула темным облачком беспокойства. Сразу разрослась до приступа боли и непоправимости уже случившегося, но все еще длящегося. Рядом охнула мамина подруга, сnavь второго посвящения. Шагнула, молча вцепилась в его руку: волвеки умеют делиться даром и помогать. Они вместе пробовали хоть что-то изменить, но не смогли. Разгерметизация в верхних слоях атмосферы... Мобиль еще падал, а маму уже было поздно спасать. Но они упрямо старались спрессовать воздух, смягчить удар, исключить угрозу возгорания. Надо ведь хоть что-то делать – невысмысленно просто так стоять и ощущать всем своим враз помертвевшим сознанием бесконечно длящееся падение. В черноту, в пустоту, в отчаяние одиночества. Люди умеют переживать такое. Отец говорил, что у людей толстостенные души. Им легче, они не со-чувствуют ни в жизни, ни в смерти.

Он, Йялл Трой, то же пережил. Вынудил себя суетиться, лично решать бессмысленные и легко урегулируемые кем угодно из друзей и родных вопросы похорон, передачи дел, формальности наследования. Он запрещал себе отчаяние. Больше года не решался менять облик, поскольку знал: зверем перетерпеть проще. Гроллом можно уйти в пески Красной степи и там дать себе волю. Даже выть... А каково отцу? Тут не до простоты. Надо цепляться всеми когтями и тянуть, его-то, вожака, еще не поздно отспорить у смерти.

Пары волвеков создаются один раз, тем более это верно для Первого. Для вожака, настраивающего весь род и несущего полноту ответственности за дар стаи и, порой ведь думается и так, за ее проклятие – единое сознание. Отец не мог позволить каждому волвеку корчиться от боли, со-чувствуя вожаку. И перешагнуть через ужас того дня долго не решался. Потому что перешагнуть – значит забыть хотя бы часть прошлого. Он тоже был в мобиле и оттуда – вместе с сыном и подругой жены – старался смягчить удар и сохранить шанс на выживание самой своей дорогой и любимой, матери Йялла. Увы... Волвеки скроены крепко, тем более лучшие из них. Перепад давления, чудовищный холод, удар, довольно длительное пребывание без сознания в воде, огромная кровопотеря, переломы – все это не убило вожака. И было заведомо непосильно для его жены, принадлежавшей к расе людей. Для его первой жены. Он не хотел возвращаться в мир один. Даже к взрослому сыну, даже к стае...

Йялл кое-как отгородился от воспоминаний и сердито ткнул в консоль, подтверждая согласие с режимом посадки на автопилоте. Дурацкие правила. После той аварии ввели массу ограничений – нелепых, но обязательных к исполнению. Три дня проверяли все высотные мобилы, еще полгода собирали по кусочкам тот самый, погубивший маму. Волвеки ныряли у побережья круглосуточно, остервенело рыли донный ил, не доверяя технике. Их чутье действительно сложно заменить самыми современными приборами. И все же тогда не нашли ни малейших внешних причин аварии. Этими словами осторожные члены Совета заменили более рискованное для межрасового мира определение – подозрение на убийство. Отца полгода буквально собирали, сращивали и сшивали заново. Все, кто мог и должен был, прилагали усилия. Но больше иных – Тиэрто, лучший медик тогдашнего и нынешнего Релата; Риан – древнейший айри и наставник сनावей. А еще Тайя, снавь, любимая ученица Риана.

Отца спасали всем миром. Я, Йялл Трой, одиночка, спасался сам. И, как понятно теперь, так и не смог до конца изгнать боль, жгущую веки и рвущую душу. Весь полет над побережьем – сплошная боль. Нет полета, только падение. В отчаяние прошлого, в невозвратность утраты, в ужас бессилия. Я, такой могучий и рослый, сын и опора рода, не смог сделать ровным счетом ничего. Только попрощаться и принять последнюю боль. Маме было невыносимо, чудовищно больно. И я корчился, задыхаясь. Как могло такое случиться: здесь, под густым синим небом, в замечательно плотной атмосфере Релата, погибнуть от недостатка кислорода, от чудовищного перепада давления? Там, на Хьёртте с его редкой атмосферой, угроза для людей есть, но приняты все меры в накрытых куполами городах и на внешних пространствах. За полтора века никто не пострадал, хотя над поселениями метеориты пробивают купола не так уж редко. Да и тектоника порой дает о себе знать... Но мама погибла здесь. Ушла невозвратно, и даже в памяти стаи я не могу прочесть ее след. Ведь я – одиночка...

Под днищем мобилы скрипнула мелкая мраморная крошка старомодной посадочной площадки. Йялл заставил себя разжать кулаки, начал приводить по возможности в норму выражение лица, мысли и тем более эмоции. Волвеки отдали свой остров-представительство координатору провинции Вендир, северной на этом континенте, чтобы не видеть каждый день побережье. Никто из семьи Трой не желал из окон своего дома наблюдать посадку мобилей со злосчастного маршрута. Отец вообще пытался уйти в пески и жить тихо. Но волвеки со свойственным им упорством не допускали даже мысли о возможности смены вожака...

В стенку мобилы, снова ставшую прозрачной в результате исполнения требований по режиму посадки, застучали усердно, часто и резко. Йялл даже вздрогнул от удивления. Раз-

блокировал двери. Подумал мельком, что он явно пропустил торжественную встречу, увлеченный мыслями и старой болью.

– Знакомься, – излучая совершенно солнечное счастье, выдохнула Сати. – Мой котенок. Гиркс Пятый, с документами и вот – с сапфиром на ошейничке, только что доставили. Гиркс синеглазый, видишь? И ничуть не помоечный, как вообще можно так его обзывать! Но я не сержусь. И он тебя простил, ты же просто сгоряча, не подумав сказанул. А на самом деле ты добрый, котят любишь.

Йялл благодарно улыбнулся. Хорошо быть стайным. Он уже забыл, насколько. Нет у стайных черного отчаяния, потому что нет одиночества. Начнешь тонуть в воспоминаниях – прибегут и спасут. Как спасла стая своего жоака Даура. Как сейчас выручает его, жоака Йялла, маленькая Сати. Старается, изливает счастье на него одного. Лечит. Откуда что взялось? Не учили ее, но справляется. Йялл принял котенка в свою широкую ладонь. Небольшого, в дымчато-сером детском пуху, неуклюжего, смешного, короткохвостого. Месяца четыре от роду, никак не больше.

– И правда синеглазый. – Радоваться получилось сразу и без усилия. – Он уже выучил свою кличку?

– Имя! – важно поправила Сати. – Я раньше звала его Котя. Не могла ничего придумать, он все время рос и менялся, как тут сообразишь? Но теперь у него есть документы и имя. И хозяйка!

Гиркс попробовал облизать большой палец волвека, потерся шеей, оставляя свой запах, высоко и коротко воскликнул: «Яо!» Не мяукнул, а именно высказался и познакомился. Сати рассмеялась, звонко стукнула золотой мисочкой об пол мобиля, безразлично к ее материалу – настоящее золото! – отпихнула в дальний угол и потрясла перед самым носом Йялла бумажным ворохом. Разноцветные гало-печати в солнечных лучах сверкали и лоснились радугой оттенков. Плоский формкристалл в верхнем правом углу каждого листка то и дело вспыхивал, последовательно выдавая объемный портрет котенка, рисунок радужки его глаза, клеймо в ухе, идентификационный номер вживленного маркера. Сати встала на цыпочки, обняла сидящего Йялла за шею и поцеловала в щеку:

– Ты его отстоял. Ты порвал злую тетку в клочья. Я знаю. Я вообще отчего-то все про тебя знаю, и мне это нравится. Если очень постараюсь, я рычать смогу, наверное. Ур-р-р? Нет, не так. А-ар-р!

Голосовые связки у нее были самые обычные, человеческие. Зато слух, как с долей неудовольствия отметил Йялл, явно позволял разобрать то, что не полагается воспринимать людям. Например, не осталось без внимания его негромкое рычание на лестнице во время переодевания. По меркам стаи, не очень цензурное. Особенно то, что отдаленно похоже на «а-ар-р».

Совсем рядом гравий без скрипа уплотнился под мягкими шагами. Йялл покинул мобиль и обернулся, сразу, еще в движении, кланяясь:

– Сати, познакомься. Это Тайя Трой.

Зеленовато-золотые глаза Тайи блеснули радостью встречи, такой долгожданной. Йялл улыбнулся в ответ и охотно открыл сознание, расставаясь с многолетней замкнутостью в себе. Так удобно обходиться без слов! Слов, которые всегда врут хотя бы своей примитивностью усредненного и общего для всех, толкуемого словарями, смысла. Можно отозваться: «Да, рад». И добавить смысл, молча. То есть словами просто и плоско – рад, а сознанием: «Греюсь и отдаю тепло, вижу твою красоту и радость, душой успокоен, вы с отцом стали единым целым и действительно теперь семья, а что может быть дороже и важнее...» И еще добавить: «Я стал наконец взрослым и взял на себя ответственность за новую семью и стаю, я теперь понимаю, что всегда был слишком упрямым, и по природе я одиночка, признаю. Так ведь все жоаки – хоть немного одиночки, трудно нам с отцом было двоим уживаться,

а тебе пришлось и того сложнее, уважаю и даже преклоняюсь...» Много всего, как такое уместить в человечесье «рад»?

Йялл очень давно не встречался лицом к лицу со второй женой отца. Собственно, с того самого дня, когда привез ее в старейший город-купол на Хьёртте. Тогда она и невестой-то еще не была объявлена. Он сам задумал второй брак отца. Чуть ли не силой притащил Тайю в дом семьи Трой и сказал: «Я ухожу из стаи в мир людей, откуда родом моя мама. Я забираю с собой прошлое. Потому что вожак не имеет права постоянно смотреть назад. Он должен двигаться вперед, ради всех нас». Йялл не сомневался в своем праве забрать прошлое, ведь в стае род числится по линии матери, хотя фамилия дается по отцу – чтобы людей не запутывать и не выпячивать лишней раз свою самобытность. Фамилия его Трой, но любой в стае знает, читает сознанием – это Йялл, отец его из рода Трой, а кровь и память матери, подательницы жизни, отзывается именем Ринай. Значит, за ним право взять отчаяние утраты и скорбь.

Только прежде никто не использовал это право так жестко, отказывая отцу в родстве – грубо отнимая память, боль, даже чувство вины. Глуша голос крови. Сказать, что Даур Трой от услышанного пришел в бешенство, это ничего не сказать. Но в комнате рядом с Йяллом стояли те, кому и вожак не мог возразить: родной прадед, первый Йялл, он еще был жив, и учитель сनावей айри Риан, обманчиво-легкий, невысокий и спокойный. Бесконечно уважаемый стаей... Оба не позволили отцу ничего изменить в решении сына. Кроме одного. Даур бросил в спину уходящему слова, о которых позже, наверное, жалел: «Ты одиночка, нарушивший волю вожака. И пока не обретешь тех, кому сможешь искренне и глубоко сочувствовать, пребудешь в мире людей». Йялл больше никогда не появлялся дома и вообще на Хьёртте. А Тайя осталась. Она любила Даура без надежды на рождение отклика в его израненной душе. Уговаривала жить и дарила тепло, не получая ответа. Долго. Это Йялл тоже видел и понимал. Ей, если разобраться, пришлось тяжелее всех.

– У меня теперь есть стая. – Йялл положил ладонь на плечо Сати.

– Ты и твой отец – вы оба до безобразия категоричны, – улыбнулась Тайя. – Наконец-то я могу сказать это, глядя в твои бессовестные синие глаза: ты чудовище. Настоящее, до последнего движения души – в великого предка, на которого похож до самой малой черточки даже внешне. И все же мы встретились, ты преодолел темные годы, и прошлое снова стало общим, как он предсказывал.

– Глаза у Йялла желтые, как у всех вас, – сообщила Сати очевидное для себя.

– По меркам людей, да. Но мы учитываем малозаметные вам оттенки, – пояснила Тайя. – У Йялла – синеватый, особенно по кромке радужки. Вы, люди, не замечаете подобных деталей.

Сати задумчиво прищурилась. Почесала за ухом, усердно копируя жест своего «вожака». Получила от него по руке, хихикнула. Обняла Гиркса, зарылась носом в его мех:

– Все я вижу. У тебя, тетя Тайя, глаза зеленые. Вот.

– Точно, – удивилась Тайя. Подала девочке раскрытую ладонь: – Идем. Я покажу тебе главное здание Академии. Расскажу, чему тут учат, и ты выберешь себе занятие по душе.

Сознание жены Первого открылось для Сати мягко и полностью. Так безоглядно распаивают душу только для своих, ближних. Девочка оценила, заулыбалась. Усадила котенка на плечо и сунула ладошку в предложенную руку. Тайя удивленно дрогнула бровью. Вместе с прямым контактом через кожу пришли ответное тепло и расположение. Женщина оглянулась на Йялла:

– Твоя новая сестренка действительно необыкновенная. Мы пойдем к Тимрэ, он ждет.

– Освобожусь – найду, – коротко бросил волвек и заспешил навстречу айри Ялитэ, приглашающе махнувшему рукой и уже шагающему к корпусу ректората.

Вдвоем они поднялись по лестнице на третий этаж, направляясь к кабинету директора. Ялитэ выглядел довольным, то и дело подкидывал в ладони возвращенный Лорри шар, рассматривал его на свет, словно пытался убедиться, что все цело и не стерта ни одна запись.

– Девица хоть и шумная, но в целом интересная, неглупая, – отметил он. – Пристроил в архив. Раз воровать была горазда да еще на беспорядок имеет наглость жаловаться, пусть охраняет и систематизирует. Уже лет семьдесят в архив не удастся подобрать такого, знаешь ли, фанатика. Прежде я подобных не ценил, а теперь по ним скучаю. Да, бабушку девочки я поселил на первом этаже ближнего гостевого домика.

– Спасибо. Что-то выяснилось по поводу Сати?

– Еще как выяснилось! Имея статус ан-моэ и соответствуя ему, я пребываю в ледяном бешенстве. Официально, – с долей иронии пояснил директор Йяллу, удивленному отсутствием следа означенной эмоции. – Я официально гневаюсь, вам, стайным, такого не понять... В обход меня, без сообщения Совету ан-моэ, некий низший айри Риттонх, не имеющий даже статуса моз, открыто заявил о правах отцовства. Тебя именует похитителем, шумит, требует немедленно вернуть ребенка. Утверждает, что его шантажировали, угрожали причинить вред Сати и вымогали деньги. За сердце хватается, капли пьет, общается с юристами. Невероятная история. Заслушаться можно, так трогательно. Плачет в голос. Приобрел с доставкой на дом десяток шелковых платков для вытирания слез. Абсурд!

– Кто же, согласно его версии, мама Сати?

Ялитэ усмехнулся, распахнул дверь кабинета и кивнул, пропуская Йялла вперед. Шагнув следом, щелкнул замком, повозился, устанавливая режим защиты от прослушивания.

– Правильно спросил. Я и сам сразу поинтересовался. Вот тут у Риттонха и началась красочная, достоверная истерика. Сильно пригодился платок: в нем удобно прятать лицо... Полагаю, он будет изображать невменяемость, пока не нащупает подходящий ответ.

– И пока не установит, где сейчас Сати и как много нам известно.

– Не так мало, как он хотел бы. Просмотри это, я пока побеседую с кем следует.

Йялл кивнул, опустил в глубокое кресло и прикрыл глаза. Контактная лента скользнула из подголовника, обняла лоб. Он слышал, само собой, что в прежние времена люди не имели доступа к системам прямого обучения и полагали себя обделенными. Твердили, что дикари волвеки добиваются всего и без усилий, поскольку им удалось перенять таланты айри. В том числе их способность считывать информацию с шаров знаний напрямую, минуя кропотливое заучивание по книгам и иным пособиям. И если бы людям повезло точно так же...

Восемьдесят лет назад им повезло. Системы нейроактивации нового поколения – так назвали разработку – открыли людям и возможность прямого обучения, и полноту ощущений при пилотировании мобилей и космических яхт, требующих так называемого слияния, то есть прямого приема потока информации мозгом. И что? Число гениев не увеличилось. Зато общий уровень обучения стал выше, срок получения образования сократился. Отсев лентяев и бездарей из Академии происходит быстрее и жестче. Да и количество заочных студентов выросло.

– Откуда информация? – уточнил Йялл, морщась от срыва настройки при разделении внимания на два потока.

– Риан оставил на столе полчаса назад и исчез. Откуда он это взял, не знаю. Сам понимаешь, наш упрямец городил невесть что про рацион кормления обикатских короткошерстных, усердно избегая иных тем.

Йялл довольно хмыкнул. Значит, Сати уже знакомится с учителем – самым лучшим айри Релата. Можно спокойно просматривать данные и уделять малую толику сочувствия ей, чтобы знать хотя бы в общих чертах, что происходит там, у Риана и Тимрэ.

Сведения, транслируемые в сознание, представляли собой теоретическую научную разработку очень узкого и сложного прикладного раздела генетики. Йялл иногда рычал и шипел, мучительно чесал за ухом. Увы. Не его сфера знаний. Из потока информации лишь малая часть приживалась и рождала понимание. Остальное тупо складировалось. Гора мало-понятных чужих умностей росла пугающими темпами, к тому же украшенная выкладками и ссылками на незнакомые первоисточники да старые закрытые архивы проекта по генной мутации волвеков. Когда трансляция закончилась и лента уползла в гнездо кресла, перед глазами плавали зеленые круги, словно он долго и упорно смотрел на солнце и сжег сетчатку. Ничего, пройдет. Поступив в инспекцию двадцать семь лет назад, он ровным счетом ничего не понимал в законодательстве Релата. Выучил за два дня. И еще три дня ходил слепой, глухой и заикающийся: перегрузка мозга. Потом восстановился, зато смог вместе с остальными сдать вступительную работу.

На лоб легла влажная ткань, пропитанная специальным составом. В правую руку был бережно помещен бокал. Йялл блаженно вздохнул. Не отрываясь, выхлебал томатный сок. Ледяной. Лучше не бывает.

– Еще дать, вонючий гролл? Или уже прекратишь шипеть, маскируюсь под змею?

– Лорри, спасибо. Откуда ты...

– Все ушли полчаса назад. Меня оставили твоей нянькой. – Лорана присела на подлокотник, спихнув левую руку волвека. Мечтательно вздохнула: – Классный мужик этот директор. Отругал, запугал и воспитал в пару минут. Я теперь главный архивариус. Головой отвечаю за всю библиотеку. Не пойму только, на кой ляд ему моя голова да еще с этими жалкими остатками прически? Он и на прочее не клюнул. Йялл, ё-о-о, как же срочно мне надо лечиться! Не желаю выглядеть развалюхой.

– Лорри, он не человек. Он айри.

– И что это меняет? Лет десять назад у меня было три постоянных клиента из этих, когтистых. Последний отвалил по осени... Ничего особенного. Разве что один из них – тот обожал причинять боль.

– Лорри...

– Ой, ладно, нежные мы, подробности не любим, – хмыкнула Лорана. – Щас вообще как на духу вещаю: ваши к нам в город не навешиваются. Девочки полагают, вы вегетарианцы во всех смыслах. При таких данных – и полный облом... А я ради тебя и наголо побриться согласна, имей в виду, зверик. Чего там надо рычать? Мне же Сати объясняла: а-а-р? А-ар-р?

Наглая девица захихикала, довольная тем, что смогла-таки довести шеф-инспектора до низкого басовитого рычания. Ей так и велел незнакомый врач. Мол, расшевели его, пойдет на пользу, он быстрее восстановится. Бессмысленно моргающие желтые глаза с расширенными почти во всю радужку черными зрачками посветлели от бешенства. Зрачки прыгнули, сошлись в узкие вертикальные щели, сфокусировались. Перед носом волвека уже имелся второй бокал с соком, что прекрасно погасило гнев.

– Ты переварил гадость, которую тебе запрессовали в мозги? – куда мягче сочувственно уточнила Лорана.

– Да.

– Поделись, а?

Йялл потянулся, откинулся в кресле и спихнул Лорри с подлокотника, отвоевывая пространство. Судя по положению солнца, клонящегося к закату, из жизни выпало не менее полутора часов. Не так уж и много, если разобраться. Он ведь осилил и сами сведения, и сверх того два курса базовой теории по теме, любезно подгруженные по его запросу локальной обучающей сетью Академии. Лоране как раз хватило времени, чтобы раздобыть приличные вещи и переодеться. Занятно она выглядит в длинной юбке и без своих извечных

каблуков. Очки с сиренево-розовой переменной тонировкой приятно удивляют. Нашла способ добрать солидности. Удачный, кстати.

– Делиться толком нечем. Если очень коротко, то айри реанимировали древние генетические разработки. Кое-что дотянули. Отказались от идеи хапнуть все, о чем только смеют обычно мечтать эти человекоподобные драконы: то есть и крылья, и фактическое бессмертие, и господство над миром. Просто хотят стать самодостаточной расой.

– А сейчас они что, не таковы?

– Их дети – всегда люди. Потому что превращение из дракона крылатого в айри, дракона человекоподобного, явление разовое. Обретя полноценный разум, они лишаются возможности продолжать род вне сообщества людей. В ином качестве, нежели человеческом.

– Во завернул мозги рулетиком! – поразилась Лорана. – Что у них баб нет, я и так знала.

– Не совсем так. Нет бескрылых драконий. Однако же айри попытались создать нечто очень близкое по сути, используя в качестве основы айка. Как ты, может быть, знаешь, таких айков было в нашей истории всего-то двое – Эллар и Юнтар. Тех, кому сам Великий помог выжить и измениться. В общем, как я понял, Сати генетически не просто айка. Она самая настоящая родная дочь Эллара. При ее создании повторили старый опыт, запрещенный и принципиально невыполнимый для взрослых организмов.

– Как же они...

– Без особых проблем. То, что запрещено и невыполнимо для взрослых, порой допускается в особых случаях. Очень редко. При обнаружении генетических дефектов, не позволяющих паре иметь здоровых детей. Контролируемое формирование здорового эмбриона. Это делается здесь, все оборудование имеется в Академии. Айри подделали документы для доступа в лабораторию, украли генный материал, в итоге появилась Сати. Пока что ребенок, внешне подобный человеку. Сознанием – айку или волвеку. Но что в ней заложено, я не знаю. И сами они были в больших сомнениях. Часть терминов из отчета я так и не понял, не нашел им соответствия в общедоступных источниках.

– Что теперь станешь делать, зверик?

– Пойду искать Риана. Он наверняка подскажет. Хотя бы намекнет.

– Иди. А я мозги нагружу, – сокрушенно вздохнула Лорана, отказываясь от дальнейшего проявления любопытства. – Надо прекращать безобразия в архиве. И в лабораториях, пожалуй, тоже. Шастают где хотят всякие там... Система старенькая, дыр в ней полно. Разберусь – жулью хвосты прищемлю. Они у меня узнают, где гроллы зимуют. Я им такую дисциплину в Среде отстрою – не вздохнут без моего ведома, подлюки пыльные!

Йялл уступил кресло. Покинув кабинет директора, он удивленно пожал плечами: за спиной щелкнул замок. То ли доверие к новому главному архивариусу выросло сразу до немислимых высот, то ли система и правда древняя, раз ею без спроса распоряжается, как своей собственной, Лорри.

– Йялл! – подозрительно мягко и вкрадчиво шепнула бывшая воровка через дверь.

– Что еще?

– Я шмотки на твои деньги купила. Пока ты был в отключке. Ну, по отпечатку пальца. Ты уж учти на будущее, способ оплаты совсем тупой, на недоумков. Электронную подпись непосредственного исполнения с отслеживанием характера движения пера подделать в разы сложнее. А подпись вонючего гролла вроде тебя подделать, пожалуй, совсем нереально, у вас движения иные.

Волвек тяжело вздохнул. Мог бы и сам догадаться. Раз сказано через дверь, нетрудно сделать далекоидущие выводы.

– Ты обошла мне дорожку Гиркса Пятого?

– Ё-о-о, ну самую малость, – быстро отозвалась Лорана. – Но я верну. У меня теперь оклад, социалка и вообще новая жизнь.

– Тогда считай подарком на новоселье, – буркнул Йялл и зашагал по коридору. Рыкнул погромче, уже на ходу: – Но учти, я тебя, сверхдорогая ты моя воровка, немедленно исключая из состава своей стаи. Твое время вышло, тебе больше не нужна помощь. К тому же накладно тебя дольше держать в стае.

Он слышал, как за дверью тихо, вполголоса, завизжала Лорри, шалея от новоселья с такими впечатляющими подарками. Пусть радуется. Приятно даже. Жаль, нет времени и возможности отпраздновать сейчас, всем вместе. Не до того. Если верить полученным только что сведениям, если сопоставить их с базовыми курсами обучения, от которых дико кружится голова, то на конструирование и запуск зародыша, ставшего Сати, ушло никак не менее десяти лет. Стоит отмотать назад еще как минимум столько же на теоретические разработки, моделирование процесса и на планирование всей, пока что неясной в своих целях и сути операции. Айри такие, живут долго и не привыкли спешить в важных делах.

Йялл споткнулся, недовольно встряхнулся. Каждому, будь он волвеком или человеком, свои беды, личные, кажутся более значительными и памятными, чем чужие. Может, именно поэтому они так удобно ложатся в новые обстоятельства и выискивают в них слабинку? Чтобы опять поднять вопрос неслучайности давней аварии. Мамы нет уже тридцать лет. Все это время айри усердно планируют нечто незаконное. Три десятка лет назад он, Йялл Трой, не числился инспектором. Он был инженером-двигателем, тогда еще младшим, в статусе помощника, на новой верфи. И вполне мог, в том числе как сын вожака, стать через пару лет основным кандидатом на место помощника капитана в будущем экипаже «Иннара» и даже капитаном корабельного модуля «Эйм». Вторым кандидатом был айри Литтарим, а сделался в один день единственным. Йялл ушел из проекта после гибели матери. Если бы отец не справился с горем, все волвеки временно приостановили бы работы на верфи, отвлеченные делами стаи. Впрочем, отец и выжил-то чудом! Не случись рядом снави второго посвящения, не успеешь она вцепиться в руку Йялла, запрашивая настройку и поддержку, пытаясь смягчить удар... Была бы двойная трагедия. Волвеки выбирали бы нового вожака, долго и тяжело переживая утрату. Забросив дела, оставив «Иннар» на попечение команды айри и людей. Нет, в основном все же именно айри. Ключевые посты были у них. Могли ли планы айри предполагать гибель мобиля с вожаком на борту?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться в другом. Зачем вообще айри понадобился «Иннар», первый корабль нового типа, достроенный в минимальном ходовом наборе модулей три года назад и проходящий теперь испытания? Вот ведь туча домыслов и вопросов, и все пока – безответные.

Йялл осознал, что уже бежит в полную силу, словно спасаясь от навязчивых мыслей. Дорогу выбирает без участия разума. Окликнул Сати – и тянется к ней, реагируя на тепло знакомого сознания. Когда волвек с его массой и подвижностью тянется – все прочие липнут к стенам. Отвыкли от настоящей спешки. Зажирели в мирной спокойной жизни. Йялл в три прыжка – каждый раз с середины пролета через перила – ссыпался на первый этаж. Миновал длинный коридор, вырвался в парк и наконец понял: не работают важные нелюди. Умилились, потащили Сати на набережную показывать старый город и баловать. Их можно понять. Самое загадочное существо двух миров – Релата и Хьёртта. Генетически прямая наследница Эллара, которого до сих пор считают лучшим из директоров Академии. А Риан полагает еще и своим любимым учеником.

Бежать по набережной оказалось легко. Новые заботы так основательно отодвинули прошлое, что стало не больно и не страшно смотреть в сторону моря. Закат мял легкий шелк волн, играющих переливами текучих красок. Проектор солнца бдительно целился прямо в него, Йялла, словно отслеживал путь единственного торопыги во всем городе, неуместного и подозрительного в ленивой безмятежности этого безупречного вечера.

Запахи приморской набережной тоже были яркими и цветными. Туман, незаметный людям, тек от воды, зеленовато-соленый, прохладный и свежий. Ароматические свечи на столиках кафе рисовали тончайший узор нездешних картин. Лиловый штрих масла ирнасской розы, сиреневый пух обикатского ириса, лунную искристую белизну лилии гор Ака... Шипел жир на сковородах. Томился под крышкой любимый Йяллом суп из глубоководных водорослей, остро пахла сырая рыба, смешиваемая с пряностями и перцем. Кофе обещал бодрость, а белый чай медленно распускался в заварниках, настраивая на созерцание и умиротворение. Шелестели пузырьки игристого вина.

Хорошо. И люди сейчас на набережной тоже воспринимались без напряжения. Они смотрели на закат, ужинали, беседовали. Дела остались в сиянии дня. Вечер всех сделал чуть более мягкими и добрыми, отодвинул на время различия. Не давят ложь и холодность. Не бьют болью острая зависть, циничный расчет. Здесь и сейчас люди вполне даже достойные соседи. Дружелюбные, благорасположенные. Сытые...

Йялл миновал длинный ряд причалов с частными яхтами. Выбежал на уходящий прямо в закат узкий мостик, на золотую дорожку бликов. В трех сотнях метров от берега – любимое заведение Риана. Стилизованная копия старинного парусника. Наверняка айри забрался на капитанский мостик, там самый почетный столик. Лучший вид – тоже там.

– У тебя от голода голова болит, – жалостливо вздохнула Сати, вскакивая с места и бережно отодвигая свободный табурет. Тяжелый, из массивного дуба. – Садись, я буду тебя жалеть. Ты вожак, я должна за тобой ухаживать. Мне Риан подробно рассказал про права и обязанности стайных. Р-р-р...

Рычала девочка тихо и прямо-таки нежно. Риан и Ялитэ слушали и любовались зрелищем с невозмутимостью, доступной только айри. Сами создали забавную сценку – сами и получают удовольствие от ее развития. Йялл послушно сел, энергично принялся и подвинул ближе глубокую тарелку с супом. Старое серебро, легкая потертость, примитивный узор ручной работы: точная копия посуды пятивековой давности из капитанской каюты флагмана еще того, парусного флота. Риан сам консультировал владельца ресторана. Придирчиво подбирал детали, даже мастерил табуреты и сердито поправлял снасти. Он-то, древнейший, точно знал, как должно быть по-настоящему. И теперь наслаждался безупречным результатом. Жевал сырник, гладил Гиркса и сыто, по-кошачьи, щурился на закат.

– Ты безупречный волк, Йялл, – с отчетливым неудовольствием отметил Риан. – Пока не впихнул в свою голову все доступные сведения, не унялся. Между тем сегодня не последний день существования мира, уж поверь старику.

– Йял хороший, – возмутилась Сати, уловив подначку.

– Очень. Целеустремленный, сильный и умный. Надеюсь, ты научишь его еще более важному, – подмигнул Риан. – Он не в состоянии делать поблажек себе и другим. Не умеет отдыхать. Пока вот держится, здоровья в нем много. Но даже его сил не хватит для немедленного спасения всех и повсюду. К тому же люди должны решать свои проблемы сами, пока дело не заходит слишком далеко.

– А как понять, куда оно заходит? – надулась Сати.

– Это и есть величайшее искусство, – рассмеялся Ялитэ. – Но спрашивать бесполезно. Учитель снова возьмется хвалить Гиркса или иными путями увилить от ответа.

– Неплохой котенок, – охотно поддержал тему Риан. Мечтательно вздохнул: – За всю мою жизнь лишь один был безупречен. Помню его и теперь.

– Синеглазый? – ревниво понадеялась Сати. – Мышей ловил?

– Длинношерстный, крупный, с зелеными глазищами. Ерофей его звали. Он даже выдру выгнал с болота, что там говорить о мышах, крыс давил до последнего дня. Сам был серый, с такими вот полосками.

Ялитэ издал тихий стон. Про знаменитого кота он слышал много раз. В том числе сегодня уже трижды. И все оттого, что сам он, директор Академии, был наделен сполна ровно теми же недостатками, что и Йялл: излишним усердием и неумением отдыхать. О каком отдыхе может идти речь, если в Академии творится невесть что? А завтра будет Совет. Завтра! На этом настояли, между прочим, айри, в обход мнения директора Ялитэ. Значит, попытаются отнять Сати. Рассчитывают на то, что о ней пока известно мало и ложь Риттонха удастся выдать за правду?

– Прекрати так громко и сухо щелкать четками мыслей, – поморщился Риан. – Ты портишь первый в жизни Сати приморский закат. Это смертный грех. Все необходимое уже делается. Сати, хочешь, я научу тебя гадать на кофейной гуще?

– И что, гадание сбывается? – восхитилась девочка, сразу забыв обо всем.

Риан украдкой показал полувыпущенные когти Йяллу, намекая, во что обойдется продолжение темы завтрашних и любых иных проблем. Безмятежно улыбнулся:

– Не знаю. Меня интересует сам процесс. Это вкусно и забавно. Развивает воображение. Потом сны бывают цветными. Тебе часто снятся красивые сны?

Сати кивнула. Риан махнул рукой официанту. Две крошечные фарфоровые чашечки поплыли к столику на серебряном подносе. Пар танцевал и кружился. Йялл смотрел на закат, темно-бронзовый с прозеленью, словно антикварный, как и все здесь, на борту старинного корабля. Свечи мерцали в убогих фонарях. Скрипели снасти. Волны поглаживали доски бортов. Мир вокруг перестал быть сложным, тревожным, требующим ежеминутного внимания. Мир отдыхал и готовился к ночи. И Йялл тоже отдыхал. В наилучшем обществе, раскрыв душу, свободно взирая на запад, на море – куда не решался прежде смотреть. Боль утраты впервые за много лет ослабла, отступила в прошлое... Спокойное внимание Риана обволакивало Сати. Оно было подобно стеклу древнего фонаря: не допускало ветер тревоги к ровному огоньку детской радости. Йялл улыбнулся. Он пока что плохой жоак. Он не умеет так – думать о своих родных, отбросив все прочее.

Официант в старинной морской форме принес обязательную и неизбежную клубнику со сливками – любимейшее блюдо всякого без исключения волвека. Йялл взялся планомерно уничтожать лакомство, наблюдая последние всполохи заката. Фонари теперь зажигали повсюду. Волвек обернулся к набережной. Две золотые цепочки огоньков обозначали мостик, ведущий от корабля к большой земле. Блики играли на мелкой ряби спокойной воды. Две фигуры неторопливо двигались к кораблю. Тимрэ и бабушка Томи. Правильно, их явно не хватало для полноты праздника.

– Тим! – обрадовалась Сати, поймав приветствие близкого сознания айри. – Как хорошо! Бабушка, иди, я тебе тут все покажу. Я теперь знаю, как называются все толстые веревочки на мачте.

Риан тяжело вздохнул от столь вопиющего обозначения такелажа, но поправлять не стал. Усадил Гиркса на свой табурет. Встал, глянул на Йялла:

– Нам пора. Йялл еще не познакомил меня с Лорри.

– Жаль, без тебя будет не так уютно, – вздохнула Сати. – Но дело важное, я понимаю. Ты ведь никуда не денешься? Ты мне еще много должен рассказать, с тобой интересно.

– Никуда не денусь, – улыбнулся пожилой айри.

Дождался, пока поднимутся на мостик прибывшие. Поздоровался с ними, усадил бабушку Томи. Хлопнул по плечу Тимрэ. Коротко простился с Ялитэ. И замолчал до самого берега. Йялл шел рядом и дышал ночью, чувствуя себя слегка пьяным ее полнотой и теплотой.

Быть стайным – значит нести ответственность. Люди не имеют общего сознания и потому позволяют недопустимое. Взаимную вражду, уничтожающую время и силы, разру-

шающую самую возможность настоящего развития и взросления. Вместо этого – нелепые фальшивые условности, ограничивающие понимание и общность. Уж я-то знаю, наработал опыт как одиночка: хуже всего в людском обычае – именно неумение понимать причастность и нежелание подставить плечо под общую ношу. Как назвать эту ношу? Первый из вожаков свободной стаи, Лайл Энзи, написал книгу, сформулировав базовые идеи стайности. Не для воспитания и убеждения людей, нет... И не написал, если уж быть точным. Создал из идей, образов, настроений, общих размышлений старших, дыхания мира Хьёртта. Оставил навсегда для стаи этот, как любят говорить волвеки, четкий след вожака... Определил и заложил основу и смысл жизни: развиваться и нести ответственность. Это требует каждодневной работы над собой. Люди вот ленятся, и оттого их души утрачивают исходный настрой. Сутулятся, меркнут, обрастают наслоениями обыденности.

Люди прячутся от борьбы, опуская голову и не откликаясь на вызов. Отдают другим право решать, потому что решать – трудно, а отвечать за решения – страшно и больно. Еще люди лгут. Им нравятся кривые тропы. Они склонны собираться в мелкие стайки, поддаваясь звериным наклонностям.

Волвек не имеет права на слабость. Он встает на лапы, только осознав себя. В любой группе или даже паре более сильный – вожак, отвечающий за остальных. А группа, в свою очередь, разделяет его бремя и помогает. Так просто и так правильно... Книгу Лайла на примитивный и лишенный многослойности смысла печатный язык Релата переводили долго: и сам вожак, и Риан, и учителя Эллар и Юнтар. Но люди так и не поняли. Назвали «попыткой создать частично философскую, частично мифологическую теорию, аналог примитивной религии». Какая уж тут теория! Каждый волвек знает книгу. Потому что, не приняв и не осилив, на лапы не встать. Трансформация, взросление, первая смена облика – все увязано на общем сознании и единой идее стайности. Те, кто не нашел в себе мужества и не заглянул в свою душу, объединяющую волка и лвека, не имеют второго облика. Сейчас таких в стае трое... Арра – так их зовут, что переводится как «дети». Арры, все трое, не так уж плохи. И очень хотят стать полноценными волвеками. Взрослыми. Отважившимися нести бремя ответственности и делать трудный выбор, не отворачиваясь и не отступая.

Йялл усмехнулся. Покосился на Риана, шагающего рядом и сыто шурящегося на фонари. Учиться надо постоянно. Это закон стаи. Сегодня он, Йялл Трой, получил занятнейший урок. Избыточная замкнутость на собственной ответственности и серьезности – уже не есть благо.

– Это был хороший урок, – признал волвек, нарушая молчание. – Я буду учиться отдыхать. А потом, когда поумнею, стану пробовать ненавязчиво выяснять у детей то, что они знают. Без тупой волвечьей доверительности. И без рычания.

– Значит, ты понял, почему я спрашивал про сны, – улыбнулся Риан. – Интересная девочка. Если будет время, я стану с ней заниматься. Однако же – именно если будет... Дар у нее имеется, сильный и очевидный. Снавь. Мир она слышит, общается с ним. Воздушных замков не строит, сонных царств не создает – росла в других условиях. Да и память прошлого... Знаешь, я всегда полагал, что гены айри несут в себе не вполне объяснимую долю памяти – это помимо иного, научного и понятного. Она голову наклоняет, как Эллар. Пальцами перебирает по столу. Иногда так знакомо, коротко и пресно, без радости, улыбается, просто отмечая движением губ свое понимание и согласие. – Риан остановился, обернулся всем корпусом к волвеку. Иным, деловитым и ровным тоном продолжил: – Вижу, ты все просчитал и сопоставил. Я согласен, авария могла быть неслучайной. Бери мобиль и полным ходом – к помощнику капитана «Иннара», айри Литтариму. Я вызвал его срочно, скажем так, от имени нашего общего знакомого. Он должен явиться вот по этому адресу. Он уже в атмосфере, яхта покинула орбитальные верфи и сейчас готовится к посадке в Красной степи.

На место встречи Литтарим доберется через два часа. Хочешь – учи гаденьша релаксации и гаданию на кофейной гуще. Хочешь – рычи и кости ломай. Методы не заинтересуют ни одного айри в мире. Уж в этом не сомневайся. Нам важен результат. Завтра, еще до начала заседания Совета, мы с Ялитэ должны понимать: зачем его хозяину нужен «Иннар»? Он всего не знает и не скажет. Однако же пусть расстарается и сообщит, когда по плану должен потребоваться корабль.

– Учитель, я пока не понимаю еще вот что... Сати одна такая? Они ведь могли пытаться создать нескольких детей.

– Если бы она была не одна, – мрачно усмехнулся Риан, – вы бы едва ли спокойно долетели до побережья Карна. Я и так, было бы тебе известно, после первого же сообщения Тимрэ переполошился не на шутку. Дошел до того, что упросил взрослых крылатых драконов, до сознания которых и мне докричаться едва по силам, присмотреть за вашими мобилями. Ни единой попытки навредить. Так что Сати одна, Йялл. И ее никто не обидит здесь. Уж это я тебе обещаю, как самый старый и желчный бескрылый дракон из ныне живущих. К тому же страдающий бессонницей.

Йялл оскалился и довольно рыкнул. Кивком простился с учителем и побежал к своему мобиле. Приятно знать, что Сати ничто не угрожает. Потому что, как бы ни любил учитель подчеркивать свой возраст – ему уже без малого шестьдесят... и еще полтора тысячелетия вдобавок, но о дряхлости даже заикаться глупо. Учитель обеспечит безопасность девочки лучше, чем вся инспекция объединенного Релата в полном составе. Хотя бы потому, что Борх насмешливо клянется зубом Великого дракона, полагая легендарного покровителя рода айри вымыслом, а Риан знает этого самого Великого лично. Поди пойми, что он за существо. Зато ясно иное: ни один айри в мире не нарушит прямого указания того, кого Риан запросто именует Даном... Как не оспорят айри и слов Риана, сказанных от имени Великого. Давно, еще лет двадцать назад, Йялл рискнул предположить, что Риан и Великий – одно лицо. Потом изменил мнение. В конце концов, решил он, у Великого тоже должны быть ученики.

– Шеф-инспектор Трой, – буркнул Йялл, ныряя в свой мобиль.

Подсветка затеплилась, опознав хозяина: голос, сознание, биопараметры. Несколько движений, чтобы задать курс. Наибольшая скорость, высший приоритет – теперь его, одиночку, автоматика контроля полета не сбросит в нижние эшелоны при пересечении загруженных трасс. Расчетное время в пути – девяносто две минуты. Повторное подтверждение экстренного полета: скорость слишком высока, вне любых штатных ограничений. Обязательный автопилот: это условие всех срочных полетов, искажающих общую структуру воздушного движения.

Йялл зевнул, наблюдая, как ремни опутывают тело, фиксируя его в кресле. Автопилот – это замечательно. Можно вздремнуть. Точнее, сперва подумать, а уж потом и отдохнуть полчаса. Не больше. Мыслей накопилось много. И даже воспоминаний. Чего стоит одна короткая фраза учителя: «Хочешь – рычи и кости ломай». А сопровождающий ее взгляд... Брошенный искоса, вскользь, но оценивающе. Усвоил ли он давние уроки, научился управлять собой и понимать намеки? Риан не дает прямых советов и не принимает решения за других. Только иногда, достаточно редко, намечает направление возможных размышлений и следующих за ними действий.

Двадцать восемь лет назад Йялл вернулся с Хьёртта, став в одночасье отрезанным от общего сознания ничтожным и ушибным одиночкой. Прямоком направился к Риану. Окопачивался возле его избушки три дня, дожидаясь хозяина. Седой айри появился на закате. Возник за спиной без звука. Подкрался в лесу к волвеку – это тоже был урок для него, заносчивого Троя, возмнившего себя лучшим из молодых! Риан подошел вплотную, не выдав

себя ни тенью мысли, ни шорохом движения, ни запахом. Постучал согнутым пальцем по голому черепу вздрогнувшего от изумления гостя. Задумчиво выгнул бровь:

– В ученики набиваешься, слепоглухой неумеха?

– Мне старший из Йяллов посоветовал.

– Хороший рекомендатель, – развеселился Риан. – Идем, поселю тебя на первое время в сених. Оно, конечно, дом у меня маленький, сени и того ничтожнее... если ты знаешь это старинное слово. Но чердак я тебе не уступлю. Во-первых, его почти что нет. А во-вторых и вследствие первого, твои сто тридцать килограммов наверняка шумно падают с лежанки по ночам. Не хочу проверять. Стар я для таких весомых ночных кошмаров.

В сумерках Йялл обзавелся тонким покрывалом и ковриком-подстилкой – все его имущество на тот момент. От собственной неприкаянности хотелось выть. От боли недавней утраты – вдвойне. Риан заварил чай, нарезал сыр и усадил гостя на пороге. Смотреть на звезды и дышать туманом, так он сказал.

– Меня беспокоят нынешние волвеки, – вздохнул учитель. – Вы стали слишком стайными. Твой отец – умный вожак. Он старается менять устои, добиваясь сближения с людьми. И начал новый этап этой работы с тебя, одиночка.

– Я сам ушел.

– О да, я наблюдал процесс... Он тоже сам тебя отпустил. Сгоряча решился на давно задуманное, – живо отозвался Риан. – Даур был еще мальчишкой и учился в Академии, когда пришел сюда. Жил вот в этих сених. Мы с ним много раз обсуждали стаю как форму социума. Вы крайне успешны, будучи целым, сообществом. Но важно не утратить и индивидуальность. Твой предок Йялл – одиночка в лучшем смысле слова. Самодостаточный. Он не просто хранит в душе устои стаи. Он сам с юности умел их создавать и менять, принимать и отрицать. Он учился и совершенствовал все сообщество. И, оказавшись в лесу, он не тяготился уединением. Скучал по родным – но это иное.

– Трудно представить.

– Отчего вдруг? Ты такой же. Мы надеемся, что такой. И я, и твой отец, и старый Йялл. Одиночество – тоже урок. Помогает обрести себя, твердо встать на... – Риан прищурился с едва заметным ехидством. – ...лапы. И понять людей. Ты ведь из леса выйдешь в их мир. Чтобы быть не осколком стаи и не калекой, лишенным ориентиров без общего сознания, а полноценным жителем Релата. Этому я согласен тебя учить.

– Спасибо, учитель.

– Первое условие: рычать дозволяю пока только на учителя, – усмехнулся Риан. – И драться тоже исключительно с учителем. У большинства людей по сравнению с тобой хрупкие кости и никудышная реакция. Нападение на них будет неравным боем, по сути – заведомо безответным издевательством. Я такого не потерплю.

– Ну а ваши, айри? – заинтересовался Йялл лазейками в новой жизни, излишне скучной без драк и грызни, как тогда показалось. – Твой народ дал нам лучшее, что есть в нас.

– Айри вообще пальцем не трогать ни при каких обстоятельствах, – строго, с нажимом, ответил Риан. – Постепенно, я надеюсь, ты в сущности этого правила разберешься. Сам. Да и в природе айри заодно.

Йялл разобрался. Прошло немало времени, он уже вышел из леса и даже начал работать в инспекции. Осознал, что может быть самодостаточным. Что его убеждения – это не единожды и намертво вплавленный в сознание отпечаток общего сознания и воли вожака. Это добровольно и осознанно принятые правила, постоянно дополняемые и обновляемые им самим в зависимости от среды, обстоятельств, окружения. Что стая виновата в расколе не меньше, чем люди. Она слишком требовательна к вожаку. Между тем в бездумном приятии правил есть своеобразное иждивенчество. Долг каждого, исполняемый сейчас сполна лишь

старшими, – обогащать единое сознание. Вносить в него свое «я», активно развивать все сообщество. Учить, а не только брать и учиться... В том числе у людей, таких разных.

С айри и того сложнее. С детства Йялл знал нескольких. Одни были частью стаи. Другие старались закрыть сознание, и грубо лезть в их внутренний мир не позволяла этика волвеков... Йялл проработал в инспекции пять лет, дорос до статуса самостоятельного инспектора. И тогда столкнулся по делам службы с пожилым айри, дом которого ограбили. Бескрылый дракон для открытого сознания Йялла, уже освоившегося в мире Релата, оказался вовсе не ближайшей родней волвеков. В нем не нашлось даже малой толики тепла, доброты и щедрости. Только боль утраченного совершенства и тщательно скрываемое презрение к низшим. А еще страх. Айри боялся инспектора Троя. Рослого, сильного, быстрого и умного. Способного, что самое ужасное, читать эмоции и заглядывать в тайники души старика. Мелкой, больной, потрепанной души, отгороженной щитами сознания и уязвимой, читаемой в жестах, мимике, обрывках фраз.

Тогда и стало ясно, почему айри лучше обходить стороной. Непозволительно ударить человека – за дело и даже просто в гневе. Однако если подобное произошло, надо принести извинения, постараться разрешить конфликт. Рано или поздно это удастся, люди не склонны считать волвеков настолько иными, чтобы отказать им в праве на ошибку. Айри же, не все, но многие, исходно и заведомо оценивают бывших подопытных, итог своего давнего эксперимента, как низших, дикарей, генный материал. Если ударить «высшего», даже случайно задеть, извинения не помогут. Никому ведь не придет в голову выслушивать стэк, вздумавший покаяться в своих грехах. Виновен не он, а рука, направлявшая удар. За спиной волвека будут искать его «хозяина», адресовав свой гнев и месть ему, равному. Риану, Ялитэ, старшему инспектору Борху, на худой конец.

И вдруг Риан разрешает все! Даже сам допускает на словах прямое и грубое унижение айри. И не какого-то незнакомого, а Литтарима. О нем Йялл достаточно помнит по давним временам совместной работы на верфях. Теперь, имея за плечами опыт жизни на Релате, без колебания причисляет к группе внутренне сложных, запутавшихся, больных собственной уникальностью «высших». Инженер не молод по любым меркам, ему более шести веков. Он застал времена обособленности рода драконов и его безусловного технологического господства. Он, как теперь понятно, участвует в реализации некоего тайного плана, призванного вернуть айри их избранность. Что могут дать когти и рычание в допросе такого подозреваемого?

Йялл тихонько рассмеялся. Ничего, если он придет как инспектор и станет выведывать про «Иннар». А если речь пойдет о другом? Тогда премудрый Риан имел в виду и прятал за своим намеком приблизительно следующее: «Ученик, каждому, кто мнит себя избранным, введом страх. Обыкновенный животный страх. Под его влиянием порой говорят больше, чем хотели бы...»

Гораздо больше! Йялл потянулся, взглянул на экран навигации. Еще полчаса движения, как и ожидалось. Спать не хочется, да и некогда. Пора убедиться в том, что к гостевому домику айри на скале никто не летит и не движется по земле. Само собой, кроме мобилия, заказанного Литтаримом заранее, еще с орбиты, и уже стартовавшего от кромки космодрома.

Слишком все гладко и просто пока получается. Значит, надо быть настороже. Йялл включил экраны, запросил подробную реконструкцию местности. Красная степь. Сложной формы береговая линия пресноводного озера, именуемого Золотым морем. На его восточном берегу обнимает набережными бухту первый город волвеков. А в сотне километров к северо-западу, тоже на берегу, на высокой, отдельно стоящей скале гордо возвышается современный комплекс отдыха для айри. После посадки кораблей некоторые предпочитают не задерживаться в городе дикарей и напрямик отправляются в более достойное поселение. Десять отдельных апартаментов, конференц-зал, системы дальней связи, площадка с груп-

пой дежурных стандартных мобилей и еще парой – дальних высотных. Безлюдный комплекс. Все сервисные функции возложены на автоматику и слаггов. Разных, вплоть до очень редких на Релате, человекоподобных.

Йялл еще раз осмотрел модель скалы. Выбрал удобное место для своего мобиля вне основной посадочной площадки. Задумчиво поморщился. Лезть в чужой комплекс не хотелось. Слишком там пусто и тихо. Йялл вздохнул, достал из хранилища стэк, полагающийся каждому инспектору. Свой он не брал в руки уже года два, совершенствуясь в миролюбии и неприменении силы... хотя бы вооруженной. Спасибо, мобиль сам заботился о зарядке стэка. Йялл отменил автопилотирование и отклонил машину от курса к юго-востоку. Айри педантичны. Еще они (не все, но «избранные» – точно) до смешного трепетно относятся к своей безопасности. Над водой Литтарим не полетит, если есть путь вдоль берега и время терпит. Проложить предполагаемый маршрут нетрудно. Спрятать мобиль теперь, ночью, и того проще. Тем более он инспекторский, такой можно отключить от службы опознания, отслеживающей все средства транспорта вблизи трассы. Для безопасности отслеживающей, а как же. Случайные столкновения практически исключены, но служба летного контроля состоит из людей с удивительно живым воображением. Может, благодаря их рьяной подзрительности летать на малых высотах теперь безопаснее, чем гулять пешком в собственном огороженном дворежке.

Мобиль Литтарима появился через семь минут точно на трассе, намеченной Йяллом. Стэк проследил его движение, настроился и мигнул зеленым. Один раз.

Милая опция шеф-инспекторских систем: имитация неполадки. Так можно вынудить к посадке в требуемом районе любой подозрительный мобиль. Правда, потом придется писать кучу рапортов. Все сигналы стэка отслеживаются единой системой координации полетов. Собственно, ей и адресуются, а уже оттуда поступает команда указанному мобилю. И его постигает неслучайная случайность...

Йялл дождался второго зеленого мигания, на пару секунд зафиксировал стэк на месте будущей вынужденной посадки. Получил подтверждение прохождения команды и отошел в сторонку, за камни. Двадцать семь лет назад он полагал себя очень умным. Умнее всех! Он рвался на службу в инспекцию, чтобы там найти убийцу матери. Исчерпав прочие варианты организации покушения, он пришел к этому, единственному. Такой же стэк был направлен на мобиль родителей. Вот только неисправность он вызвал неопасную для малых высот, но фатальную для больших... Ни одна система не зафиксировала наличия близ места трагедии мобиля инспекции, как теперь не наблюдается автоматикой и его собственный мобиль, переведенный в режим «особое задание, скрытное слежение».

Стэки, имеющие допуск к инициации неполадок, выдаются лишь шеф-инспекторам силовых служб, проверенным специалистам с широкими полномочиями. Он добирался по карьерной лестнице до указанного звания двадцать лет. И знает всех людей, имеющих подобное оружие теперь и обладавших им прежде. Проверил каждого. Даже дважды до скандала доходило, он, смешно вспомнить, самого Борха подозревал... Пришлось объясняться. Старший инспектор счел идею интересной и даже помог отработать все варианты, добившись одобрения генерального инспектора, координирующего работы службы на всем Релате. Следствие показало: ни один мобиль службы, ни один человек из ее штата не находился в указанном районе, удалось отследить перемещения каждого. Йялл почесал ухо и усмехнулся. Блохи воспоминаний и подозрений не желают униматься... Между тем пора их гнать: объект уже рядом, снижается.

Стандартная тихоходная машина неуклюже взвизгнула брюхом по острым камням, криво осела, распахнула разом обе дверцы. Литтарим сердито выглянул из салона. Ткнул пальцем в красную кнопку аварийного вызова.

– Дежурный транспортного коридора двенадцать-семнадцать Рой Орри, – вежливо взрыкнул волвек.

Голос характерный, с человеческим не перепутать. Литтарим поморщился. А чего он ждал? Рядом с космодромом Эрра, старейший город стаи на планете Релат, там и находится ближайший дежурный.

– Ваша некомпетентность вызывает изумление, – проскрипел айри. – Вы подсунули мне мобиль без запаса хода. Резервные системы и те пусты. Нет даже нормального канала связи, только экстренная, на автономном источнике. Я добьюсь вашего увольнения с позором. Я опаздываю на важную встречу.

– Сильно опаздываете? – Голос далекого Роя казался расстроенным.

Искренне огорчился, даже оттенок страха за свое место вибрировал в звучании, срывая неокрепший юношеский басок. Йялл одобрительно усмехнулся. Молодец мальчишка. Играет бесподобно. Этот айри уже противен ему донельзя, но ведь проявлять отвращение к попавшему в беду, слабому и паникующему – недостойно стайного.

– Сильно, – огрызнулся Литтарим.

– Тогда я отзываю высланный к вам штатный подменный мобиль, – немедленно и с достойным случаем рвением рыкнул исполнительный волвек. – Использую свои полномочия и добьюсь отправки скоростного. Ждите.

Айри взвыл от бешенства. Лететь от города досюда – полчаса, вызывать скоростной мобиль – сорок минут... И надо прибавить еще девять-десять, необходимые для прибытия на место аварии.

– Тупая скотина! – рявкнул Литтарим, склоняясь ближе к консоли. Но его уже не слышали. Аварийный канал отключился.

Айри мрачно глянул вперед, на невидимую отсюда скалу в сорока минутах полета к северу. Вызвать мобиль оттуда, попытавшись настроить личный канал коммуникации? Признать перед тем, кто тебя вызвал, перед важным айри, свою несостоятельность в решении простейшего вопроса с транспортом? И опоздать... Все равно придется ждать подменный мобиль или объясняться по поводу необоснованного, следовательно, платного использования экстренной связи. Пройдет фиксация инцидента, огласка, лишнее внимание.

Йялл забавлялся, наблюдая смену настроения на лице и в душе айри. Непросто держаться в тени, маскируя свое сознание от обнаружения. Риан учил его дисциплине сознания пять лет и не считал талантливым. Литтариму следовало заметить свое одиночество сразу после приземления. Он айри, значит, способен читать сознание, хотя бы неполно – если слаб душой и неопытен. Но не улавливает. Все еще источает яд злости и кипит гневом, не проявляя интереса к миру вокруг. Связался с комплексом с личного коммуникатора, изведя за пару минут остаток энергии устройства, не созданного для прямой дальней связи. Убедился, что его пока не ждут. Приказал сервам перенести встречу на час и изложил причину задержки.

Вот теперь – можно. Йялл стек по камням, чувствуя себя невидимкой. За технику движения учитель его хвалил! Волвек обогнул жертву по широкой дуге, приблизился со спины, протянул руку и мгновенным движением двух пальцев смял во избежание потенциальных проблем наушный коммуникатор айри. Литтарим невольно подпрыгнул, осознав присутствие и ощутив на миг касание руки волвека. Тотчас собрался, метнулся в сторону. Споткнулся о камень. Горожанин... Отвык от гор, цивилизовался, забросил тренировки.

– Ночь-то какая, – ласково улыбнулся Йялл, рывком сажая айри на камень и разворачивая лицом к себе. – Тишина. Звезды. Ветер из степи теплом так и дышит. А тебя знобит. Приболел?

– Йялл? – кое-как справился с собой айри. – Каким образом...

– Неслучайным, – пожал плечами волвек.

Он чуть сместился и наклонил голову. Теперь его глаза особенно отчетливо светятся холодной желтизной, окаймленной голубоватым кольцом. Особенность, унаследованная от матери. Она ведь хоть и родилась человеком, но в предках имеет очень достойный род стайных. Не зря голос крови проснулся при первом же соприкосновении с сознанием Саги. Мама не чужая была декану Эллару. Хотя и не дочь – куда там, сколько лет прошло, поколения сменились не раз...

Видимо, глаза блеснули удачно. Айри даже задохнулся. Нечеловеческое в волвеках действительно ощущается лучше и полнее всего именно ночью, в пустыне. Когда ты, пусть и дракон по крови, слеп и глух, а твой собеседник зряч, силен и опасен. Желтизна его глаз сияет, наполненная лунным светом и первобытной дикостью зверя.

– Мобиль у меня – вот, – хрипло пожаловался Литтарим.

– Знаю, сам место выбирал, – кивнул Йялл. – Так хотелось пообщаться. Двадцать восемь лет не виделись. А ведь было время, я тебя считал едва ли не другом. Что с меня взять? Щенком еще был. Ума не набрался, в силу не вошел. Не умел опять же без причины ломать кости. Теперь причина есть.

Айри поперхнулся и затравленно огляделся. Кусты, камни, темнота. Внизу справа слышится тихий перебор ряби на воде, рисующей узкую влажную кайму на скальном боку.

– Что тебе надо? – на редкость прямо уточнил айри.

– Я изучил мотивы аварии мобиля моих родителей. И последовательно отбросил почти все из них. Остался один. Ты хотел занять место помощника капитана «Иннара». Я был опасен как конкурент. У нас в стае крайние разногласия равных по силе решают жесткими методами. Они надежнее. Полагаю, если ты невиновен, сможешь уйти от меня. Я дам тебе фору в сто... даже в двести метров. Не охай, дам и триста. Но если совесть твоя нечиста, ноги подведут.

Йялл неторопливо расстегнул куртку и сложил ее, устроил на плоском камне. Сел, взялся расшнуровывать старомодные высокие ботинки. Страшнее волвека ночью в пустыне только гролл, тот же волвек, сменивший облик с человеческого на звериный. Мысли у него короче, чутье острее, сила и гибкость – выше.

– Но это же нелепо, – ужаснулся Литтарим. – Я невиновен. Что за дикость?!

– Честный бег, честная конкуренция, – оскалился Йялл. И стал снимать второй ботинок, выплевывая намеренно короткие фразы. – Ты этого желал? Не знаю, зачем вам, айри, понадобился корабль. Ялитэ хотел понять. Но для меня его дела мало важны. Как и любые иные ваши, драконьи. Ты враг моей семьи.

Йялл стащил тонкую облегающую рубашку. Потянулся, прекрасно зная, что смотрится он, голый по пояс, внушительно. Длинные волокна мышц перекатываются, бугрятся. Темно-бронзовая кожа слегка лоснится, обозначая еще отчетливее рельеф грудной клетки. Айри, несомненно, полагает, что трансформация запущена.

– Но ты же долетел до Академии без происшествий, – торопливо взвизгнул Литтарим. – И девочка тоже. Потому что нельзя повредить высотный мобиль.

Желтые глаза снова блеснули в лунном свете. Заинтересованно. Айри сжал зубы, унимая дрожь. Он не хотел говорить то, что сорвалось само собой. Или хотел? Отмена сеанса ночной конкуренции с гроллом в беге и борьбе стоит парочки приоткрытых тайн. Вот вот сюда доберется подменный мобиль. Еще двадцать пять – тридцать минут надо протянуть. А потом станет проще. Если повезет, он улизнет. Если очень повезет, трусливый мальчишка-дежурный пришлет мобиль с пилотом, появится свидетель...

Мысли снова до смешного ясно читались на лице, в лихорадочной чехарде эмоций и запахов. Йялл задумчиво глянул на свою куртку. На ботинки. Для народа айри он лишь орудие в руках Ялитэ. Увы, взбесившееся и оттого вдвойне опасное. Вообще подобные игры удобнее вести в паре с Лархом. Добрым, умным, тактичным знатоком законов. Готовым то

журишь и жалеть подозреваемого, то одергивать своего же зарвавшегося напарника. Ладно, и в одиночку пока получается. Крупное тело качнулось вперед, длинные руки уперлись в камни подушечками пальцев. Он весь – пружина. Хорошая стойка. Агрессия и внимание в непонятном собеседнику соотношении. Еще пару сантиметров вперед – и будет чистая агрессия.

– Ты знаешь про наш полет? Ты часа не провел на Релате и знаешь о моей стае и Сати? – Рычание сдерживаемого из последних сил гнева прорвалось в речь: – Др-рянь. Продажная трусливая др-рянь. Ребенку угрожаешь. Тот, кто покусится на младшего, в стае не жилец.

– Я ничего не знаю о ребенке, – торопливо забормотал Литтарим, непроизвольно отодвигаясь назад. – Это другие. Мне сказали, я повторил. Сообщили, что ты прибыл в Академию не один. Что переполох и что завтра соберется Совет. Я больше ничего не знаю. Я все время на верфях, планету не видел двадцать лет.

Йялл зевнул, одним движением сменил позу. Сел, скрестив ноги и выпрямив спину, уложил ладони на колени. Покой и презрение. Люди воспринимают язык слов, айри подвержены воздействию жестов, сопровождающих эмоциональные всплески. Риан объяснил – ученик усвоил. Судя по всему, он молодец и даже талантлив. Литтарим будет говорить. Уже сломался, уже согнулся и дышит неровно, потеет, не отводит взгляда. Так бескрылые драконы реагируют, когда попадают под влияние чужого сознания. Они ведь тоже стайные, только совсем иначе, чем волбеки. Вожак Хьёртта – тот, у кого душа широка и способна принять каждого с его болью и бедой, радостью и сомнением. Вожак убогих «высших» – изворотливый и коварный лжец, сломавший сопротивление подопечных. Навязавший им собственные представления о правилах и целях жизни.

– Кто твой вождь? – Теперь голова Йялла была выше линии взгляда смятого страхом айри. Он спрашивал, как более сильный.

– У нас нет... – Литтарим услышал низкий, на грани возможностей его уха, рык волбека. – Хорошо. Я принадлежу к окружению ан-моэ Йенхо. Это недопустимо короткое имя, но ты не поймешь иного. Зато осознаешь теперь, как высок мой покровитель и насколько бессмысленно с ним спорить.

– Спорить не буду. Просто спрошу плату за давнее, – усмехнулся Йялл. – Я читаю тебя, мой бывший друг. Вина есть, и она вопит в голос, бисером пота выступает на коже. – Йялл стал говорить с нажимом, не спрашивая, а утверждая. И превратился в слух, чтобы понять, насколько точны подозрения. – Ты участвовал в убийстве моей матери.

– Нет! Нет, никогда. Я даже не был на Релате в то время!

Дрожь в голосе и срыв, сухость в горле, спазм – это явное отчаяние. «Он не лжет», – оскалился Йялл. Просто усердно, из последних сил, недоговаривает. Волбек заставил себя расслабить плечи. Вздохнул, поднял взгляд к звездам. Нельзя срываться. Он сейчас не мстит за маму. Мертвые могут ждать. А вот Сати жива, ей защита требуется незамедлительно и постоянно. Информация – лучшая защита.

– Виновен. Хотя бы молчанием и бездействием. Этого достаточно, – закончил рассуждения Йялл и перешел к насущному: – Теперь ты взял на душу новый грех перед стаей. Еще больший. «Иннар» – дело жизни трех поколений самых светлых умов моей расы. Пяти поколений людей. Высшее достижение Риана, лучшего из вас. Ценность, оплаченная совместно, основа развития всех трех рас. Ты его пытался украсть. Но я, инспектор Йялл Трой, расследовал дело и покараю преступника.

Литтарим закрыл ладонями лицо и сдавленно рассмеялся. Или заплакал? Волбек даже встряхнулся. Нелепая реакция. Рука сама потянулась к уху, чтобы почесать. Вот гадость, подцепил привычку у великого учителя Юнтара. Старик обожал делать вид, что так выискивает в своей роскошной седой гриве мысли-блохи... Малышня визжала от восторга. Он

тоже визжал и чесал – у него еще росли волосы, как у любого волвека до вступления в возраст молодости, допускающий трансформацию в гролла.

– У нас не было выхода. – Литтарим не выдержал затяжного молчания и стал говорить. Сам, выгалкивая слова с каким-то странным облегчением: – Мы не можем жить с вами в одном мире. Вы норовите его... пометить. Да! Вы лезете во все сферы и там оставляете свой след. Вы пиявки, присосавшиеся к нашему великому знанию. Вы воры, уносящие золотой песок из сокровищницы, которую айри наполняли десятки и сотни веков. Не мы воры, а именно вы!

Айри яростно выдохнул и попытался выпрямиться, сесть поудобнее. Наткнулся на взгляд Йялла и снова поник как подрубленный: он привык подчиняться. Сознание волвека было цельным, мощным и не содержало даже малой щели сомнения.

– Истерику закончил? Тогда говори внятно. Я понял – вы хотели уйти. Когда?

– Через десять лет самое позднее, – тихо и без выражения отозвался Литтарим. – Достроить и оснастить корабль, закончить эксперимент с ребенком, завершить изыскания...

Айри осекся, резко выпрямился. Осознал наконец-то, как много лишнего сказано. Пристально взглянул на волвека. Полуголого, но далеко не дикого, несмотря на темноту ночи и обманный шепот ветра пустыни. Усмехнулся, запоздало понимая, что попался на простейшую игру в глупого подозреваемого и «плохого» инспектора-дикаря...

– Я недооценивал Ялитэ, приручившего тебя, – холодно произнес Литтарим. – Волвеки – отличное орудие для тайных дел. В конце концов, мы вас создали.

– Нас сотворил великий гролл, – весело оскалился Йялл. Подтянув поближе рубашку и ботинки, стал одеваться. – В прежней жизни он был лучшим из всех айри, так гласит легенда стаи. Не зря мы назвали корабль «Иннар». Капитан Хиннр, безупречный айри древности, памятник которому стоит на Хьёртте, был искателем знания. А наш корабль – собиратель нового. Похожее имя, да еще и из вашего языка. Мы старались... Если бы вы просто сказали, что желаете уйти, вас бы никто не стал удерживать. Ведь вы живете долго. Дождитесь постройки второго корабля и заберите его с полным правом, без воровства и лжи.

Йялл встряхнул рубашку и стал ее натягивать. На короткое мгновение он упустил Литтарима из виду. И тотчас осознал сосредоточенность и спешку, азарт и уверенность сильного, сменившие прежнюю покорность проигравшего, вынужденную и мучительную для айри.

Волвек хорош тем, что действует в критических ситуациях гораздо быстрее, чем думает. «Тело в бою умнее мозга, зверь выживает там, где бессилён человек» – так повторял первый из Йяллов. И его потомок распластался по камню, выворачиваясь из плена рубашки, уходя от удара, источника и природы которого не понимал. И не пытался понять! Поэтому и выжил. Когда верхний слой камня вскипел и потек, Йялл уже скользил в тених, уходя в сторону. Ощущал острую боль в сожженной спине – во второй раз за сутки! Только гораздо сильнее. Тело требовало трансформации. Гроллы не теряют сознания от болевого шока. У них иной порог чувствительности. И резерв живучести – тоже.

Камень рядом снова потек, брызнул каплями. Йялл зарычал, злясь на себя. Самонаводящийся стэк, многофункциональный, четвертое поколение, как все стэки шеф-инспекторов. Минуту назад Йялл свято верил, что они действуют только после процедуры опознания владельца. И только в его руке. Поэтому и оставил оружие лежать на камне, под курткой... Наивненький! Слово из лексикона Лорри невесть с чего всплыло в сознании. Йялл разозлился окончательно. Как можно еще во что-то безоговорочно верить, прожив одиночкой в мире людей и айри двадцать восемь лет? Не подвергать сомнению допустимо, пожалуй, лишь технические описания. Которые утверждают: стэк инспектора очень хорош, но его атака, имеющая задействованную теперь функцию удвоения мощности, жрет ресурсы

на редкость стремительно. Даже не вдвое интенсивнее, практически вчетверо. То есть до истощения заряда осталось продержаться не так долго. Он должен справиться.

Йялл нырнул под нависающую скалу, в два движения достиг края пропасти, канул вниз, вцепился в отвесный каменный бок. Торопливо переместился вправо. Хорошо хоть он успел осмотреть окрестности. Привычка сохранять настороженность, противоположная доверчивости и наивности. Школа Риана. Как учитель умудрился выжить в обществе айри и не стать одним из них, не опуститься до мести, не одичать? Так ведь он – Учитель. Каждое его дело, каждое слово следует сохранять в памяти и обдумывать, приобщая в копилку осознанного опыта. Вот прямо теперь, когда правая передняя лапа не желает двигаться, от оглушающего акустического удара ломит в висках, а свежая, едва наращенная шкура на шее не успевает затянуть разрыв вены. Ничего. Еще два заряда... уже один.

Все.

Йялл выполз на край каменной площадки, с трудом сохраняя беззвучность перемещения. Лапа подламывалась, от потери крови мутило. Две парализующие иглы в спине, к счастью рассчитанные на людей, тоже добавляли проблем, ухудшая координацию движений. Литтарим стоял рядом, но смотрел туда, где гролл был две секунды назад. Горожанин, спасибо ему за эту беспечность, леность в саморазвитии... Одно движение лапы – и он уже отдыхает. Сработал оттренированный годами самоконтроль: у задержанного обморок, нет ни переломов костей, ни даже сотрясения мозга. Значит, он, Йялл, не худший из учеников Риана. Научился в совершенстве контролировать своего зверя. Даже раненого и разъяренного, даже ослепленного мстостью за давнюю и новую боль...

Гролл перехватил зубами стэк, слабенько, едва заметно, мигающий меткой «разряжен». Отнес в мобиль, запихнул под кресло неловкими дрожащими лапами. Правая совсем одревенела, даже когти не втягиваются, клацают по камням. Надо ведь вернуться, притащить айри и сунуть в грузовой отсек. Носом нажать красную кнопку. Как темно вдруг стало... Зрение явно шалит.

– Дежурный транспортного коридора двенадцать-семнадцать Рой Орри, – вежливо, но с явным беспокойством отозвался парнишка.

Еще бы! Два вызова за смену на его трассе, одной из самых отлаженных и благополучных. Как же хорошо, что рядом город стаи! Можно все объяснить и в этом обличье.

– Р-ры, – коротко пожаловался Йялл.

– Мне семь минут лету, – мгновенно отозвался незнакомый малыш Рой. – Ведь так и знал: этот айри затевает нехорошее! Продержишься?

Йялл прикрыл глаза. Как будто у него есть выбор... Каждую совершенную глупость приходится оплачивать болью, особенно в мире людей. Эта глупость была сокрушительной. И полезной – за такой опыт не жаль и расплатиться. Совершенно новое знание и новый подход к вопросу о гибели матери... Если стэк можно переподчинить, тем более мгновенно, нет смысла во всем прежнем расследовании. Нет даже намека на логичность в рассуждениях. Он подозревал в организации покушения на родителей тех, кто имел право на ношение оружия. Следовало искать иных – умудрившихся обойти систему.

Мальчишка примчался через шесть минут. Чуть не разбил длинный и не приспособленный для посадки в скалах высотный мобиль, втискивая его в расщелину со всего хода, без предварительного торможения. Открыл люк тоже еще до полной остановки – и для кого только пишутся инструкции? Выпрыгнул, перекатился через голову, гася остаточную инерцию. С ходу вцепился в сознание, оттягивая на себя боль, рыча от тяжести полного сочувствия раненому, но не ослабляя контакта, хотя на глазах выступили слезы.

«Прямо блаженство – быть стайным», – вздохнул Йялл. Его уже лечат. Сразу понятно: крепко стоящий на лапах, вполне взрослый волк этот Рой Орри. Молча деловито работает, без людских глупостей типа «вас следует поместить в госпиталь». Или, хуже того, «два

кубика в вену, завтра поговорим, пока что надо срочно снять шок». Незнакомый до нынешней ночи Рой управляется проще. Остановил кровотечение. Влил плазму – от души, с запасом. Излишек пригодится для восстановления тканей. Жидкая кожа уже обжигает спину.

Как хорошо быть живым. Возвращаться. Взбираться все выше по древней тропе, ведущей от примитивной дикости первичных рефлексов и инстинктов к современному и полноценному духовному развитию, к разумности... Выживает в бою зверь. Но за его действия всегда отвечает волк. Зверь силен и способен сотворить непоправимое... Именно поэтому встать на лапы способен лишь тот, кто осознает себя целиком.

Йялл блаженно вздохнул. В очередной раз живучесть гролла позволила оплатить глупость, научиться новому – и уцелеть. Зрение в норме, цвет вяленько, но воспринимается. Нюх отключился, и надолго, он вторичен при регенерации. Зато слух постепенно освобождается от нудного звона крови в ушах. Сознание тихо наслаждается. Пальцы парнишки гладят виски, раскладывая бремя боли на двоих.

– Я вызвал сменщика и освободил свое время, – сказал Рой, устало опираясь о стенку мобиля. Боль он принимает честно, не щадя себя. – Куда тебя отвезти? Не напрягайся, понял: Академия. Лежи, сам управлюсь. Я же из службы контроля трассы, полномочия имеются. Сейчас задублирую управление твоего мобиля на свой – и двинемся. Полет займет четыре с половиной часа – я понял, что особой спешки нет, график движения на трассе ломать не стану. Ты пока осторожненько перебирайся в мой высотник, он семиместный, люксовый. Там полный холодильник клубники, представляешь? Угощаю...

Глаза у парня рыжие, бешено-веселые. Ему – и видно, и ощущается всей шкурой – нравится внезапно свалившаяся на плечи ответственность за спасение старшего. Экий самостоятельный, приятно... Йялл улыбнулся своим мыслям, вытесняющим из сознания боль и слабость едва живого тела. Тяжело поднялся на три дрожащие лапы. Поковылял к высотнику, не наступая на четвертую, окончательно онемевшую. Пронаблюдая, как широченное пассажирское кресло для него разъезжается в плоскую кровать. Заполз, прикрыл глаза и насторожил уши. Мальчишка делал все правильно и быстро. Намерения и советы ловил до того, как они облекались в самое короткое командное рычание. Притащил бессознательного айри, мешком свалил в дальнее кресло и плотно связал, а затем закрепил ремнями. Обыскал, снял все, что может являться прибором или приспособлением для контроля – вплоть до шейного медальона. Вкатил Литтариму для страховки от новых неожиданностей двойную дозу снотворного. Принес стэк, побегал по окрестностям. Виновато показал сильно оплавленный уголок формкристалла удостоверения шеф-инспектора. И клок кремовой замши. Третья куртка за сезон! Йялл раздраженно заворчал. Не зря в том магазине его встречают как любимого клиента. Не пропадут остатки прошлогодней коллекции.

– Отдохни, – посоветовал Рой. – Я разбужу через три часа. Сливки взобью, клубнику своевременно извлеку из холодильника, она как раз дойдет до комнатной температуры.

Йялл согласно вздохнул, уложил голову на лапы. Без звука позволил накрыть себя одеялом с подогревом. И даже не возразил против укола универсальной питательной сыворотки, неизбежно вызывающей сон. Все правильно. Не может ведь он явиться в Академию гроллом! Надо спешно восстанавливаться до состояния, допускающего трансформацию.

Снов Йялл не видел, но небытие не тяготило пустотой. Первые лет пять своей жизни на Релате, одиночкой, он плохо отдыхал, погружаясь каждую ночь в черный ил потерянности – плотный, скользкий, не дающий опоры и какой-то мертвый. Вокруг – ни единого говорящего сознания, яркого, выразительного и в то же время деликатного. Только люди, глухие к невысказанному вслух. Глухие – и назойливо, бесстыдно шумные... Не умеющие себя огородить, распыляющие в пространство гнев, презрение, похоть, усталость, пьяный угар веселья, беспричинную депрессию и подавленность. Неприятно и неловко было их читать:

словно в щель подсматриваешь. Приходилось учиться ставить усиленный эмоциональный фильтр, так принято называть технику самоизоляции. По неопытности этот барьер отнимал много сил, требовал избыточной концентрации и оставлял рассудок в пустоте, сравнимой своей холодной безразличностью лишь с дальним космосом. Йялл помнил, каково зрячему сознанию волвека приходилось там. Он – один из трех жителей обоих миров, Хьёртта и Релата, побывавший во время испытательных полетов вне родной планетарной системы. Там, откуда солнце выглядит всего лишь одной из звезд, а никак не источником жизни. Подсознание стайного корчилося, металось, искало тепла – и медленно заползало в дальний уголок логова рассудка, чтобы не впасть в отчаяние от бесчувствия. Никого кругом. Ни-ко-го...

Три часа сна в высотном мобиле тоже были темнотой без снов, но иной. Пять лет тренировок научили поддерживать фильтр эмоций без усилий и постоянно. Сделали сознание людей привычным фоном всей дальнейшей жизни. Одиночество рассеялось, сменилось уединением. Теплым, как летняя ночь, наполненным движением жизни. А сейчас еще и малыш сиял рядом, подобный костру. Блаженство. Настоящий отдых. Йялл открыл глаза за мгновение до того, как рука Роя коснулась его плеча, готовясь разбудить. Трансформация прошла легко, в двуногом облике ощущение болезни не усилилось.

Рой сунул под руку запасной пилотский костюм, обычный в комплекте снаряжения многоместных мобилей. Молодец – уже подогнал по размеру, насколько смог. Йялл оделся, сел, заинтересованно принимаюхаясь. Клубника! Наилучшая. Он такой никогда не пробовал, точно! Парнишка заулыбался:

– Это мой дед выращивает. Поставляет иногда для нужд полетной службы. Сорт «Сердце оазиса». Выведен двадцать лет назад. Уникальная тонкость вкуса. Правда, хранится плохо.

Йялл перебрался к столу. Придирчиво приняохался, двумя пальцами бережно прихватил жесткий, почти черный стебелек самой крупной ягоды. Ничуть не похожа на привычную клубнику: розово-алая, сплюснутая, с редкими рыжими конопушками семян. Окунул в пену сливок. Откусал. Внук создателя сорта ревниво со-чувствовал. Еще бы, дедов шедевр селекции пробуют в первый раз. Сознания Рой касался бережно, без назойливости. Держал дистанцию и не торопился следовать за реакцией, имея свое мнение. Без всякого там щенячьего азарта и почтения к старшим, заведомо умным и правым... Йялл удивленно нахмурился:

– Вкусно, ты сам понял. Скажи мне иное. Стая что, так сильно изменилась за три десятка лет? Ты не похож на прежних молодых. Ты почти... самодостаточен.

Любимое слово Риана пришлось кстати. Согрело душу. Оказывается, отец не только сумел преодолеть боль. Он стал куда лучшим вожаком, чем был прежде, – дал стае новое. Научил взрослости.

– И он, – расслышал движение души Рой, – и Тайя. И ты тоже. Не только тебе не хватало стаи. Нам всем было одиноко. Смешное людское слово! Поди объясни им, что целой стае может быть одиноко... Мы увидели проблему, поняли ошибку и искали решение. Все. И человеки искали.

– Кто? Люди?

Рой азартно замотал головой. Хитро прищурился, радуясь, что сумел удивить. Новое слово и новый не высказываемый вслух подтекст. Думал он о людях, подразделяя их на два разных подвида. Вот еще странность... Йялл почесал за ухом и сердито убрал руку под стол.

– Те люди, что живут на Хьёртте, не похожи на здешних. Они гораздо более наши. Называют себя человеками. Придумали так именоваться дети, уже лет двадцать назад. Они выросли, но слово осталось, – пояснил Рой. – Никто из человеков не нарушил неписаных законов Хьёртта. Зато уже двое заключали последние сделки с людьми Релата, будучи

частью стаи. Мы становимся единым целым. Они учат нас индивидуальности и гибкости, мы их – общности и ответственности.

– То есть в дни празднования юбилея основания Эрры, города при космодроме, говорили правду? – поразился Йялл. – Общие поселения, общие детские садики. Целые купола людей, живущие без инспекции...

– Человеков, – поправил Рой. – Да, два купола и еще несколько станций контроля на новостройках. А в мир Релата уже пять лет уходят молодые волвеки, чтобы пожить среди людей хотя бы два-три года. Это воспитывает, но пока мы только пробуем. Я – жил. В горах Ака, работал в службе спасателей. – Рой хитро прищурился. – Наперегонки с поисковой собакой.

– Кто вам помогает привыкать к одиночеству?

– Тебя учил Риан. Потом он общался с Дауром и Тайей. И мы тоже общаемся по мере надобности. Особенно те, у кого хуже получается жить без поддержки общего сознания. А еще нам помогает айри Витто Орри, он стайный, названный родич в семье со стороны моей мамы.

– Значит, все было не зря, – обрадовался Йялл.

И смолк, планомерно опустошая поднос. «Сердце оазиса» таяло во рту, оставляя богатое объемное послевкусие. Наслаждение... Только волвек мог создать подобное – под свои тончайшие возможности восприятия запахов и вкусов. Полный холодильник, как же! Глупости. На один зуб, вот сколько той клубники. Вкусная, потому и не хранится.

– Я едва успел поднять мобиль, а тебя уже всюю начали искать, – сообщил Рой. – Девочка из твоей новой стаи и какая-то несносно нахальная Лорри, обманом вытребовавшая приоритетный канал связи с настройкой по пеленгу твоего инспекторского мобиля. Потом к ним присоединился Риан. Всех отругал, ребенка увел отдыхать. Велел тебя не беспокоить.

Йялл усмехнулся, идентифицировался в системе, на мгновение усомнился – ночь глухая, всем пора отдыхать! И вызвал-таки Академию, Лорану Диш. Соответствующий классу мобиля объемный экран заполнил все пространство над столом и по другую его сторону. Там, в проекции кабинета Академии, ловко и без заметного стыка присоединенной к салону мобиля, возникла Лорри. Она сидела спиной к Йяллу, в высоком вращающемся кресле. Устало терла лоб и ругалась с кем-то невидимым.

– Архив мой, я тут девятый час как официально главная, хоть ты... то есть вы, треснете. Поблажек не будет. До завершения ревизии каталогов все базы данных переведены в закрытый режим. Приходите и пользуйтесь... Нет! Выкачивать не дам... Ха! Сотрет в порошок он. Нашел, чем пугать. Заходите, пообщаемся. Я про порошки больше вашего знаю. Кстати, жалобы направляйте, соблюдая полноту формы. Иначе вернутся на доработку... Ё-о-о, грубо-то как! А вам, наоборот, самой доброй ночи.

Лорри развернула кресло, потянулась, щурясь и хрустя суставами. Волосы она уже перекрасила в приятный каштановый тон и выглядела на редкость незнакомо. Прямо-таки солидно. Розово-сиреневые очки скрывали красноту утомленных припухших век. Косметики минимум, губы сложены в умильно-скромную, вполне деловую улыбочку... Рассмотрела Йялла, оскалилась иначе, до коренных:

– Привет, дохлик. Я пообещала себе и Сати, что не засну, пока ты не проснешься! Жив?

– Как видишь. Лорри, есть вопрос. Ты никогда не слышала о способах, позволяющих блокировать и даже переподчинять оборудование и оружие шеф-инспектора?

– Ё-о-о, да чтобы я легавому... – возмущенно начала Лорана, расхохоталась, стряхнула очки и азартно зашлепала ладонями по столу, выбивая дробь. – Йялл, ты мерзавец! Всегда такое спрашиваешь – аж жарко делается. Я своих не выдаю. Только я теперь не знаю, где мои. Погоди, щас отдышусь.

Лорри смолкла и подперла ладонями подбородок. Зевнула. Принялась демонстративно шевелить бровями, гоня ленивые мысли. Рассмотрела Роя за спиной приятеля. Заинтересовалась, начала бессовестно-подробно изучать новое лицо и всего волвека целиком. Йялл заподозрил, что за этим последует попытка увильнуть от ответа.

– Ты помолодела на три года с этой прической, – заискивающим тоном сообщил он.

– Я щас убьюсь головой об стол, – ужаснулась Лорри, припоминая свой жаргон. – Вонючий гролл, ты же пыль гонишь! Ты докатился в нашем обществе до понимания прелесть и пользы наглого подхалимажа. Лжешь, не отводя глаз... вот это прогресс!

Женщина поправила волосы, гордо выпрямилась и согнала несуществующую пылинку с рукава. Подмигнула Рою, восхищенно внимающему ее странной речи.

– Давай так. Йялл, ты искренне назовешь меня красивой и даже интересной при свидетелях: Сати и Гирксе Пятом, их все равно не застать порознь. Потом честно пригласишь меня поужинать на тот бешено дорогой корабль, куда сам таскался только что. Я влюблюсь до беспамятства и...

– Лорри, – насторожился Йялл.

– Не бойсь, не обижу в темной подворотне, – хихикнула злодейка. – Даже приставать не стану. Просто все тебе расскажу. Если хоть что-то полезное знаю, само собой. Ну, лады?

– Вслепую? – засомневался в выгоды сделки Йялл.

Еще бы! Ловкая особа так освоилась в Академии за неполный день, что заблокировала эмоциональный фон канала передачи, рассчитанный на сенсорные способы общения снавей, айри и волвеков. Ее слышали, видели объемно и отчетливо – но не воспринимали напрямую, сознанием. Поди сообрази, какова настоящая полезность сделки? Знает Лорри хоть что-то ценное или просто набивается в подружки?

– А директор тебя не готов отвести на корабль? – вяло понадеялся Йялл.

– Он и на большее готов. Обещал город показать. За это я разблокировала для него доступ к архиву из кабинета. – Лорри нагнулась вперед и перешла на шепот: – Я во всей Академии только Риана опасаюсь. Он тихий-то тихий, а шутить с ним жутковато. Серьезный мужик, я сразу просекла. И даже отпадный, хоть и не молод.

– Мне теперь тоже не до шуток. Дело касается причин гибели мамы. И моей жизни тоже, только что айри пробовал убить меня моим же стэком.

Лорана перестала улыбаться. Виновато дернула плечом, извиняясь без слов. Сняла ограничения с канала. Йялл даже слегка расслабил спину. Гораздо удобнее общаться, воспринимая собеседницу целиком, с настроением, эмоциями и хотя бы фрагментами намерений. Теперь видно: устала до судорожно сведенных болью шейных мышц, до зеленых кругов перед глазами. Вопреки полубоморочному состоянию старается быть полезной на новом месте – рьяно. Переживает за него, «вонючего гролла». До смешного всерьез желает верить, что выглядит молодо и привлекательно. И еще – думает, сосредоточенно ищет некий ответ.

– Я мог бы лет пятнадцать назад наговорить тебе кучу комплиментов от всего сердца, – искренне покаялся Йялл. – Но за полсекунды до нашего знакомства глаза в глаза ты проверила, что прочнее: бутылка игристого вина или мой затылок. Потом я был способен только рычать. Нецензурно выражался, за что готов извиниться.

– Характер у меня убойный, знаю. Так, кто старое помянет... – жалобно вздохнула Лорри.

– Давай не будем еще и «глаз вон», – ехидно оскалился волвек. – Тебе идет эта прическа, два глаза тоже смотрятся уместно. И ты будешь приятно выглядеть, когда отдохнешь. Средства на мой счет поступят двадцатого, так принято в инспекции. На следующий вечер я забронирую столик на палубе «Владыки морей».

– Ё-о-о, так мы с Сати выпотрошили твой счет до нуля? – догадливо усмехнулась Лорри. – Обратный перевод по последней сделке будет не скоро, ясен день. Формальности

процветают, а ты загибаешься... Прости, зверик. Я думала, семья Трой богата. Среда забита подробностями. Достояние жожака – яхты, дома, производства и патенты...

– Во-первых, в стае иная модель отношений, далекая от финансовой системы Релата. Во-вторых, я покинул стаю и утратил право на все, чем она владеет. Благодаря Риану и моему предку, тоже Йяллу, сохранил хотя бы имя, за что спасибо обоим.

Лорана снова виновато дернула плечом. Серdito потеряла веки, не желающие более оставлять хоть малую щель для взгляда слезящихся полуслепых глаз.

– Не знаю, много ли от меня пользы в консультировании, – сокрушенно покачала она головой. – Выложи на стол вещи злодея айри. Все мелкие, постоянно носимые при себе.

Рой мгновенно исполнил указание. Убрал поднос с горкой хвостиков клубники. Достал коробку и бережно распределил по столу снятое с бессознательного тела, показывая каждую вещь крупным планом. Лорри молча всматривалась, кивала. Жестом предлагала продолжить процедуру. Оживилась она, лишь когда с самого дна коробки последним было извлечено закатившееся в уголок колечко из похожего на платину металла. Широкое и бархатисто-матовое, как теперь модно, с дюжиной довольно мелких темных бриллиантов, впаянных в металл. Огранка странная: внешняя поверхность каждого камня плоская, просто крошечный блестящий квадратик.

– Айри обычно не носят кольца, тем более широкие, – пояснила свою реакцию Лорри. – Я точно знаю, у меня были... знакомые из их общества. Их когти... Йялл, ты вообще в курсе, что у них есть когти? Так вот, при наличии такого украшения когти из межпальцевых кармашков неудобно выбрасывать. Но если все же кольцо имеется, то никак не магазинное, среднеценовое для элиты. Только под заказ сработанное и только с личным знаком владельца, такая вот тема.

– Знаю. Но я видел очень похожее кольцо по крайней мере еще у одного айри, потому и не удивился, – отметил Йялл. – В прошлый раз, случилось это во время расследования кражи, я спросил у того пожилого айри, что за вещица. Ты ведь права: они не любят серийное и копируемое. Но мне было сказано, что это и есть знак принадлежности к элите. Камни искусственные, высочайшей чистоты, изготовлены под заказ на орбитальной станции Релата и стоят гораздо дороже натуральных бриллиантов.

Лорри еще раз внимательно рассмотрела увеличенную объемную проекцию кольца.

– Если Паук жив, ему бы показать. Ё-о-о, не гони мне туфту про официальную экспертизу, – отмахнулась она от Йялла, уже приготовившегося «гнать». – С вашей системой защиты информации ничего не выйдет по-честному. Цацку умыкнут до экспертизы. Или выведут из строя, если это не просто кольцо, а нечто иное, более сложное. Эй, малыш, поможешь тете Лорри? – Женщина подмигнула Рою. – Прокатишь на высотнике куда скажу. Там порычишь, охраняя меня. Ну и расплатишься. Только учти: не деньгами! – быстро добавила Лорана. – Паук коллекционирует эмоции. Скачает у тебя из головы бег гролла по пустыне Хьёртта. Я знаю, этого у него нет и он невыносимо страдает от неполноты коллекции. Если тебе неприятно...

– По крайней мере, он не претендует на клубнику, – подмигнул в свою очередь Рой.

Глава четвертая

Есть ли польза в высоком статусе

– Я Драгна Бунр, координатор провинции Шос'ха, у меня срочное, совершенно неотложное дело к волвеку по имени Ясень Орри, – устало втолковывал человек средних лет уже третьему по счету волвеку.

Первый был диспетчером и дозволил-таки посадить мобиль в центре города в Красной степи, официально являющегося территорией стаи, то есть закрытого для посещений без приглашения. Второй подошел, выслушал точно такую же фразу, кивнул – и исчез. Словно растворился в ранних предутренних сумерках. Сейчас, прождав час в мобиле и несколько раз прокрутив в сознании странный разговор, координатор сомневался во многом. Был ли второй волвек одет? Он заглянул в боковое окно. Плечи голые. В полумраке эта глыба мышц с сияющими золотыми глазами смотрелась так жутко, что деталей координатор не запомнил. Теперь пытался сообразить: наверное, его встретил дежурный гролл. Сменил облик и заглянул в окно. Если верить бреду, усердно распространяемому через Инфосреду, волвек опасен сразу после трансформации из звериного облика в человеческий. Плохо себя контролирует, доверяет инстинктам. На любое резкое движение отвечает агрессией. При его силовых параметрах – может сломать руку. Или порвать горло. В сплетни координатор не верил. Но все же... Все же он разговаривал с темной золотоглазой тенью, не делая никаких движений. Тем более резких.

Третий волвек оказался молод, строен и нормально одет. Рассвет сделал его внешность понятной и даже приятной. Светлые волосы, глаза почти карие. «Еще подросток, не обрел способности к трансформации», – сообразил координатор. Успокоился и рискнул открыть дверь.

– Срочное дело... – задумался волвек, выслушав давно заученную координатором фразу. – Совсем срочное, я четко прочел ваш тон. Идемте, провожу. У него сегодня день приема, но раз неотложно...

Координатор кивнул. Гордо поправил на запястье формкристалл в кожаной оправе. Статус – он и в стае имеет значение. Вряд ли сюда бы позволили добраться без объяснений человеку в более низкой должности. Шагая за провожатым, координатор невольно озираясь по сторонам. Город выглядел точно таким, каким его показывали в старых плоских роликах полуторавековой давности. Зеленый, ухоженный, состоящий из невысоких, в два-три уровня, домиков. За спиной осталось побережье огромного озера, именуемого Золотым морем, ветерок тянул с воды прохладу. Пахло цветами. В городе удивительно много цветов: степных, на нелепых волвечьих газонах, диких, высоких и непостижимо густых. И культурных – в аккуратных клумбах и висячих корзинках.

Мимо, вплотную, пробежал взрослый гролл. Координатор сдавленно охнул. Эдакая зверюга! Прежде он волвеков во втором облике близко не наблюдал. И сейчас был бы рад оказаться подальше. Смотреть жутко, не смотреть невозможно. Мышцы так совершенно перекатываются под бархатистой шкурой. Не волк – правильно в Среде указали на странность названия. Скорее уж рысь, если уместно сравнивать разумного с животным. Двигается по-кошачьи, грациозно и беззвучно. Страшен и красив. Противоестественно и притягательно красив. Словно в нем нет ни капли агрессии. Хотя как можно знать наверняка? Гролл обернулся и улыбнулся во всю пасть, добавив впечатлений.

– Ох и клыки, – невольно запричитал координатор. – Сантиметра четыре...

– Пять, – уверенно поправил проводник. И гордо добавил: – Это мой брат. Он вас встретил первым в городе. Дал мне знать, что надо помочь. Он бы и сам вас проводил, но был

занят. Вы не переживайте так, ведь видели: когда он во втором облике, у него нормальные зубы.

– Я понимаю.

– Но не верите, – хихикнул волк и сердито дернул себя за волосы. – Эх, мне еще почти год до взросления. Знаете, как хочется на Хьёртт, чтобы там в первый раз – на лапы? Только вся семья дежурит в Эрре. Вряд ли меня отправят – работы много.

Мальчик – только теперь координатор решился поверить в его возраст – тяжело вздохнул. Глянул вверх, в синее безоблачное небо прибрежной степи, не знающей летних дождей. Идущему следом, замученному страхами и суевериями взрослому человеку стало неловко. Он нахально и без предупреждения прорвался в мир стаи, чужой и странный. Его приняли, но, увы, он и сейчас не находит в себе мужества расстаться с предрассудками и признать здешние законы нормальными для обитающих в городе и для себя самого. Да и не знает толком этих законов, одни домыслы и слухи в наличии... Тогда зачем стремился попасть? Или бояться, или уже идти. Координатор снова поправил формкристалл и догнал проводника.

– Осенью из моей провинции к вам полетит группа детей на обучение и лечение, – сказал он. – Полагаю, нам потребуется помощник. Работы тоже будет много. Скажи полное имя, чтобы я мог запросить знакомого, а не случайного попутчика.

– Удачно мы встретились, – улыбнулся волк. – Оба обманываем и себя, и других. Я очень хочу на Хьёртт и выпрашиваю полет с таким нахальством, что даже стыдно, а вы лжете по поводу дела. Хотя оно у вас и есть, но не такое, как вы говорите. Не официальное. Зовут меня Боррд Милт.

– Все у вас с рычанием, – улыбнулся координатор, пряча удивление. Странно, его секрет, видимо, разгадали, но не стали строить препятствий на пути. – Я запомнил имя.

– Хорошо, потому что мы уже пришли, – кивнул волк. – Вот приемный дом. Видите, какая сегодня толпа? Ждите тут. Люди сердятся, когда мимо них свои же проходят. Они... то есть вы все, на наш взгляд, излишне агрессивны. Особенно в длинной очереди. Я пойду один и поговорю с дедушкой Ясенем.

Координатор присел на удобной скамеечке, где было велено. Из тени плотно оплетенной виноградом деревянной декоративной арки толпа у приемного дома была видна вся. Люди сидели и стояли, топтались, бессмысленно бегали и шумели. Дети разместились под длинными навесами, к ним то и дело подходили волбеки, обычно женщины. Приносили еду и напитки, разговаривали, сидели рядом. На прием к гролльим знахарям – так зовут странных врачей стаи, упрямо не признаваемых официальной людской медициной, – рвутся со всей планеты. Давно и точно известно: принимают они только детей, потому что помочь всем невозможно успеть. Некоторых лечат сразу и быстро. Других оставляют жить в городе на месяц и более. Самых трудных повторно приглашают в гости, уже на свой Хьёртт. Делегировать.

Сегодня приема ждали не меньше семи десятков детей. Их родственники – взрослые, начитавшиеся сведений из Инфосреды, нервничали, а порой откровенно боялись гроллов. И еще больше опасались отмены приема.

– Если сразу не поставят диагноз, не предоставят список препаратов и процедур, я им не оставлю свою девочку, – в сотый раз громко убеждала себя женщина средних лет. – Не оставлю! Мало ли чем тут лечат. Вон, я в Среде видела ролик. Живых червяков есть вынуждают. Издеваются.

– Ты восьмая в очереди? – весело уточнил молодой парень. – Вали, других быстрее примут. А потом еще три года сюда пробивайся. Если время есть.

– Нет у нас времени, иначе бы я сюда ни ногой, – убито призналась женщина и ушла под навес.

Координатор с долей раздражения подумал: «До чего волвеки терпимы к людям». Тут их дикарями зовут, брезгливо утверждают, что ни за что бы не приехали без крайней нужды, руки отдергивают и отступают, когда мимо проходят местные. А ведь за помощью прилетели. С последней надеждой. Определенно, надо разобраться с мусором в Инфосреде. Хотя бы поговорить с генеральным инспектором. Фьен Бо уже дважды запрашивал сведения по теме – и в провинции к его интересу относились весьма казенно. То есть давали ответы по минимуму, не находя вопрос важным. Видимо, зря. До чего дошло! Он сам, вполне взрослый воспитанный человек с высоким статусом, много раз общавшийся с волвеками, боится стайных. Невольно, подсознательно. Но теперь, в городе стаи, страх вылез наружу самым позорным образом. Да и прочие люди в очереди не лучше. А это уже серьезно. Это явный признак обработки сознания. Длительной, грамотной и глубокой. Надо сегодня же лететь к генеральному. Как только удастся устроить сына. Почему-то в положительном решении стаи координатор не сомневался.

Юноша с нелепым для человека именем Боррд выскользнул из боковой двери приемного дома. Координатор улыбнулся. Волвеки всегда заняты делами и всегда бегают. Словно работа, вопреки пословице, все же волк и ее требуется догнать и изловить.

– Ясень занят, не выйдет до обеда, – сказал провожатый, резко останавливаясь у виноградной арки. – Он вас прочуял. Сказал мне, если дальше врать будете, даже не слушать. Но мальчика в любом случае он берет. Потому что ваши врачи точно не помогут – он запросил данные по здоровью сам, мой брат при первом контакте с вами сканировал ребенка.

– Врать вам мало толку, – усмехнулся координатор и виновато добавил: – Если бы было время, я бы как все – в очередь... Только нет у нас трех лет. Говорят, даже года нет.

Голос предательски дрогнул, выдавая боль. Впрочем, волвеки и без того давно все заметили, – признал очевидное координатор. Боррд жалостливо развел руками и предложил подождать тут: он сам сбегает к мобилу и приведет ребенка, получится быстрее. Ответить не удалось. Видимо, внутренне он и не возражал, раз парень так резво сорвался с места, прикинул обладатель высокого статуса координатора. Ему стало неловко: он-то хотел сказать, что сын может испугаться вида волвека... Хотя дети умнее родителей – они еще не начитались глупостей и не поверили в них, принимают мир и его обитателей такими, какими видят. Как это у волвеков называется? Верить своему сердцу.

Координатор обернулся на шум. По аллее, ведущей от набережной к приемному дому, двигалась новая пара. Желтоглазый пацан лет двенадцати и – можно не сомневаться – очередной обладатель статуса...

– Посидите тут, – с важным и взрослым видом велел проводник. – Я спрошу у дедушки.

Человек без возражений сел на скамью, заняв свободный ее край. Координатор с интересом покосился на соседа. Лет тридцать, без всяких там манипуляций с продлением юности. И тоже получил право посадки на внутренней парковке города...

– Я хотя бы настоящий координатор провинции, – вслух задумался он. – А ты чем аргументировал посадку?

– Врал про секретную информацию для ихнего вожака, – тяжело вздохнул парень. – Только этих зверюг не обмануть, я сразу просек, как только запарковался. Интересно, они правда ночами людей гоняют, как дичь?

– Вряд ли. Сын или дочь?

– Братишка младший, совсем он задыхается, – не стал дальше упираться «обладатель секретной информации». Сердито потер коротко стриженный затылок: – Как я буду отрабатывать, если примут? С деньгами у меня вовсе зарез. Они наверняка и это просекли. Ух чутье у зверюг! То уважаю, то злость берет. А ну как прогонят?

– Похоже, примут... даже срочно. Беги, не хлопай глазами. Видимо, плохо твоему братишке.

От приемного дома к арке, подтверждая предположение координатора, бежали двое: проводник и невысокая стройная женщина-волвек. Женщина сердито махнула рукой и без задержки заспешила дальше, к набережной. Парень вскочил и припустился следом. Координатор проводил взглядом всю группу. Попытался припомнить, как зовут женщину. Ведь лицо знакомое, не может быть ошибки при его зрительной памяти. К тому же женщины волвек по внешности гораздо приметнее лысых, рослых и однообразно-массивных мужчин. Симпатичны, необычны и приятны в общении. Вся Инфосреда с ее сплетнями не в силах умалить обаяние красавиц.

Координатор потер лоб и нахмурился. Невысокая, молодая, то есть не старше ста лет, волвеки позже начинают меняться и стареть. Темноволосая. А ведь именно она прилетала в Шос'ха три года назад, когда в горах совсем разладилась погода! Снавь, одна из самых опытных – поэтому он и помнит ее в лицо. Кажется, зовут Хэйн. Поди разберись в именах стаи, коротких и странных.

Боррд показался из-за изгиба аллеи. Шагал неспешно, за руку вел малыша и усердно рассказывал ему что-то важное и полезное про город. Само собой, ребенок и не думал бояться, ему тут сразу понравилось, на папу ноль внимания.

– Много нас таких, придумавших важные причины для посадки? – спросил координатор, когда провожатый остановился у скамейки.

– Обычно человек десять за день накапливается, – лукаво улыбнулся Боррд. – Ух и смешные придумываются причины! Но количество живых на борту еще диспетчер улавливает, как и состояние беспокойства, оно характерное. Вы хорошо боитесь за своих детей, это мы уважаем. Потому что не страх в основе, а ответственность.

– Зачем твой брат прибежал?

– Окончательно уточнить цель визита, все же было раннее утро.

– Понятно. У тебя уже много приглашений на Хьёртт?

– Одно, – почти обиделся Боррд. – Разве можно просить об одолжениях, которые требуют затрат и осложняют жизнь? Я и так полечу с вашей группой. Хотел заранее познакомиться. Опять же все старшие сегодня заняты. Идемте, Ясень ждет. Только вы не нервничайте так, все будет хорошо. Генетическое заболевание, третья группа сложности по нашему счету. Я на медика учиться собираюсь, так что в диагностике кое-что понимаю. Тяжело, но поправимо. Месяца два здесь пробудет ваш сын, никак не меньше. Если все сложится спокойно, осенью полетит в моей группе на Хьёртт.

Координатор провинции Шос'ха смущенно кивнул, поймал в ладонь левую руку сына. Правой малыш усердно цеплялся за запястье волвека. Все вместе они пошли к приемному дому, мимо толпы, возмущенно присматривающейся к внеочередникам.

– Все скрывают настоящую причину посещения города? – уточнил координатор.

– Наверное, вам так проще себя убедить, что вас примут, – предположил Боррд. – Вы с Ясенем познакомитесь, тогда уж знайте наперед: если у кого в вашей провинции совсем неотложное дело, пусть не врут. Вы их отправляйте сюда, предварительно дав сообщение хотя бы диспетчеру трассы. Ужас как утомительно вчувшаться сквозь барьеры обмана. То, что мы не всех берем, неправда. Просто многим могут помочь в Академии или в ваших клиниках. Мы уточняем или подтверждаем диагноз, отправляем туда. И три года – тоже не совсем правда. Кто может ждать, тем три. Вас бы приняли самое позднее через месяц.

– А просто в гости к вам можно? – осторожно уточнил координатор уже в дверях. – Живем далеко, ничего толком о вас не знаем. Как-никак ровно пол-экватора от вашего города до нашей столицы. Вот и выдумываем себе незнамо что. Я спрашиваю не для себя одного. Для провинции. Наверное, странно такой вопрос адресовать тебе...

– Почему? Всякий в стае может ответить, если общее сознание содержит ясное решение. В гости можно, – кивнул Боррд. – Только Ясень, как мы говорим, все равно сначала

отправит клубнику пропалывать, а только потом на стол ее подаст. Он строгий. Сегодня в Академии что-то творится. Внук Ясеня, Рой, срочно улетел и до сих пор не вернулся. Толком ничего не понятно, но нам уже велено усилить патрулирование периметра города. Горры ждут наготове: вдруг и они понадобятся. Хотя это совсем уж крайность.

– Значит, и мне надо в Гирт, – предположил гость, остановившись посреди коридора и отпуская руку сына. – Видимо, в следующий раз познакомлюсь с уважаемым господином Орри... Все же я настоящий координатор провинции, пусть далеко не самой богатой и густозаселенной. Надо понять, что за беда стряслась. Как видно, она общая.

– За сына не переживайте, я у себя поселю и присмотрю за ним, – пообещал Боррд. – Если увидите Роя Орри, передайте: дед Ясень за него переживает и велит хотя бы позвонить домой.

Глава пятая Семья Горр

Полуденное небо Хьёртта темное, фиолетовое с холодной прозеленью. Солнце висит пуховым одуванчиком, окруженное многоцветным сиянием, видимым лишь совершенному зрению гролла.

Память стаи живет долго и не утрачивает однажды обретенного знания, она впитала и навеки хранит в себе иное небо: серо-пыльное, вдвое темнее нынешнего. Тогда еще не начали реконструктивную программу. Азота было всемеро меньше, чем сейчас. А еще имелся избыток углекислого газа и недостаток водяных паров... Зато ненужного – чего тут только не было... Обильные стелющиеся сернистые пары разъедали легкие, хлористые тоже не радовали. Назвать воздухом смесь газов и взвесь пыли мог лишь теоретик и к тому же безнадежный фантазер.

Рой бежал через пустыню, сильно похожую на ту, столетней давности, несбыточную фантазию. Когда волбеки обжили город на Релате и вернулись сюда, в мир, породивший их, поддерживать жизнеспособность в ледяной редкой атмосфере без маски самый выносливый гролл мог не более пяти часов. Стандартных, синхронизированных с системой мер Релата.

Но разве ядовитость атмосферы может отменить любовь к своему миру, родному вопреки всему? Волбеки возникли здесь и жили в неволе, но в этом мир не виноват. Как и в том, что их нынешний облик исходно задумали айри, пытавшиеся совершенствовать себя самих. Стабилизировать двойственную природу волбеков-гролло, вызывающую до сих пор недоумение у ученых, помогло еще нечто, то ли случайность, то ли чудо... Мир принял их. Стал родным. И они вернулись на свой Хьёртт, чтобы пустыня больше никогда не выглядела безжизненной.

Первый и лучший вожак стаи, Лайл Энзи, строил город. На поверхности, чтобы жители не ощущали себя запертыми в подземелье. Под защитным куполом, позволяющим поддерживать нужные давление и состав среды. Это было важно – сразу основать удобное автономное поселение. Чтобы начать большую работу. Каждый волбек знает, что фантазеров, называвших ядовитую смесь газов воздухом, было много. И что волбеки к фантазиям не склонны. Они задумывают что-либо и реализуют замысел упорно, вместе, слаженно. Так долго, как это необходимо, не отчаиваясь и не теряя сосредоточенности. Ныне живы трое начинателей, все они – айри по рождению. Сто с лишним лет трудиться, не старея, пока что посылить исключительно для бескрылых драконов.

Айри Витто, химик, ведет с первого дня программу изменения состава атмосферы, он и сейчас на Хьёртте. Айри Джанто еще во времена несвободы волбеков создал первые растения, способные терпеть ядовитую атмосферу, недостаток тепла и пыльные бури. Он и поныне увлеченно укореняет и распространяет по пустыне колючую темную траву и мелкий плотный кустарник. Айри Риан создал общую теорию восстановления биосферы Хьёртта безмерно давно – и охотно отдал разработки волбекам, помог разобраться в наиболее сложных вопросах. Сам убедил Академию в допустимости и рациональности ряда практических направлений генного конструирования. Только для неразумных видов! И только при сохранении принципов природного естественного отбора, правда ускоренного многократно. Результаты оказались впечатляющими.

Теперь на Хьёртте есть сезоны года. Чуть более теплый зовут для удобства летом. Второй, похолоднее и более ветреный – зимой. Сейчас, в своем воспоминании, Рой бежал через мимолетную, длящуюся всего трое-четверо суток, весну Хьёртта. Трава, прозванная серебряной сканью за свою склонность стлаться по почве, образуя сложный узор, украсилась

мягкими шариками-пуховками, ее стебли тонкие, темные, с узкими упругими иглами пока что свернутых серебристых листьев. А вот и более поздняя селекция. Ощетиненные бурым мехом-мхом кочки, цветущие пятилепестковыми колючими гроздьями на высоких стеблях. Называется «гролля лапа». Цепляется, соответственно... не отодрать.

Рой бежал вдоль ирригационного канала, мелкого, извилистого, проложенного по склонам пологих холмов без нарушения рельефа. Наступал лапами на свою же трусливую тень, заползшую под брюхо, спасающуюся там от сияния полудня, усиленного присутствием двух лун. Из-за них самая мелкая рябь на воде многоцветна, переливается золотом и багрянцем, как спины вертких хчёл. Рой игриво прыгнул к самой воде, накрыл тенью хчелу – и та мгновенно нырнула в грунт, разыскав неприметную норку. Красивые они сегодня, удачно мимикрировали под сложным многотонным светом. Можно поймать пару и принести детям – пусть радуются, рассматривают. Часа три хчелы под куполом проживут без вреда для себя, они и дольше там могут оставаться, но зачем? Их колония – здесь и вся их жизнь – тоже здесь. Надо возвращать природе то, что является ее частью. Дети обязательно отпустят хчел наружу. И побегут, как обычно, донимать старика Ясеня. Он же мудрый. Пусть объяснит, почему на Релате пчелы летают и жужжат, а местные хчелы стрекочут и ползают, мимикрируют и хранят мед под грунтом, в норах. Этого от них никто не ожидал, улыбнулся всей пастью Рой. Когда ускорили приспособляемость, прогнозировали, что крылья станут большими, годными для редкой атмосферы. А они совсем исчезли... но ловить юрких хчел сложнее, чем их прародителей пчел.

Гролл замер, восстановил дыхание, замедлил пульс. Никто из разумных не охотится на медоносных торопыг. И чего они тогда, спрашивается, боятся? Вон пырей выстреливает метелки с каплями сока. К ночи с ее неизбежными заморозками засохнут, надо собирать немедленно. Вода на Хьёртте до сих пор уникальная редкость, вся подается по каналам, по мере выработки, это затратно и сложно. Облака и дожди – мечта следующих десятилетий.

Хчелы потекли из своих нор сплошными радужными ручейками. Даже ловить неудобно: дела у них... Рой внимательно всмотрелся, нагибаясь ближе к колонне медосборцев. Рыжие глаза впитали их вид. Нос уловил запахи травы, капель нектара, пыли, влаги... Первая хчела-разведчик добралась до зарослей пырея и застрекотала, помогая прочим сориентироваться. Скользнула по стеблю вверх. Наклонила его, облегчая сбор нектара. Замерла в высшей точке дуги, настороженно шевеля усиками. Сетчатые глаза мерцали: два передних и затылочный. Еще бы, смотреть надо внимательно. Второй десяток лет пошел, как в заросли запустили кунгов. Зелень имеется, ее надо общипывать. Так планировали волвеки, айри и человеки Хьёртта. Кунги неразумны, о своей миссии они не догадывались. Зато быстро выяснили, что мед вкуснее жестких сухих листьев, и стали разнообразить рацион.

Рой осмотрелся, подробнее запоминая рабочих хчел: можно ведь не ловить, а просто передать картинку детям, от сознания к сознанию. Словами пояснить. Тем более что он патрулирует, район большой, времени на шалости нет. Надо бежать и искать щели в водоводах, через которые уходит драгоценная жидкость. Каждый день искать! Говорят, прежде, еще в неволе, гроллы обнаруживали щели в куполе древнего города. Только те щели были случайными и возникали редко. А корни гроллей лапы намеренно разрушают водоводы, добираясь до вожденной влаги. Жизнь хитрее генетиков. Вроде бы сами ее придумали, все предусмотрели, просчитали – а вот, вырвалась на свободу, стала не похожа на исходную идею. Разумные обитатели Хьёртта уважают гроллю лапу за упрямство и неистребимость. И, выкопав с места преступления, не уничтожают, а пересаживают подальше от канала. Волвеки шутят, что ползать растения, к счастью, еще не научились. Джанто, создатель флоры Хьёртта, ужасно сердится, слыша подобное. Его растения не злодеи. Скоро воды станет больше, тогда и исчезнет потребность так фанатично за нее бороться.

Бежать сквозь жар полудня – наслаждение. Грунт большой экваториальной равнины содержит много слюды. Оттого тоном светел, сияет, отражает лучи и сильно греет воздух. Над каналами висят радуги испарения. Изломы высоких редких скал вспыхивают искаженными линзами цельных слюдяных пластин, отбрасывая на траву узкие языки сияния. И Рой скользит в этой странной ряби света без теней, укрывшихся от полудня. В хороводе полутонов, порождаемых движением двух лун. Бежит и дышит. Теперь можно дышать. Воздух сухой, шершавый, но питательный. Пять процентов кислорода – уже немало. Для гролла достаточно, чтобы без усталости патрулировать двое суток, умеренно расходуя свои резервы. Улыбаться клыкастой пастью солнцу, ловить ветер и пробовать на язык. Нырять в тень глубоких щелей-низин, бдительно втягивая носом стелющийся по дну газ. Вдруг снова южные сернистые грязевые болота задышали, погнавши ядовитый пар из недр?

В ухе ожил передатчик, рыкнул голосом одного из вожаков. Предложил принять правее, обследовать мелкие каналы, вспомогательные. Рой заторопился, двигаясь высокими длинными прыжками, взлетая с разбега на каждую подходящую скалу и озираясь окрест. У людей Релата теперь в моде картины волвеков-художников. Обманные и удивительные. Трудно ведь воспроизвести то, что доступно тебе, ориентируясь на чужой глаз, более примитивный, вырезающий в спектре узкий диапазон видимого света. Картины странные, человеки Хьёртта их критикуют. Говорят, слишком нарочитая красота. Они умные, сами понимают отчего. Тоже любят этот мир и уже научились всматриваться в него с теплотой. А вот люди Релата... Со скандалами добиваются права прилететь сюда. Самый модный отпуск – неделя на Хьёртте, в куполе первого города, с обязательным выездом на каменное плато Хиннра... Осмотр развалин Гнезда, где держали волвеков – еще подопытных и несвободных. Экскурсия к «Птенцу» – первому кораблю людей, севшему на Хьёртт.

Туристов не любят. За ними надо следить: неорганизованные, норовят геройствовать и делают глупости. Приходится их ублажать, выслушивать жалобы, сетования и вздохи разочарования. Где обещанная красота? Где сияние четырех лун, где сотни оттенков цвета, плетущих узор волшебной ночи? Где перламутровое небо полудня и радуга над каждым каналом? Все песочно-серое, тоскливое и негодное для жизни. Растения однообразные и чахлые. Кунги двигаются столь стремительно, что их нельзя рассмотреть. Хчелы всегда успевают спрятаться. Провожатый их видит, а гости – нет.

«Хьёртт – мир для глубоких и сложных отношений, а не для мимолетных капризов» – так сказал еще вожак Лайл. Планета неторопливо знакомится с гостем. Ищет контакта с сознанием. Роняет в душу крошечное, как росинка на пырее, зерно. И ждет всходов. Не нашли красоту, не смогли переступить через стереотипы – уезжайте. Зато если вы рассмотрите и полюбите Хьёртт, то навсегда. Даже зимние бури сочтете прекрасными.

Рой спрыгнул с очередной скалы и помчался вперед, уже не осматриваясь. Над одним из каналов он отчетливо увидел ослабление радуги. Там воды мало. Там – трещина в дне. Свежая, судя по всему. Вот бы увидеть, что провоцирует ее стремительное развитие? Рой добежал и сел, удивленно тьякнув. Гролля лапа сама не ползает, Джанто может быть спокоен. Но вот хчелы...

Судя по всему, колония целиком участвовала в акции. Облепив молоденький куст с убранными в кольца корнями, гибкие узкие хчелы волокни его, тянули, толкали, несли на спинках. Крошечные – и могучие своей организованностью. Нет для хчел ничего вкуснее сока гроллей лапы. Только ей надо много воды для цветения. Рой зарычал, сообщая на базу об увиденном. В ответ вздохнул вожак. Пообещал выслать мобиль и передать информацию Джанто. Гролл улыбнулся, лег на вершине холма, пристроил голову на лапы и стал наблюдать. Если обнаруживается новое свойство экосистемы, с ней обычно не спорят. Прилетают, организуют наблюдение и думают. Хотя что тут думать? Прадед Ясень давно ругается с айри и требует делать заводи. Маленькие, мелкие и обязательно под скалами, в тени. Он же твер-

дит снова и снова, что хчел нельзя воспринимать как развитие вида пчел. Что они иные, уникальные и полностью местные, перекроенные под здешние условия и продолжающие мутировать...

Куст гроллшей лапы хчелы дотащили до канала. Стали спихивать все ниже. Туда, где уже весело шелестели два похожих, виновники возникновения трещины. Корни коснулись воды. Их кольца восторженно расправились, зашевелились быстро и уверенно. Чуткие уши гролла уловили хруст базальта водовода. Куст укоренялся с поспешностью и упорством, достойными этого сурового мира. Сухие листья глянцевели, на их поверхности проступал узор. На макушке цветоноса столбиком замер разведчик хчел, зацепившись тремя парами лапок и скрутив гибкое тело вокруг стволика. Ждал начала цветения, чтобы дать команду к сбору нектара.

День медленно, без спешки, клонился к вечеру. Тени острыми верхушками прицелились в сторону восхода и стали расти. Жар плыл маревом. Скопившиеся на берегу хчелы нетерпеливо стрекотали. Багровая луна ушла за горизонт. Свет сделался более пресным, белесым. Вдали, в пустом небе без облаков, появилась одинокая точка мобиля.

Рой открыл глаза.

Тот, кого Лорри звала Пауком, блаженствовал в соседнем кресле. Странный маленький человек с сухими слабыми конечностями. Старый, седой, с залысинами, больной. Вороватый, лживый, уступчивый... А вот поди ты, рассмотри каждого целиком. Он, оказывается, способен оценить красоту Хьёртта. Дед так и говорил: «У одних темнота – начинка души, у других – только защитная оболочка, колючки и броня, приобретенные от контакта с недобрым миром людей».

– Неизмеримо больше, чем я мог просить, – тихо признался Паук. – Какой бег... За всю свою жизнь я ни разу не шагнул без костыля. И не надеялся познать, что дано другим. Люди не умеют отдаваться процессу и сохранять память цельной... Давно уплыл в небытие этот день?

– Семь лет назад, тогда еще не ушел в память стаи мой прадед, первый в семье Орри свободный волвек – Ясень-старший. Почему вы не лечились? – нахмурился Рой.

– Разве от этого лечат взрослых? Медики разводят руками. Снавей слишком мало, на Релате и вовсе единицы, они же ушли к вам... К оставшимся добираются лишь самые упрямые родители. Мои сочли, что проще завести второго ребенка, здорового, – поморщился Паук. – Меня бросили в таком же городе, далеко на юге. Думали, наверное, что сдохну. Но я выжил.

Он скривился, встал, резко качнулся вперед, к своему креслу – высокому, вращающемуся, регулирующему уровень сиденья, самоходному. Позволяющему общаться с посетителями на равных. Лорри прибежала из соседней комнаты, расставила на краю стола разнокалиберные, явно выбранные самым случайным образом, емкости с горячим кофе.

– Волк, как она тебя подцепила? – посочувствовал Паук.

– Я детей не порчу, – возмутилась Лорана. – Щас ты у меня получишь за...

– И сделка отменится, – прервал поток возмущения Паук. Выбрал огромную кружку и подвинул к локтю. – Давай взглянем на итоги... гм... предварительного этапа экспертизы. Хотя взлом – он всегда взлом, есть ли смысл маскировать словами суть моих методов?

Рой стал смотреть. В информационных системах он разбирался самым поверхностным образом. Красиво – вот и все впечатления. Объемная проекция кольца айри Литтарима, увеличенная в разы. Сечения, метки, выкладки, сноски и матрицы анализа. Все цветное, мелькает быстро. И если хоть что-то удастся вырвать в неразберихе – то лишь благодаря сохранению контакта с сознанием Паука. Холодное оно, цепкое и уверенное. Мечется, примечает, трогает узелки, дергает связи... Как целая колония хчел! И знает человек на редкость много.

Красивое сознание, определенно. Жаль только, темной боли в нем многовато. Потому что обижали. Люди ведь не только волвеков не понимают. Худшие из них еще охотнее отрекаются от общности со своими же родичами. Унижают и за недостатки, и за достижения. Презрение и зависть – стабильная эмоциональная пара уродливого жителя Релата, потенциального держателя последнего контракта. Пауку всегда завидовали, не забывая его презирать и унижать.

– Логика построения системы не наша, – уверенно определил пожилой человек. Обернулся к Рою: – Работа айри, старая школа. На ней базируется ряд систем общего пользования. Люди полагают их полностью изученными и неприступными. Но я сам делал дыры в таких безупречных щитах. Под заказ, тайно, штучно и очень-очень задорого.

– Паук, – жалобно вздохнула Лорри.

– Заткнись. Иди на кухню и молчи, – разозлился мужчина. – Могла попросить о помощи тогда, семнадцать лет назад. Но я же урод, да? Я убожество, которое уже ничего не может дать. Ты меня сочла не пауком, а мухой. Ты взяла все, что я по глупости тебе готов был рассказать, и возомнила себя неуязвимой. Ныряльщица, гроза Среды, страх и ужас на уровне мелкого хулиганства... – Паук скривился и замолчал.

– Ты мне отомстил, – сухо напомнила Лорри. – Мог вытащить, но пальцем не шевельнул. Я же потом просила! Тебя одного и просила... Вонючка. Урод ядовитый. Ну почему ты вообще не сдох до сих пор?

Лорри резко хлопнула дверью и принялась бегать по кухне, сопя и втягивая носом воздух гораздо чаще и звучнее, чем можно было ожидать. Паук виновато покосился на дверь. Обернулся к волвеку:

– Мы тебя не шокируем, дитя стаи?

– Я не могу привыкнуть к безразличию, а вспышки эмоций воспринимаю нормально, – утешил его Рой. – Это странное предубеждение людей, что мы не склонны к ссорам. Еще как склонны, и находим в грызне свою прелесть. Но мы не рвем жертве душу так страшно, как вы... Кстати, Лорри действительно страдает. Хочет извиниться и за то, что натворила раньше, и за свой новый срыв. Когда побледнеет нос, вернется и сделает это. Очень решительная женщина. Уважаю.

Паук фыркнул:

– «Побледнеет нос»! – и отвернулся.

Рой смущенно потер затылок. Может, так не принято говорить? А как надо? Ревет ведь, сморкается уже в открытую. Роняет вещи, ругается. Глаза красные, нос вообще клубничной – он и отсюда ощущает, как горит кожа и болит душа. Трудно не вмешаться.

– Я пойду помогу собрать вещи с пола, – решил Рой, когда нечто грохнуло об пол особенно массивно и звучно.

– Иди, – безразлично согласился Паук. – Еще на час работы, минимум. Но могу сразу сказать: вещица уникальная. Жаль было бы такое упустить при моей профессии. Так что не торопи, делаю не как заказ – с личным интересом.

Рой осторожно проскользнул в дверь, опасаясь первой реакции на вторжение. С людьми такое бывает: при срыве они и ударить готовы, больно, зло, неосознанно. Обошлось. Лорри сидела на полу и сердито собирала ложки, блюдца, чашки. Думала – вот уж сомнений нет – о достоинствах и недостатках небьющейся посуды. Следовало молча пристроиться и помочь. Минут десять тишины. Для настройки.

– Можно я стану немножко со-чувствовать? – уточнил Рой.

– Больно надо, – не отказываясь напрямую от предложения, буркнула Лорри, усердно нагибаясь вниз.

Как будто можно спрятать следы истерики так вот, в тени. От волвека! Рой отвернулся, унес горку посуды в сетчатой пластиковой корзине и стал аккуратно загружать в мойку. Ровными движениями в неспешном темпе. Монотонность помогает.

Вдох – принять это нелепое одиночество, ошетиненное иглами собственного упрямства, свернувшееся в защитную позу по привычке, ведь люди редко делят чужую боль просто так, без корысти и тайного умысла, без злорадства и неуместного любопытства. Без осуждения.

Выдох – просто покой. Отдых, облегчение, снятие спазма. Пока – мышечного. Еще и еще, чтобы постепенно выровнять дыхание до общего, слаженного. Тогда его осознают и допустят не только к приему и разделению боли, но и к передаче настроения.

Лорри молча принесла вторую емкость с посудой, села на табурет. Прикрыла глаза, слушая дыхание, перебиваемое редким позвякиванием ложек и вилок, сгружаемых в мойку. Каждый звяк – капля боли. Уходящей, исчезающей.

– Я ждала, что ты вздумаешь меня поучать, – хмыкнула Лорри, когда ей стало лучше и появился голос. – Йялл меня зверски поучал. С рычанием! Иногда помогало.

– Тогда нельзя было иначе. Ты не позволяла настроиться, – вступился за инспектора Рой. – Ты и теперь сопротивляешься. Разве я причиняю вред?

– Лезешь в голову!

– Мысли мы не читаем, это общеизвестно, – напомнил Рой. – Уж скорее я корректирую спинной мозг. Периферическую нервную, сосудистую... Кстати, желудок у тебя в ужасном состоянии. Я бы сказал – открытая крупная язва, но ее уже лет сто как излечивают в начальной стадии на один раз.

Лорри тяжело вздохнула.

– Ты боишься врачей? – поразился Рой. – Вообще не хочешь знать, как все плохо... Кто тебе внушил, что плохо? Мой дед искажения генетики пятого класса сложности лечит, ты совершенно в порядке, по меркам нашей медицины, да и ваша справится...

– Ага, им только дай справиться! Ё-о-о, еще хуже тебя лезут, – буркнула Лорри. – Копаются в болезнях, как будто я уже мертвая и мне все равно. А только это им самим – все равно. Не хочу. Я к Джан ходила пару раз. Она нормальная, у нас в городе чуть не единственный врач. Но к ней неловко с мелочами лезть. Потому что ей некогда, народ с делами посерьезнее в очереди стоит.

– Я отвезу тебя в наш город, если врачи не помогут или ты с ними не захочешь общаться. Сдам деду. Он оригинальный дикарь, опытную грядку клубники зверски оберегает от посторонних, – насмешливо прищурился Рой. – Редко соглашается брать в дом особенных, доставленных знакомыми, больных, – только тех, кто ни в чем не спорит и готов слушать про выращивание ягод... Ты слышала про осуждаемые в Среде опасные и ужасные методы гролльевого лекарства?

Лорри усердно замотала головой. Было видно: ей уже гораздо проще общаться. Превращая искорка чуть насмешливого веселья блеснула во взгляде. И еще – любопытство. Волвек закрыл мойку и нашел для себя второй табурет. Про деда он мог говорить долго, с удовольствием. Дед Ясень, сын первого Ясеня. Дедом в городе его зовут все, но если по-честному, по-кровному – как раз Рою он родной. Ясеню уже сто двадцать. Год назад дед утратил способность к трансформации, миновал порог вступления в третий возраст волвеков, чинно именуемый зрелостью. Первые два – это детство, длящееся лет до семнадцати, и длинная столетняя молодость, когда волвеку доступны оба его облика. В молодости сила играет, особенно привлекательно и легко быть стайным и обожать вожака, позволяя многое решать именно ему, без твоего согласия. Кто же не любит простоты?.. Кто не желает избежать ошибок?..

Переход из человекообразного облика в гроллий – это могучая встряска для организма. В молодости полезная. Увеличивает живучесть, позволяет проще и быстрее набрать физическую форму, оттренировать реакции. Наконец, сбросить накипь темных и болезненных эмоций – от простейшего гнева до воистину трагической неразделенной любви.

Зрелость – иное время. Оно для учительства, для личностного роста, подведения итогов и настройки общего сознания стаи. Для поиска преемника в делах. Утратив возможность к трансформации и принятию второго облика, волвек переоценивает многое. От увлечения силой и скоростью отвыкает, уделяя все внимание разуму и сердцу.

– Красиво говоришь, – похвалила Лорри. – Так что дед? Мирный, без когтей и вообще слабенский?

– Отчего же слабенский? – удивился Рой. – Нормальный, повыше меня. Он еще не стар. Волосы разве что на голове снова отрастают, седые, густые и волнистые. Он представительный. Даже величественный. Все волвеки, кому по-настоящему дано лечить, удивительные, их душа светится добротой. Увидишь – поймешь. Не будет он копать в болезнях. Но ругать тебя станет. Он чуть-чуть похож на Йялла. Резковат в оценках. Я могу вежливо намекнуть, что ты к себе относишься плохо и что следует лечиться. Он же обзовет... прости, но скорее всего, прямо так вот – дурой. Или того хуже.

Лорри рассмеялась. Без прежнего истеричного вызова, не напоказ. Ей было действительно весело. Рой наклонился вперед, поймал руку, пытавшуюся нащупать маленькое полотенце, заменившее носовой платок и насквозь мокрое. Волвек теперь смотрел прямо в глаза. Красивые: фон серый, бархатистый. Ободки, внешний и внутренний, карие. В такие глаза приятно вливать покой и уверенность. Сразу видно, что работаешь с человеком, пусть и сложным, изломанным. И все же настоящим, а не с холодной куклой из числа безразличных пустых людей.

– Почему вы так не влияете на всех... неправильных? – удивилась Лорана, расправляя плечи и продолжая охотно и осознанно всматриваться в рыжие глаза с узким вертикальным зрачком. – Даже желудок больше не болит. И спина. И душа...

Она подмигнула Рою и попробовала улыбнуться, благодаря без слов. Волвек устало прикрыл глаза и опустил лицо в ладони. Побегать бы теперь! Сменить облик – и в полную силу. Выгнать из тела злость. Больно ведь каждый раз осознавать, что делают люди с себе подобными. И с самими собою. Несчастные, одинокие, лишённые остатков веры в хорошее. Готовые яростно обороняться, калеча таких же, как они, и самих себя...

– Когда мы только появились на Релате, первое свободное поколение страстно желало породниться с этим миром. Мы увлеченно изучали новое. В том числе ваше сознание. И подсознание. Потом Риан поговорил с вожаком Лайлом. Объяснил, что никто не должен лишать людей свободы воли, даже частично и ради пользы. За такое вмешательство рано или поздно придется дорого платить. Еще сказал, что техника влияния на сознание попадет к его родичам. Это мне рассказал дед.

– Во, точно, – хмыкнула Лорана. – Айри – те еще гниды! Но Риан классный мужик. Самое большое открытие для меня за последнее время: айри может быть классным и замечательным... – Женщина тяжело вздохнула. – Даже два айри.

– Гораздо больше, чем два. Поверь мне.

– Щенок ты, – отмахнулась Лорана. – Ничего ты не понимаешь. Скажи лучше: Паук сильно зол?

– С делами закончил, не ощущаю прежней напряженной работы мозга. Расстроен, настрожен. Ждет, наверное, твоих извинений.

– Тащи сюда бледноносую, – мстительно проскрипел голос Паука в динамике над мойкой. – Я вас давно прослушиваю. Скучно. Хоть бы посплетничали, внешность мою обсудили, мерзкий характер. Жадность, наконец... Все так поступают, удалившись на кухню.

Лорри оскалилась приобретенной в прежней жизни ухмылкой, широкой и зубастой. Вскочила и торопливо прошла к двери, распахнула ее, прямо с порога забормотала извинения, глядя в пол и морща нос. Из услышанного Рой сделал вывод: в свое время она была не просто ученицей странного сухорукого человека – почти дочерью...

– Я, старый бездетный урод и сухарь, однажды поверил, что всерьез зову тебя деточкой, – буркнул Паук, отворачиваясь вместе с креслом. – Теперь пусть волбеки тебя душой называют, пытаюсь воспитать, с меня довольно. У них терпение нечеловеческое. Забирай то, что оплачено, и вали отсюда.

– Не простил, – вздохнула Лорана. – Я же не сержусь, хотя ты меня не вытащил тогда.

– Пробовал, – едва слышно выговорил Паук. – Зря. Настоящим заказчиком кражи из Академии был айри. С целой сворой его ублюдков мне воевать не по силам. Пришли, предупредили. Я внял. Сама же... дура. Влезла в гнилую историю, причем сознательно.

Рой тяжело опустился в кресло, ссутулился даже. Как может волвек постоянно жить среди людей? Все же Йялл Трой – настоящий сын вожака. Столько проблем каждый день решать одному, первым, без оглядки на опыт предков – создавая и вписывая в память стаи новое. Все через себя, с болью и сомнением, без надежды на помощь и поддержку. Каждый случай – уникальный. Это главный итог последних двадцати восьми лет жизни Йялла на Релате: нельзя судить одних на основании действий других. Не умеют люди отвечать друг за друга, совершенно не умеют. И за самих себя порой – тоже. Всю жизнь путают следы, петляют, таятся. Обманывают не только врагов, но и друзей, и себя заодно. Маскируются под милых соседей. Прикидываются друзьями, ожидая лишь выгоды от общения. И хуже: год за годом внушают окружающим и себе, что хотят и имеют право считаться хищниками, как этот Паук. А сами-то...

Волвек задумчиво прикрыл веки. Йялл Трой был одиночкой, но теперь его опыт постепенно вливается в стаю, потому что любое живое сознание питает ее. И потому, что его всегда помнили и ждали дома. И еще благодаря Тайе, встретившей Йялла в Академии и сразу же восстановившей для него полноту причастности к миру волвекон – силой жены вожака, к тому же еще и сниви второго посвящения...

Но сейчас Йялл далеко. Решать надо ему, Рою. На основании невнятного, недостоверного, невысказанного.

– Я хочу заключить новую сделку, – прищурился Рой. – Мы летим в Академию втроем. Лорри совершенно не справляется с архивом. За один день устала так, что дело кончилось нервным срывом. Между тем вы только что сказали: кражу инспирировал айри. Следовательно, архив под угрозой. Что могу я предложить от лица стаи Хьёртта вам, господин Паук, за полный анализ слабых сторон информационных и охранных систем Академии?

– Почему мне? – опешил старик. – И почему архив охраняет стая?

– Решение общего сознания. – Рой без колебаний свалил в кучу правду и ложь, колынувшееся в душе наитие, свою личную боль и жалость к двум человекам, которым нужна помощь. – Можете обдумать цену. Вы знаете: мы не отказываемся от своих слов.

Старик постепенно успокоился, вспышка эмоций, целая их буря, утихла. Сперва было изумление, затем гордость и даже мутноватое тщеславие, наконец холодное недоверие и привычная боль предчувствия обмана, скрытой насмешки. Много всего, спрессованного в единый клубок, спутанного и скомканного, осознанного самим человеком лишь частично – у них так почти всегда бывает в критические моменты. Этот же быстро вернулся к обычной здоровой сосредоточенности – Рой распахнул глаза. Жадности в нем нет, зря на себя наговаривал, а вот азарт имеется.

– Предположим, – заинтересованно наморщил лоб Паук, – я пожелаю каждый день лазить в твои воспоминания. Как в точности называются эти, которые таскают кусты и стрекочут? Ты их хотел поймать.

– Хчелы.

– Во-во, они забавные. Стану лазить и слушать пояснения. – Паук погладил длинными тонкими пальцами консоль, сильно затертую, привычную. – Темнишь ты, щенок. Что-то есть фальшивое в сделке. Уж не пожалел ли ты убогого? Я этого не люблю.

– Чтение памяти – не самая интересная возможность, – уклонился от ответа Рой. – При постоянном общении можно сформировать уверенный двусторонний контакт. Сменить облик и бежать по степи или вдоль моря. И нести на спине. Это очень разное – чужая память и собственные впечатления. Еще пробежки полезны, они активируют спящие нервные окончания и даже возобновляют процесс регенерации нервных клеток, который у людей во взрослости заторможен фактически до остановки... Вы перестанете хромать уже через месяц.

– Не лжешь? – Паук обернулся к Лорри. – Он может лгать?

– Злобно и во вред – нет, – быстро отозвалась женщина.

– Тогда собери тут... – решил Паук. – Сама знаешь, что я не готов оставить.

– Молотый кофе семи любимых сортов и свои запасные мозги, – довольно усмехнулась Лорана, принимаясь сгружать полезные вещи на середину комнаты.

Коммуникатор в ухе Роя прошелестел несколько слов голосом одного из вожakov города в Красной степи. Волвек кивнул, не прекращая бережно укладывать вещи в большой кофр.

– Заседание Совета переносится, айри явно чуют. Господин Ялитэ беспокоится за всех нас. Лично просил вожака Даура обеспечить охрану. Стая не получала подобных просьб уже лет сто.

– Охрану? Нам? – поразился Паук.

– Да. Они здесь, уже прибыли. Так что вы не удивляйтесь. Горры – это то, что позволяет сполна оценить разницу между людьми и нами.

– Горры? – заинтересовался Паук. – Странновато ты их назвал – «то».

– Они – семья. Избраны самой природой с рождения для охраны и розыска. На Хьёртте ведь нет инспекции. В наших городах на Релате – тоже. Зато есть Горры. Вот они.

Входная дверь беззвучно отворилась. В проем скользнул волвек. Крупный, гораздо массивнее легкого, по меркам стаи, Роя. С темно-бронзовой кожей, длиннорукий. Шеи у волвека не было вовсе, сразу начинались вислые плечи. Ноги казались коротковатыми по критериям людского сложения. Волвек мягко вплыл в помещение, словно не имел веса и был призраком. Тенью за его спиной возник двойник. Тоже вплыл и замер в той же позе, едва приметно поклонившись. И третий.

– Ё-о-о, я же вроде не пила, – охнула Лорана. – Все равно троится в глазах.

– Мы похожи. – Губы ближнего волвека дрогнули, двойники скопировали его мгновенно вспыхнувшую и угасшую улыбку. – Мы семья Горр. Ваша охрана. Полчаса на сборы достаточно?

– Ага, – ошарашенно буркнула Лорана.

Спорить со странной семьей не хотелось совершенно. В их присутствии сразу стало неуютно, воздух зазвенел скрытой угрозой. Трое бронзовокожих двигались безупречно. В молчании они собирали, паковали и выносили. Не задавая ни единого вопроса – и безошибочно. Лорана вцепилась в руку Роя и подтащила его, понятного и общительного, ближе к себе.

– Я их боюсь, – шепнула она. – Они даже не назвались по именам. Они какие-то механические.

– Зачем тебе имена? – шепнул в ответ Рой, поддерживая игру. – Ты их все равно не отличишь. Но так, для сведения... Кофе сейчас пакует Ринк. «Выносные мозги» Паука грузит Рив. Рик снаружи, он деактивирует лишнее коммуникационное оборудование моего высот-

ного мобиля, позволяющее контролировать его извне, например через стэк шеф-инспектора... Кстати, Рик закончил работу, можем стартовать.

Названный Ривом волк из семьи Горр покинул комнату, пока Рой говорил. Ринк Горр обернулся. Глаза его были темными, желто-карими, и оттого не казались яркими. Еще присутствовало ощущение, что волк смотрит не на собеседника, а сквозь него. И что он по-прежнему не один в комнате...

– Нельзя выходить, – тихо уточнил Ринк. – Мы обнаружили внешнее наблюдение. Мы этим занимаемся. По оценке нашего сознания, до пяти подозрительных людей поблизости. Дайте нам еще минуту.

– Круто. Щас убьюсь головой об стол, – в своей манере восхитилась Лорри.

– Невозможно. – Глаза блеснули чуть ярче. – В нашем присутствии охраняемые не убиваются. Допустима травма средней тяжести, если вам жаждется пострадать.

Лорана задумчиво кивнула. Снова дернула Роя за рукав куртки:

– Он что – шутит? Отпадно...

Рой не отозвался, встал и чуть подвинул Лорри в сторону двери. Сам шагнул следом. Ринк скользнул и замер позади кресла Паука.

– Вперед. Мы больше не ощущаем активного наблюдения. Рой, автопилот деактивирован. Просим влиться в общее сознание и пилотировать в группе. У нас нет позитивного предчувствия по маршруту.

С двух сторон по стенам вниз, во двор, скользнули бурые тени. Гроллы. Лорри восхищенно пискнула и закрутила головой, рассматривая все вокруг. Не вышло – сзади за плечи держал Рой, направлял и почти нес к мобилю, исключая задержку. Усадил в кресло, застегнул ремни. Ринк помог Пауку занять второе пассажирское место. Убедился, что старая, фактически не используемая людьми последние пятьдесят лет система полностью ручного пилотирования опознала Роя, соединилась с его сознанием напрямую. Удалился. Люк слился с бортом. Лорри извернулась, стараясь рассмотреть странные мобили во дворе. Она слышала о подобных, но никогда не видела. По слухам, на Релате таких не более десятка. Узкие, с массивной защитой, одноместные, со странной двухвариантной посадкой, годной для обоих обликов волвека. Ринк устроился в кресле, как и должно пилоту. Два гролла заняли подобия лежачков: они прошли трансформацию, но в человеческий облик не вернулись до старта. Почему? Лорри не решилась уточнить, да и не было времени на вопросы.

Мобиль стартовал резко. Высоту не набрал и заскользил, повторяя рельеф местности. Лорана, насмотревшись досыта на полосы и пятна, отвернулась от окна – монитора на внутренней поверхности борта. Прикрыла глаза: слишком быстрое движение, детали вблизи не разобрать. Как давно они взлетели? Двадцать девять минут назад. Значит, до Академии еще четыре часа, а то и пять. Или два? Скорость явно намного выше характерной для автоматического пилотирования. Лорри глянула вперед, на спинку пилотского кресла. Общаться с Роем сейчас бессмысленно. В состоянии слияния с управлением мобиля и сознанием Горров он едва ли способен уделить ей внимание.

– Юки, а если я еще разок извинюсь? – попробовала скоротать время Лорри.

– Юки... вспомнила невесть что. Да ну тебя, – совсем беззлобно отмахнулся Паук. – Надоело фальшивые вздохи слушать. К тому же я, надо признать, рад за тебя, деточка. Мне нравится этот Рой. Вся их лысая банда нравится... Мне, смешно признаться, интересно настолько, что и не пересказать словами. Давай дальше – что ты хотела узнать после сеанса подхалимажа? Ты же не умеешь извиняться просто так.

– Что узнать?... – смутилась Лорана. – Я ровным счетом ничего не понимаю. Глупые игры в охрану. Да кому мы нужны?

– Мы? Совершенно никому на всем Релате, как и прежде. Зато кольцо... его, полагаю, вообще не должно быть. Тем более действующего и в Академии, а хуже того – на Совете,

где оно станет уликой. Час назад, когда я закончил работу и стал обдумывать выводы, я не был готов дать за наши жизни и порции кофе. Но эти Горры – они внушают уважение. Я откровенно потрясен. Люди взяли бы исполненный заказ – данные и само кольцо – и ушли, оставив проблемы мне и тебе... Никто и никогда не пытался меня спасти. Да еще и жалеть так странно и искренне, что нет сил злиться. Я сдался, я готов рычать в их стиле и работать просто-таки даром. За право наблюдать хчел.

Паук погладил плоскую коробочку с кольцом айри. Сперва все было иначе, он брался за небольшую и малоопасную экспертизу... И вот – летит, не надеясь добраться до Академии и не планируя вернуться в свой прежний дом. Паук осторожно улыбнулся: от волвеков даже он, с его опытом в устройстве и получении подвохов, дурного не ждал. Зато перспективы открывались невероятные... Старик откинулся на спинку кресла:

– Я хочу жить в городе волвеков. Не знаю, можно ли попросить о такой цене сделки. Но я попрошу.

– Просьба принята. – Ровный голос Роя звучал напряженно и незнакомо. – Мы снова наблюдаем внешнее внимание. Мы заранее приносим извинения за возможные неудобства. Активирую противоперегрузочные системы.

Лорри нервно хихикнула. Она не сомневалась: последнюю фразу произнес сам пилот. А вот предыдущие – стая. Она прежде не представляла, как верно заметил Рой, насколько волвеки отличаются от людей. Сейчас получила редкую возможность оценить разницу.

Мобиль, который, видимо, надеялись спрятать от обнаружения у самой земли, теперь быстро набирал высоту. За обшивкой рос незнакомый свист. Лорана попыталась прикинуть, насколько скорость должна отличаться от рекомендованной для штатных полетов, если борт так заметно греется, – локоть пришлось убрать, некомфортно. Потом мысли исчезли. Мобиль нырял, резко наклонялся, странно маневрировал. Женщина все сильнее подозревала, что волвеки забыли про пассажиров, которые вообще-то люди, организмы коих на такие нагрузки не рассчитаны. Шея хрустит, в глазах черно. Ремни, вопреки работе компенсаторов перегрузки, то рвут кожу и норовят перерезать ключицы, то ослабевают до нечувствительности, чтобы ударить снова, еще больнее. Где находится земля, она уже давно забыла. Точно знала лишь, где находится порция кофе – пока в желудке. Кофе тяжелый и жесткий, как крупный камень. Ворочается, рвет острыми гранями проклятушую язву... А вот сердца вовсе нет: остановилось, слабое было. И легких нет – зачем они, когда кончился воздух? Только холодные злые змеи систем мобиля ползут, впиваются в кожу, норовят доушить, прикончить...

Потом сразу стало лучше. Возникла способность осознавать внешнее, как при прямом обучении. Рой присутствовал поблизости и переживал за нее. Точнее, малая часть его сознания, которая могла быть выделена для этого, со-чувствовала. На нее, бесполезную Лорри, тратили силы, поддерживая сознание на плаву, – именно поэтому вся стая так близко и так понятна. Можно быть рядом, наблюдать, даже угадывать часть зримого. Горры сейчас точно – единое существо. Там, вне большого мобиля, им достаются совершенно иные нагрузки. Чудовищные... Там было нападение. И еще продолжается. Один из гроллов почему-то падает, его мобиль больше не ощущается. Уничтожен? Но гролл падает, вопреки боли и холоду, спокойно и точно. Рванул когтями нечто, зацепился, полоснул глубже. Дальше непонятно – все слишком быстро и яростно мельтешит в голове. Теперь опять гролл падает или прыгает, снова нащупал опору. Доволен. Потому что внешнего внимания больше нет. Небо опустело. Зато предчувствие стаи копится и крепнет: долетят до цели без новых происшествий.

Кружащее голову ощущение причастности угасло. Собственные глаза обрели способность видеть. «Серое все какое, плоское», – огорченно отметила Лорана. Пошевелилась. Кофе мучительной отрыжкой булькнул в желудке и поднялся изжогой к горлу. Ничего,

терпеть можно. Руки нехотя нащупали на подлокотнике кнопку снятия ремней. Кресло поползло, складываясь из состояния защитного кокона против перегрузок до более привычного – с высокой спинкой и без жесткой фиксации тела. В ушах больше не шумело. Зато на шее вздувалась шишка. Интересно, что ей впрыснули, выводя из гадкого состояния полутрупа? Это явно сильное средство.

– Лорри, подстрахуй у люка, – тихо попросил Рой.

Он был по-прежнему подключен к системам управления, говорил невнятно, с трудом разделяя потоки внимания. Женщина оглянулась на второе пассажирское кресло: Паук без сознания. Жив, уже хорошо. Все в пределах состояния средней тяжести, как и обещали Горры.

– Зависаю, открываю люк по обнулению обратного отсчета, – прошелестел Рой.

Лорана торопливо нащупала ремень. Ярко-рыжий, сразу видно – страховочный на случай аварии. Просунула руки в лямки, застегнула основной замок, отрегулировала. Счетчик секунд явно торопился, так ей казалось. Только что было пятнадцать – и уже ноль. Люк заскользил вперед, в узкую щель ворвался ветер. Прохладный, но совсем не злой. «Мобиль висит невысоко, хоть и не у самой земли», – догадалась Лорри.

Она увидела рядом горб крыши одиночного мобиля и гролла, лежащего прямо на этой крыше, впившегося в поверхность когтями. На правой передней лапе у него осталось всего два когтя, – успела сообразить Лорана, с каким-то отрешенным спокойствием высовываясь из мобиля, старательно пропихивая второй страховочный ремень под передние лапы гролла, вокруг тела. Защелкнула на спине. Плотнее, еще плотнее. Рыже-карие глаза приоткрылись, разбитая морда оскалилась улыбкой. Гролла забавляла суета женщины. И тем более – ее жалость. А еще собственное бессилие, знакомое и даже смешное. Лорана выругалась, стараясь не смотреть вниз и не думать о высоте. Или думать? Потому что глядеть на гролла страшнее. Как еще жив, в чем душа теплится?.. И как его погрузить удобнее, не добавляя новую боль? Кровь запекалась на шкуре длинными полосами, да так, что по спине уже не определить уверенно масть. Бок порван и сожжен. Грудь дышит хрипло, со свистом. Смятая и странно искаженная. Не иначе ребра пострадали.

Пара минут неумелой возни с погрузочным оборудованием – и гролл уже лежит в салоне. Освободившаяся от груза крыша малого мобиля ушла назад, открывая доступ в крошечный жилой отсек. Ринк повел плечами, потянулся, одним мягким движением извлек и передал кофр, вторым перебросил свое тело в большой мобиль. Люк закрылся.

– Хорошее слово есть у людей – «авось», – устало усмехнулся волвек, раскрывая кофр. – Это я про свой мобиль. Авось долетит до Академии на прямой привязке к нам, Рой постарается.

– Значит, вы не всегда рычите это свое «мы», – обрадовалась женщина.

Говорить с одним из Горров оказалось вполне возможно. Никакой он не механический, просто устал невероятно и за брата ему сейчас больно и страшно. Но повод для радости есть. Гролл дышит, а руки волвека двигаются уверенно и точно. Спасет. Не может быть, чтобы не спас! Худшее-то позади, а впереди Академия, там врачи и снави... Лорри рискнула осторожно улыбнуться. Пусть стая иная. Пусть эти Горры умеют говорить «мы». Не всегда ведь они так странно и непостижимо едины.

– Я говорю «мы» и включаюсь в общность только в условиях задания, – отозвался Ринк, начиная обрабатывать раны брата. – Рив и Рик делают это гораздо чаще, если не сказать – всегда. Они близнецы, полные. Обоим по сорок восемь лет, мне шестьдесят пять. В стае близнецы, а тем более мальчишки-близнецы и не просто двойняшки, огромная редкость. Мои братья – второй случай в нашей истории. До сих пор толком не знаем, двое их или чуть меньше. Сейчас Рив на грани выживания, он был в зоне поражения взрывной волной, потом разгерметизация, семьсот метров свободного падения, пока не очнулся. После он умудрился

еще вскрыть крышу чужого мобиля и навести вместе со мной порядок внутри. Это больше, чем можно требовать и от здорового. Истратил себя полностью, а больно-то не ему – Рику. И мне. Но Рiku несравнимо хуже. Понятия не имею, сможет ли он сменить облик до выздоровления брата. Хромать будет – точно. Когти, пожалуй, и то не втянет. И это оптимистичный вариант.

– Ничего себе «мы», – ужаснулась Лорана.

– Все имеет свою цену, крайняя форма стайности – тоже, – нехотя пояснил Ринк, впрыскивая себе найденный на ощупь препарат: содержимое кофра он явно знал наизусть. – Мы способны на многое. Например, безошибочно отличаем пилотируемые мобиля от беспилотных. Можем вынудить первые к аварийной посадке и уничтожить вторые. Способны уйти из-под удара, осознав его еще на этапе формирования намерения. Мы лучшее, что есть для боя. Но для мирной жизни... – Ринк вздохнул и погладил загривок брата, придирчиво изучил уже закрытый «жидкой кожей» длинный рваный шрам на боку. – Понятия не имею, как разделить сознания Рика и Рива. Мы же загубим род Горров! Мы – замкнутая система. Сейчас мне по-настоящему страшно.

– И что?

Ринк некоторое время молча возился, соединяя сломанную кость лапы брата, вправляя плечо. Потом рассматривал раны на месте вырванных когтей и залечивал, как мог. Начал ощупывать ребра.

– Первая пара близнецов, они были из рода Милт, – наконец мрачно отозвался волк, – погибла в возрасте сорока пяти. Один заболел. Второй принял боль. Вся стая с ума сходила, а вместе с ней и Академия: как и от чего лечить совершенно здорового волвека? Он сгорел в течение суток, пока второй находился без сознания. Чужая... точнее сказать, родственная боль бьет страшнее своей. Тот, что был без сознания, так и не вышел из комы. Никто ничего не успел даже понять толком, какая уж помощь... С Риком и Ривом занимались с рождения, нас трое, и мы покрепче. Пока что непосредственной угрозы ухудшения нет, Рик в сознании и контролирует себя. Но я уже связался с айри Рианом. Он обещал встретиться и помочь.

– Так ведь Рив выздоровеет, – утешила волвека Лорана.

– Мы не принимаем личные беды в полную силу, пока работаем в интересах большой стаи. Мы способны пережить даже гибель части семьи, пока отвечаем за дело. После приземления работа будет закончена, вы окажетесь в безопасности, – отметил Ринк. – Тогда семья замкнется на своих проблемах.

– Отдохни, – испугалась перспективы Лорри.

– Сперва я приведу в сознание или хотя бы предварительно пролечу человека. Потом подмену Роя, он устал, ему в нашем темпе невербального обмена держаться трудно, тем более при пилотировании в режиме превышения скорости индивидуальной реакции. В общем, некогда мне отдыхать.

– Ты что-то очень умное сказал, – хмыкнула Лорана.

– Для нас в условиях боя время течет иначе, – пояснил Ринк, снова склоняясь над своим кофром, шурясь и вглядываясь в бледное лицо Паука. – Мы как бы раскладываем его на троих. Этого пока даже ученые толком не понимают. Ну вот, человек жив, серьезных травм нет, три секунды был в сознании, я выполнил контроль состояния сосудов мозга и базовых реакций, все в норме. Я ввел нужные стимуляторы, они дают усыпляющий эффект. Пошли, поможешь мне подключиться к управлению с кресла второго пилота. Потом отключишь Роя, дашь ему этот препарат. И обязательно разговаривай с ним. Его надо индивидуализировать, выводить из-под нашего воздействия.

Когда Рой Орри очнулся и обрел способность ругаться на Лорану, укоряя ее в болтливости, до посадки оставалось не более пяти минут. Паук безмятежно дремал, Рив стонал и не

приходил в сознание. Вспоминая слова старшего из братьев Горр, Лорана начинала всерьез беспокоиться.

А вечернее море далеко впереди выглядело таким безмятежным... Берег приближался стремительно, медные крыши приветственно блестели. Еще немного – и стали видны знакомая посадочная площадка и крошечные фигурки встречающих. Наконец Лорана различила лица. Мобили, большой высотный в середине и пара малых, садились аккуратно, в стороне от встречающих. Первой от группы отделилась тоненькая фигурка Сати. На ее плече привычно сидел котенок. Следом вышагивал, гора горой, Йялл. Он помог сдвинуть люк и вытащил из малого мобиля гролла. Внешне здорового, но, как и опасался Ринк, не реагирующего ни на кого и ни на что.

Сати села рядом. Гиркс перебрался на загривок гролла и замурлыкал, нагло впиваясь коготками в короткий бархатный мех.

– Нечестно, та стая вон какая громадная! Нас с Йяллом хотя бы двое. А у Гиркса вообще никого нет! – по-детски надула губы Сати и всхлипнула. Решительно дернула гролла за ухо: – Эта Дуурх... представляешь? Она всех его прямых родичей уничтожила. Это называется – отбраковать. Вот так.

Сати поджала губы. Трагичность и серьезность ее заявления смотрелись в равной степени нелепо и неуместно. Но взрослые не возражали. Ждали продолжения. Даже Рой, стоящий за спиной Лорри, замер, не дыша. Ловил каждое слово. Поди пойми волвеков...

– Теперь ты отвечаешь за котенка, – сделала дикий вывод Сати. Нагнулась к уху гролла и повторила громче, прямо-таки крикнула, как будто ее могли не услышать: – Ты один. Понял? Он осиротел, он нуждается в сочувствии. Я делаю что могу, но ты-то гролл, ты ему гораздо роднее.

Лорана ошарашенно огляделась. Никто по-прежнему не мешал Сати городить глупости. Риан умильно взирал, Йялл так вовсе энергично кивал и рычал одобрительно-басовито. Красивая женщина-волвек, Тайя, дождалась завершения очередной фразы и, когда ненадолго наступила тишина, нырнула в большой мобиль и занялась осмотром Рива. Подплыла медицинская платформа, раненого гролла загрузили на нее. Следом появилась вторая, забрала мирно спящего Паука.

– Директор, – Лорана нашла подходящий источник информации, – почему все озабочены счастьем котенка?

– Не мешай, – сердито отмахнулся айри. – Мы еще не закончили.

– Опять «мы»? – ужаснулась Лорана.

Риан рассмеялся. Отвернулся от гролла и Гиркса, мурлыкающего у того на спине. Приобнял Лорри за плечи и повел прочь, на ходу расспрашивая про кольцо, Паука и полет в целом. Похвалил за выбор эксперта. Посетовал: его родичи айри обожают интриги, кичатся своей избранностью и не мыслят жизни без заговоров. И каждый раз умудряются сделать нечто, даже отдаленно не соответствующее исходному плану. Потому что вмешиваются особые обстоятельства.

– Ничего не поняла, – честно призналась Лорана. – Ты вообще куда меня тащишь?

– Спасая остатки сбережений Йялла, – лукаво улыбнулся пожилой айри. – Хочу посидеть на мостике «Владыки морей» в твоём обществе. И не втягивай воздух, готова вопли про головой об стол и глаз вон. Ты теперь глава архивного отдела. Изволь перенимать хорошие манеры. Попробуй так: «Я признательна».

– Ё-о-о...

– Еще разок попытайся.

Вечерняя набережная открылась во всей красе. Как обычно, былолюдно, но не шумно. Играла музыка, звенели бокалы, закатные волны и блики на них казались ворохом лепестков

роз самых разных оттенков. Возле одного из ресторанчиков перефыркивались кони: состоятельные люди любили отдых в старинном стиле. Особенно в Гирте, древнем и богатом.

По длинному, уходящему в закат мостику неторопливо двигалась темная фигурка фонарщика. Он зажигал один за другим самые настоящие масляные светильники, огоньки которых отмечали путь от земли в море и в прошлое, как казалось Лорри. Туда, где еще существуют корабли диковинного вида. Парусные. Как же тут не добавить пару ярких определений к безликому проглоченному «ох»!

– Не так, – поморщился Риан. – Отдышись и заново. Нет, о том, что убиться от счастья можно, даже не начинай. Тренируй выговор. Ты не имеешь права бросать тень на репутацию Ялитэ.

– Он-то тут при чем?

– А мне откуда знать? – картинно развел руками Риан. – Стар я, зрение слабеет, может, чудится невесть что. Слух тоже подводит. Садись.

– Да лады у тебя со слухом и с гляделками... Прости, поняла. Буду молчать, пока не научусь разговаривать по-человечески.

– Утром начинай молчать. А пока что изволь любыми словами подробно рассказать мне про Сати. Как она относилась к окружающим и как они относились к ней. Как росла, когда начала разговаривать. Как училась ходить. Почему у девочки именно кот и почему такой? Всегда ли у нее глаза серые с прозеленью?

– Во дела... Прости. Старуху Томи ты допросил?

– Уже все опрошены, Тамила тоже. Меня интересуют детали. Какие – уточнил. И стимулировал твою недешевую память.

– Ладно, – согласилась Лорри, восхищенно изучая блюдо с морскими диковинами. – Я коротко, чтоб слюнями не... э-э-э... аппетит не пропал чтобы. Когда она попала к Томи, уже ходила. Хорошо ходила, даже бегала. Говорила – тоже. Странно лопотала на выдуманном языке. В две недели освоила нормальный. Самые простые слова, но точно их использовала и понимала смысл, я уверена. Глаза у нее в младенчестве были чисто серые. Потом вроде позеленели, недавно опять чуток побледнели.

Лорри умоляюще глянула на Риана и подвинула ближе блюдо. Не заметила возражений и замолчала надолго. Ела с аппетитом, столовыми приборами пользовалась неумело – но айри не одергивал и не поучал. Он думал, щурился и даже, кажется, напевал. Сделал официанту приглашающий жест, когда блюдо опустело, – тотчас принесли новое, еще более красивое и непонятное.

– Потрясающе! – вдохновилась Лорана. – Шикарно стимулируешь память!

– Уже лучше реагируешь. Не ответила на два вопроса.

– Как она и мы общались... Хорошо общались, с ней легко. Вот отказать ей – трудно. С детьми она играла мало. Часто просила отвезти ее в пустыню или к озеру. Одна любила гулять. Говорила, что слушает ветер. Что там еще?.. Кот, да? Я хотела подарить ей собачку, маленькую, хорошенькую. Она прознала: всегда догадывалась о несказанном, паршивка! Пришла, глянула на меня снизу вверх, погрозила пальцем. И потребовала непременно котенка, синеглазого, чтоб как в сказке. Еще сказала, что собаки слишком послушные, а кот себе на уме. Бродит в странных местах и смотрит на самое важное. Это я запомнила точно. Ну, я слетала на побережье, свистнула самого толстого и красивого... все.

Риан рассмеялся, выпустил когти, которые есть у каждого айри. Но пользоваться ими не принято – разве что ради развлечения, чтобы эффектно вскрыть бутылку с вином. Пробку айри отдал восторженно взвизгнувшей Лорри:

– Усвой – директор предпочитает выдержанные крепленые. Я их не так высоко ценю, у тебя пока что своего мнения нет. Начнем формировать с его варианта вкуса. Наливаю, пробую, транслирую в твою большую голову... Хоть ловишь? Пообщавшись день в плотном

контакте с волвеками, должна настраиваться без проблем и на мое сознание, пока не успела захлопнуться в себе. Сейчас удачный момент: можно без больших затрат сил вывести тебя на новый уровень невербальной чувствительности. Хотя ты и прежде неплохо улавливала настроение близких, как я понимаю.

– У меня от волвеков мозги всмятку, да еще полет с нападением, да сверх того умирающие близнецы. Но я ловлю, как могу. Вся аж плющусь от усердия.

– Пей и слушай. Я скажу несколько фраз. Попробуй сообразить, похож ли язык на тот вымышленный, из младенчества Сати.

Говорил Риан негромко, явно на одном языке, слегка меняя тон и стиль речи. Лорана слушала, энергично кивала и ела. Она и представить себе не могла, что кормить будут так вкусно. Зато теперь бессовестно наедалась и запасалась впечатлениями впрок. Рядом с пожилым айри было удивительно спокойно, словно Рив и Рик в безопасности, а все заговоры мира – это жалкие игры неразумных детей.

– Язык тот самый. – Лорри сыто оперлась на локти, игнорируя неодобрительный взгляд Риана. – Слушай, а ты все знаешь? Вообще все? Ты же мои ответы предвидел еще до того, как задал вопросы.

– Отчего-то многие милые женщины задают мне один и тот же вопрос. Век за веком, – неискренне удивился Риан, демонстративно поправляя салфетку, лежащую на коленях. – Нет, конечно! Даже Великий всего не знает, а я – не более чем пожилой айри. У меня имеются некоторые предположения, обоснованные и обдуманное заранее. Например, такая идея: создатели испугались просыпающихся возможностей Сати и отправили ее в самое убогое местечко Релата. Туда, где нет ни айри, ни волвеков, ни снавей – где некому научить ее читать реальность во всей полноте. Где нет нормальных школ, чтобы воспитать разум и логику, а нравы в упадке. Они решили: девочка останется никем не замеченной и вместе с тем прощепринимет чужое главенство. Право сильного, взрослого, умного, богатого...

– Чушь!

Шумно и коротко возмутившись, Лорана подцепила со стола предназначенную для нее салфетку, свернутую самым невероятным образом в подобие цветка. С третьей или четвертой попытки цветок удалось развернуть. Риан довольно кивнул, отмечая размещение салфетки на коленях госпожи Диш, и сделал знак официанту, предлагая готовить перемену блюд.

– Отчего же сразу «чушь»? – вернулся он к прерванному разговору. – История волвеков, самого свободолюбивого народа двух миров, знает примеры удачного обмана детей их хозяевами. Достаточно выставить себя добрым учителем и открыть своей волей прежде запретное – и ты уже на ступень выше и уважаем. Айри ведь навещали ваш городок.

– У меня бывали, – нехотя кивнула Лорри. – Но про Сати никогда не спрашивали.

– Не всегда люди помнят о заданных им вопросах и собственных ответах, – вздохнул Риан. – Тебя спрашивали про девочку, я не просто изложил свои вопросы, но и отследил старые блоки в твоём сознании.

– Ё-о-о... не верю. Я бы не стала закладывать Сати. Я не враг ей!

– Ты говорила неохотно, согласен. Ты даже, как я думаю, сделала немало полезного, сама того не ведая: представила Сати простушкой. Благодаря твоей неразговорчивости за ней не пришли раньше. А вот позже за ней не пришли, – Риан усмехнулся, – из-за меня. Я добыл данные по опытам и искал девочку, это стало известно. Так что мы тут отдыхаем с полным правом. Мы с тобой молодцы, госпожа Диш. Давай повторим дегустацию вина и перейдем к десерту. «Клубничный сюрприз» ты обязана попробовать, иначе тебя не поймут твои знакомые волвеки.

– Я засну, утонув носом в сливках.

– Ничего. Ты хотела сюда попасть, а кто знает, будет ли время позже... Пей. Домой я тебя обязуюсь доставить в целости и с чистым носом.

Лорана охотно приняла бокал, принюхалась и выпила содержимое мелкими глоточками. Крепленое красное ей пришлось по вкусу при первой пробе, а теперь – еще больше. Настораживал лишь вид бутылки: слишком потертая старая этикетка и настоящая восковая заливка горловины с рельефной печатью. Да еще и малая этикеточка на горлышке, а на ней надпись от руки... Сколько такое может стоить, лучше и не думать! И без того понятно: не по карману ей подобный вкус.

– Восхитительно, – самым светским, как ей представлялось, тоном проворковала Лорри. И оскалилась до коренных, исправляя слащавость похвалы. – Риан, а мне можно один вопрос задать?

– Можно задать один вопрос про Рива и Рика. Другие-то я не расслышу, старость не радость, – привычно посетовал айри.

– Во-во, годится. Ну и хитрюга ты! Слушай, а вот Йялл – вы с ним давно знакомы?

– Что?

– Давно ли... ах да, уши у тебя глючат, – припомнила Лорри. – Валяй про братьев, пока хоть это в силе. А ты врать умеешь? Ты же не волк, ты же не тупишь с их кристальной честностью.

– Кристально-стайной? – порадовался Риан, расшифровывая новое слово. – Нет, я не так... прозрачен. Слушай про близнецов. Но сперва пообещай и мне одно небольшое ответное одолжение. Вот книга, самая модная книга этого года. Изучи на досуге.

– И что потом? – заинтересовалась Лорри, подгребая поближе шар с записью.

– Потом поступай по собственному усмотрению. Ты ведь, кажется, в свое время относилась к числу тех, кого в Инфосреде именуют ныряльщиками за умение добывать ценности в мутных потоках сведений и погружаться глубоко в информационные омуты. У тебя сленг нелепо слонится, в нем и улица, и Среда, и просто глупая поза, и такое занятое творческое желание изобретать слова... Мне даже интересно.

– Порадовал. Я – и вдруг интересная. Может, еще разок на дегустацию попрошусь.

– Поработай над речью, и я обеспечу вознаграждение. Пока же я поговорил со старшим инспектором Борхом. Улику в виде кольца сдать можно и завтра.

– Ё-о-о, отпад! – рассмеялась Лорри. – Прости, я имею в виду, что впечатлилась. Давай теперь трави про близняшек.

– Ты понимаешь, что последняя фраза на хорошее вино не тянет?

Лорри покаянно вздохнула и кивнула. Покосилась на бутылку. И предпочла не комментировать рассказ айри, снова рискуя потенциальным вознаграждением.

Глава шестая Умение читать

Встретив Горров и убедившись: жить будут, дело исполнили и стаю не подвели, Йялл захромал следом за Тимрэ. Признаваться в том, что нога болит, не хотелось. Не первая травма, он привык и справится. Но айри настоял на своем. И не просто айри – любимый ученик Риана. Как с ним спорить? Приходится рычать, чесать за ухом и терпеть чуть насмешливую и очень искреннюю заботу. В конце концов Тим прав – есть повод для подначек. Так глупо, так непрофессионально подставиться под удар! Чудом выжить при встрече с ничтожеством Литтаримом, которого он в честной схватке – одной лапой и не глядя... Правда, честные схватки бывают только среди стайных. Это-то он обязан был помнить.

Двадцать восемь лет прожил вне стаи. Так долго! Целую жизнь для человека – весь его взрослый и деятельный возраст, если не учитывать возможностей продления юности. Люди вокруг менялись, и сильно. Он оставался для них абсолютно неизменным. До оторопи, а порой и до неприязни. Прежний напарник, до Ларха, отчаянно завидовал силовой подготовке волвека. Старел, терял силы – и все более мрачнел, замыкаясь в отрешенности. Хотя чему завидовать? Человек имеет семью и дом, растит детей и живет в своем мире, естественно вписанный в систему. А волвек-одиночка?

Первые пять лет были ужасными. Йялл помнил о своей неспособности создать даже малейшую стабильную связь – не только полноценную дружбу, но хотя бы приязнь, ровную и взаимную. Он раскрывал душу и пытался делиться, но люди не понимали порыва, они ведь не могут так – сразу и до самого доньшка. Верить, принимать, ценить. Люди сомневаются и осторожно прощупывают почву. Как слепые... Впрочем, в некотором отношении так и есть: не читают в душах друг друга, а словами запутывают все окончательно. Лгут, умалчивают, приукрашивают, искажают. Не обрабатывают информацию, а формируют ее в своих интересах. «Подают под нужным углом зрения» – так они это именуют. Йялл долго не понимал. И каждое непонимание завершалось болью. Когда открываешь душу, боль предательства особенно велика.

Постепенно он научился считывать смысл, скрытый за словами людей. Осознал, как много всего намешано в звуках речи, тусклых и пустых на слух, лишенных объема, даруемого невербальным подтекстом общения стайных. У людей тоже есть подтекст. Почти всегда. Только он неявный, искажающий смысл основного понятия. Как объяснить стайному, что можно не просто дружить – но дружить против кого-то? Он по наивности умудрился, сам того не понимая, в первые же годы ввязаться в несколько странных и сложных, частично обозначенных обязательств и альянсов. И скоро обнаружил: дружат-то уже против него! Азартно, слаженно и хитро... Слишком силен, умен и успешен. Чересчур другой и чужой. Высовывается, выделяется из общей массы.

Люди – хищники по своей сути. Это он понял однажды – точно и накрепко. И принял не в качестве обвинения, а просто как данность. С тех пор делал меньше ошибок, научился определять породу зверя, скрытого в душе каждого человека. Да, у них нет второго облика, видимого. Но кто сказал, что нет и иного – незримого? Есть! Он знал немало людей-падальщиков и людей-крыс, изучал с брезгливым интересом людей-шакалов, загоняющих дичь на измор и без жалости. Ознакомился с людьми-тараканами, охотно поедающими остатки чужих блюд и при первой угрозе исчезающими в щелях. И научился выбирать для общения иных. Гордился дружбой с сильными и достойными. С Лархом – хитрым, изворотливым и несколько заносчивым, изрядно самовлюбленным и слегка корыстным, но надежным и стойким к предрассудкам. Со старшим инспектором Борхом – хищником большого веса и

чудовищной хватки. С Лорри – существом одновременно опасным и беззащитным, озлобленным и трогательно-добрым. Эта двойственность природы людей уникальна и достойна внимания. В них уживается несовместимое. С точки зрения стаи – это невзрослость, неумение читать и корректировать самих себя. А разве можно – таков логичный вопрос для взрослого волвека – мстить детям? И как с ними – опасными, многочисленными, непредсказуемыми – сосуществовать мирно?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.